

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОДА ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ ВЕДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛЫБИТ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

Вестник

КОНАН

Локнит Олаф Бьорн
КОНАН
И ПОСЛАНИК
МРАКА

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Л73

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.08.2001.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 10 000 экз. Заказ 2564.

Локнит О.Б.

Л73 Конан и посланник мрака: Роман / О.Б. Локнит. —
М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад
Пресс», 2002. — 441, [7] с. — (Конан).

ISBN 5-17-009988-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-029-4 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет увлекательное продолжение тетралогии Олафа Локнита «Трон Дракона», повествующей о событиях, потрясших всю Хайборию во времена правления короля Конана: в самом сердце Немедии разыгрывается борьба не на жизнь, а на смерть за престол и корону. Но в битву, помимо людей, вступают также и сами боги...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2001

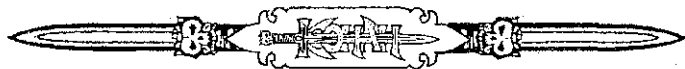

Сопроводительное слово к рукописям

ыне, когда минуло два года со времен Войны Алого Камня, составители данной книги воспоминаний хотели бы прояснить для читателя истинную сущность великого артефакта, случайно обнаруженного принцем Тараском и его приспешниками.

Каримэнон, Алый Камень ныне позабытой Радужной Цепи Равновесия и созданной легендарным Ротой-Всадником приблизительно восемь с половиной тысяч лет назад (ныне сию эпоху принято именовать «До пришествия в мир людей») был первым в означенной Цепи, что призывалась своим творцом к охранению сущей вселенной от вредоносного и разрушающего действия магии, коей в те времена пользовались куда шире и изощреннее, нежели в дни нынешние. Как подтвердили знающие маги (имеются в виду Тотлант Стигийский и Озимандия Аквилонский), камни Великой Цепи, охватывавшей кругом Закатную часть Ма-

терику поглощали силы Черного и Белого волшебства, обращая их в магию Равновесия, неспособную причинить вред по своей природе, однако становившуюся весьма опасной, если бы обнаружился человек или не-человек, способный направить эту мощь против своих врагов. Рота отнюдь не зря поименован в истории «божеством Неудачников» — бедствия и провалы любых его предприятий подстерегали Всадника Ночи на каждом шагу; ни единый памятник его, во многом великой, эры не сохранился, сам Рота доселе считается едва ли не воплощением мирового зла и в Нордхейме матери по-прежнему пугают им непослушных детей. Даже весьма надежно устроенная и тщательно укрытая от посторонних глаз Цепь Равновесия, устроенная из семи Радужных Камней и Трех Сияющих (каковы свойства последних, донныне неизвестно) после разрушительной Войны Ярости и низвержения Роты была уничтожена победителями, полагавшими, что любое наследие изгнанного за Грань Всадника суть губительно и опасно для обитающих на Земле разумных существ. Камни, вероятно, были найдены и разбиты, кроме (как полагается ныне) единственного — Алого, каковой и попал в руки вначале Тараска, а засим и прочих участников этой тягостной истории. Сила Равновесия, заключенная в Камне обернулась для его обладателей дыханием давно позабытого Черного ветра — направленная волей человека во зло другим людям, Сила преобразовалась: не принадлежащее никому Равновесие и смешавшаяся с ним недобрая воля людей начали приобретать Черный оттенок. Так маленькая ложка смолы

способна испортить бочонок меда. Накопившаяся за долгие тысячелетия мощь Алого Камня нашла выход — на разрушение. И страшнее всего то, что человек обладавший Камнем привыкал к его Силе, как курильщик лотоса всегда тянется к новой порции ядовитого порошка. Но и Камень привыкал к своему временному хозяину, питаясь силой его души...

Обо всем прочем, связанном с историей Каримэнона, вы узнаете ниже. Мы готовы представить любопытствующим третью часть книги мемуаров, повествующих о Короне и Камне.

Аквилония, Тарантия.
Подписано на Праздник Сбора Урожая 1296 года
собственной рукой Халька Юсдаля из Гандерланда,
а с ним и удостоверяется росчерком Хэлкарса,
барона Целлига из Бельверуса.

Глава первая

Дневник Халька Юсдаля — I «Бриллианты ожерелья Заката»

*Бельверус, Немедия.
13 день Второй весенней луны.*

По изволению Солнцезарного Митры и повелением государя Аквилонского Конана Первого Канах — его достославнейшая светлость Просперо, великий и наследный герцог Пуантенский, герцог Брассак, граф Люксэ, граф Валландро, владетель Гайярда и Монсегу а также прочих земель, кавалер коронного ордена Большого Льва, регент, вице-король и вице-канцлер королевства Аквилонского, повергает свое благородное почтение к стопам короля Немедии и имеет честь передать заверения в совершеннейшей дружбе и братской любви от имени своего могучего сюзерена и всех дворян Аквилонской монархии!

Наш свитский герольд выдал этот куртуазный шедевр на одном дыхании, ни разу не запнувшись — вот что значит опыт! Мастерство не пропьешь, хотя герольд, месьор Ламбо, в обычное время имел вид красноносый и вечно пошатающийся.

В соответствии с дворцовым этикетом Бельверуса и по указаниям невероятно напыщенного церемониймейстера его светлость герцог остановился в пяти шагах от знаменитого Драконьего Трона повелителя Нумы (золото, распахнутые крылышки, ошеренные клыки поблескивают алмазами...), на миг преклонил колено и снова поднялся, ясно давая понять Его величеству королю Тараску, что у аквилонцев собственная гордость и мы имеем честь ходить под знаменами иного государя.

Редкий случай: сопровождающие герцога в кои-то веки стояли прямо, шуток не отпускали, преданно пожирали глазами его светлость и пытались не ударить в грязь лицом перед иноземным монархом. Сие относилось даже к дикарям под командованием Бриана Майлдафа и десятника Коннахара Гленнлаха. Эти двое вообще старались больше всех, пыжились и надували щеки, производя вид огромных жеребцов, собирающихся пускать ветры.

Церемония представления посольства была в самом разгаре. Просперо вручил церемониймейстеру чудовищный пергаментный свиток с золочением по обрезах и надписями красной тушью — пресловутые «верительные грамоты», новый

король равнодушно скользнул взглядом по пергаментам, кивнул и протянул государственный перстень для поцелуя. Герцог недовольно поджал губы, но надо — значит, надо. Этикет... У нас в Аквилонии перстнецелование для дворян давно отменили.

— Счастлив приветствовать великого герцога Пуантенского, — чуть прохладнее, чем следовало, обронил Тараск. — Я искренне сожалею, что государь Конан не смог лично принять участие в грядущем торжестве.

— Государю нездоровится, — с похожей ленивой прощедил Просперо. — Врачи посоветовали Его величеству, не тратя и дня, поправить крепость тела на водах. На Зингарском побережье.

Какой-то мерзавец, спрятавшийся в плотных рядах нашего посольства, все-таки хрюкнул. Понятия «Конан» и «болезнь» совместимы лишь в одном случае: когда король терзается похмельем. Меня всегда забавляли шуточки Конана, отпускаемые в каких-нибудь тавернах, когда на требование принести попить ему доставляли воду: «Я просил что-нибудь выпить, а не чем-нибудь помыться!»

Впрочем, это неважно. Пока Просперо разливался соловьем, ублажая слух Тараска Эльсфора пышными разглагольствованиями о нежной и вечной дружбе между двумя душевными соседями, славными королевствами Немедия и Аквилония, о благородстве, славе, чести, союзничестве и добросотрудничестве их достойных монархов, чьи короны осенены тысячелетними тради-

циями, а благородная кровь обеих династий является светочем всего Заката, я исподтишка разглядывал живописных персонажей, собравшихся в гигантской церемониальной зале дворца Бельверуса. Как-никак, сегодня день общих представлений — гости Немедии явились изъявить Тараску свое почтение. Аквилонцы, как ближайшие и самые крупные соседи, возглавляли сей парад тщеславия: расфуфыренная гвардия, начисто отмытые и причесанные дикари Бриана Майлдафа, сундуки с дарами (масса золота и украшений выделки лучших аквилонских ремесленников). Самым необычным подарком полагался настоящий живой дракон, точнее, дракончик.

(После событий шестилетней давности у аквилонцев остались некоторые связи с боссонским Ямурлаком, король Конан и я продолжали дружить с грифоном Энундом из клана Стигов. Так вот, Энунд и устроил нам поимку маленького, размером с медвежонка, дракона-виверна. Существо полуразумное, внешне красивое, переливающаяся оранжево-золотая чешуя с черными полосами, опасности для человека не представляет. Символично получилось — доставили к Трону Дракона настоящего дракона. Проявили, так сказать, безупречный вкус).

Тараск снисходительно осмотрел подарки, остался вроде бы доволен, погонщики увлекли упирающегося дракончика в сторону зверинца, а лакеи за долю мгновения убрали кучку помета, исторгнутую зверем от переизбытка впечатлений, и церемония вернулась к благочинному те-

чению. Просперо, меня и наших офицеров поставили справа от трона короля, распорядитель несколько раз ударил жезлом о специальный гонг, раскрылись высокие двери, а я услышал, как Конан сдавленно охнул где-то у меня за спиной.

— Правительница земли, моря и океана, королева Зингарская, Кардальская и всех островов к Закату от побережья Материка, великая герцогиня Кордавская, Саломонийская и Бурготская, Чабела, дочь Фердруго! Принц-консорт Оливерро и свита Зингары!

— Я пропал,— одними губами шепнул Конан.— Она же меня узнает!

— Спрячься за Бриана,— шикнул я.

— Она и Бриана знает! — подавляя столь неуместное к торжественному моменту фырканье, гукнул киммериец и попытался стянуть лицо в непроницаемую маску.— Мы же все околачивались в Кордаве, когда подписывали Морской Договор!

— Тише,— я расправил плечи, пытаюсь закрыть собой Конана — попытка, заранее обреченная на неудачу из-за очевидной разницы в нашем телосложении.

Величественна государыня Зингарская, ничего не скажешь. Ей под сорок, а выглядит едва на тридцать лет, огромные черные глаза в ресницах, коим позавидует любая газель, необъятное шелестящее платье на широчайшем кринолине, как и положено, расшито кораблями, левиафанами и плещущимися рыбками, узкая золотая корона с сапфирами и синими аметистами —

символ владычества над морем, в правой руке знаменитый Скипетр Морских Королей: платиновый жезл, снизу заканчивающийся якорными лапками, а наверху увенчанный каплевидным голубовато-зеленым алмазом чистейшей воды размером с куриное яйцо — самый дорогой, самый красивый и самый древний бриллиант Заката!

Принц-консорт, нынешний муж Чабелы (между нами говоря, сопля и тряпка, хоть и выглядит представительно) деловито поддерживает бесконечный атласный шлейф своей королевы. Ума не приложу, почему красавица Чабела, пользовавшаяся сногшибательным успехом у всех королей Материка, прошлой зимой решила выйти замуж за эту рохлю? Почти уверен — потому, что Конан не согласился принять в очередной раз ее руку и сердце, а возмущенная Чабела отомстила несговорчивому киммерийцу на свой лад. Оливерро плотненько сидит под очаровательным каблучком Ее величества и, впрочем, не жалуется.

И все же это свершилось...

Чабела, напыщенно поприветствовав Тараска и одарив нового немедийского короля множеством жемчугов и иных изысканных даров моря, обвела взглядом аквилонских послов, на мгновение остановила взгляд на Конане, но осталась верна себе, лишь едва заметно вздернула тонкую бровь. Стало ясно, что грядущим вечером кому-то придется долго объясняться, и даже не надо долго гадать — кому.

Церемониальная зала постепенно наполнялась новыми и новыми гостями.

Объявили о прибытии Его величества Балардуса Кофийского.

За ним с металлическим грохотом выступили облаченные в сверкающие кольчуги гвардейцы нынешнего короля Бритунии Альбиорикса (сейчас Конан тоже прятал глаза, ибо сам возвел Альбиорикса на трон девять лет назад, разумеется, при весьма сомнительных обстоятельствах). Аргос представлял наследный принц Ариостро, сын короля Мило. Прибыли и туранцы под водительством Альгалиба, великого визиря императора Ездигера — их подарки были самыми пышными. Что поделаешь, Золотой Восход! От Офира явились великий герцог Аргилло (один из претендентов на пустующий доселе трон) и ее светлость графиня Клелия Кассиана диа Лаурин из Ианты. Узрев сию величественную белокурую и очень красивую даму, Конан отчетливо вздрогнул, дернул меня за рукав и пробормотал: «Спасайся, кто может... Да мне теперь из своей комнаты носу нельзя будет высунуть! Сколько знакомых лиц!»

— Это еще не самое худшее,— жизнерадостно прошептал я в ответ. И накликал.

Следующими гостями оказались управители немедийских протекторатов, Коринфии и Заморы. Герцога Коринфского я доселе не встречал, оказалось — так себе старичок, похож на разбогатевшего стряпчего. Зато протектор Шадизара, Аренджуна и всех земель Заморы выглядел весь-

ма колоритно и вполне подходяще для должности правителя страны, которую сотню лет уверенно владеющей званием самого беспокойного края Материка.

— Держите меня семеро! — Конан аж пошатнулся и протер глаза.— Не может быть!

— Заткнись! — буркнул я.— На нас смотрят! Кого ты еще углядел?

— Да как бы тебе сказать... Слушай распорядителя!

— А ты не дергайся и на ноги не наступай!

Церемониймейстер тем временем огласил зал очередным воплем:

— Его светлость протектор Заморийский, управитель земель короны, достопочтенный Аластор Кайлиени!

— Я сейчас умру...— выдавил Конан.— Славная карьера у пройдохи Альса!.. Запомни этого типа получше и обходи как можно дальше. Спирной к нему не поворачивайся и беги с его дороги.

— А в чем дело-то? — спросил я, недоуменно разглядывая довольно высокого молодого человека характерной шемитской наружности: резкие черты смуглого лица, горбатый нос и копна темных вьющихся волос. Вдобавок господин протектор обладал выразительными черными глазами и ясной лучезарной улыбкой, от вида которой в чувствах присутствующих в зале дам и девиц наверняка возник эдакий приятный трепет пополам со сладким головокружением. Могу смело биться об заклад: к завершению коронации-

онных торжеств по вине сего красавчика из Заморы разлетится вдребезги немало хрупких женских сердец и свершится не один десяток поединков в защиту оскорбленной фамильной чести. Еще я твердо убежден, что многие из стоящих здесь благородных месьоров покинут Бельверус с изрядно облегченными кошельками, давая нерушимую клятву — никогда впредь не садиться метать кости или играть в тарок с человеком, приехавшим из Шадизара. Проигрыш обеспечен, как ни старайся.

Конан ничего не ответил, только головой качал и раздраженно одергивал складки клетчатого черно-красного фейл-брекена.

Спустя несколько мгновений варвару нанесли следующий удар.

— Светлейшая королева Хаурана Тарамис из рода властителей Аскаулов Ханирийских!

— А она хорошенькая, — тоном искушенного знатока женской красоты отметил я, стараясь не слышать зубовного скрежета Конана, искоса рассматривавшего владительницу Хаурана. Лет тридцати или чуть постарше, стройная, гибкая, в смолянисто-черных волосах ослепительно горит золотая диадема с огромным рубином. Неужели это знаменитое сокровище владычиц маленькой страны, самоцвет, известный как «Небесное Пламя»? Наряд королевы заслуживал лишь символического названия «покрова» — вокруг нее взлетали радужные прозрачные шелка да тонко звенели при каждом движении многочисленные вычурные украшения. — Тоже давняя знакомая?

— Я же рассказывал! — сморщил нос Конан. — Служил я у нее лет десять назад! Вот не думал, что встречу в этом немедийском вертепе все мои самые большие неприятности! Дома надо было сидеть! Целебные воды попивать! А это кто такие?

Ответ не замедлил последовать. Герольд прогрохотал жезлом по отозвавшемуся гулким уханием гонгу и вострубил:

— Славнейшие и блистательные соправители королевства Хорайя — принц Коссус и его высококородная сестра принцесса Ясмела!

— Это подстроено! Это все нарочно! — порывал Конан над моим ухом, глядя вслед удаляющейся царственной паре. — Все собрались! Еще Ши Шелама не хватает! Или Паломы, например. Или Карелы... Вот уж действительно семейная посиделка! Каким же я выгляжу идиотом! Надо было ехать в настоящем обличье, в королевском! О, ты глянь-ка! Хоть одно приятное лицо!

— Его величество Эрхард, сын Этельвульфа, государь Союзного королевства Пограничья, Граскааля и Эйглофиата, а также Закатных вольных баронств! С наследником и свитой! Посол подгорного короля Дьюрина VIII, Дарт, сын Топира из клана Ниди Топора!

По залу пролетело еле слышное заинтригованное перешептывание. Короли, королевы, графы, герцоги, принцы, протекторы, военачальники и свитские, явившиеся на церемонию представления, нетерпеливо повернулись к дверям.

Варварское посольство! Да еще король не человек, а оборотень! Как интересно!

Пограничье, говоря откровенно, до сих пор не принимают в качестве серьезной державы. Делается это скорее по устоявшейся традиции, нежели из-за особой неприязни к дальнему полуночному соседу. Пограничье ничуть не хуже какой-нибудь там Бритунии, я уж не говорю о таких «нецивилизованных» странах, как Иранистан, Арим или Гиперборея.

Вот они, наши оборотни, во всей красе. Вырядились-то как! Да за одну шкуру дрохо, ушедшую на мантию Эрхарда, можно купить приличный домик с садом, и еще на пиво останется. Корона, в отличие от венцов иных стран, в Пограничье не золотая, а серебряная — широкий обруч на горностаевой шапке, лишь перекрытый четырьмя тонкими золотыми дужками и украшенный гномьими самоцветами.

Все пошло бы по наезженной колее, благородное общество пережило бы даже явление среди посланников настоящего гнома, но я вкупе с присутствующими вскоре получил серьезный повод насторожиться. Не замечалось на лицах представителей славного Пограничья особой радости и положенного трепета перед великолепным Драконьим Троном. Эрхард благочинно произносил надлежащие слова, однако наши старые дружки, Веллан, Эртель и Тотлант, как-то чересчур хмуро переминались с ноги на ногу за спиной короля, а стигийский волшебник обводил высокое собрание мрачно-заинтересованным

взглядом, словно боялся каких-то неожиданно-стей. Гвардия же посланников Пограничья тоже отнюдь не светилась счастливыми физиономиями — все угрюмые, хмурые... Неужели что-то случилось в дороге?

Да, действительно, случилось. Когда Эрхард с поклоном отошел от Тараска (целовать перстень не понадобилось, ибо данная процедура не совершается при обмене любезностями меж королями), немедиец собрался было встать и попри-ветствовать высокое собрание, однако Эрхард внезапно поднял руку.

— Сожалею, что вынужден отягощать столь счастливый день недобрыми вестями, — медленно и внушительно проговорил король Пограничья, — но я дал слово некому благородному дворянину немедля по приезде в Бельверус огласить врученное мне послание перед лицом короля Тараска.

— Может быть, мы отложим дело на потом? — мягко сказал Тараск, поднимаясь с трона. — Нет? Что ж, если мой царственный собрат, король Эрхард, дал слово, я не могу препятствовать его выполнению. Читайте же.

Эрхард прокашлялся, несколько не королевским жестом сдвинул опущенную горностаем корону на затылок, развернул пергамент и...

— Вот это да! — возбужденно прошептал за моей спиной Конан. — Хальк, мне чудится или все — правда?

«Славнейших государей стран Заката и Восхода, — громко читал Эрхард, тщательно выговаривая

каждое слово,— приветствуют дворяне Немедии через Его величество короля Пограничья, любезно согласившегося доставить сей ордонанс в столицу нашего великого королевства и огласить оный пред ликом того, кто имеет дерзость называть себя королем Немедии».

Публика окаменела. Стоявшая ближе всех к нам Чабела Зингарская слегка подалась вперед и ее блистательное декольте в облаках лазурных кружев с голубым жемчугом начало вздыматься чуть чаще. Похоже, запахло скандалом. Причем, я бы сказал, не обычным скандалом, а самым что ни на есть великосветским.

Эрхард бесстрастно читал:

— «Мы, наследники древнейших и славным фамилий Полуночи, потомки Нумы, Эпимитримуса, королей-основателей Алькоя и Олайета...»

Старый оборотень поднял глаза на Тараска, деловито уточнив:

— Дальше перечисляются шестьдесят два титула и имени. Читать?

— Читайте,— выдохнул король.— Конечно, читайте. Громко. Пусть все слышат!

Я слушал.

Список открывался знакомым именем. Ольтен Эльсдорф, принц крови, по закону — король Немедии. После второго имени меня чувствительно ткнули кулаком в спину.

— Слышал? — шепнул Конан.

Сразу за Ольтеном депешу подписала некая Долиана, наследница герцогского титула Эрде, принявшая оный титул в соответствии с закона-

ми и уложениями о дворянском наследовании гербов и ленов после гибели всех членов семьи.

И пошло-поехало.

Восемь герцогов, двадцать три графа и тридцать семь баронов Полуночной Немедии. Некоторые имена я знал — семейства Клеве, Целлиг, Крейн, Дюшрек или Майль, некоторые слышал впервые.

— «С тем мы, люди пользующиеся в дворянстве нашего государства безусловной и безупречной репутацией верных слуг Трона Дракона, объявляем Тараска Эльсдорфа, принца короны, узурпатором и злодеем, незаконно захватившим трон, издревле принадлежащий династии Эльсдорфов, обвиняем его в оскорблении величия, покушении на королевскую кровь, убийстве членов королевской семьи, противозаконном и противогосударственном перевороте, исподволь подготовленном кофийской монархией...»

— Ложь! — послышался среди кромешной тишины один-единственный краткий возглас.

Король Балардус, покраснев, выступил вперед, но его вовремя удержали придворные. Эрхард продолжал читать, даже не без видимого удовольствия:

— «...Исподволь подготовленном кофийской монархией, а также в подстрекательстве народа к бунту, разрушению государственных и законодательных устоев. С тем Великий дворянский совет Полуночи, областей Соленых озер, Эвербаха, Меноры, герцогства Нумалия и прочих земель, не требующих развернутых перечислений, заявляет, что с момента оглашения настоящего ордонанса Тараск Эльсдорф, сын Ар-

тезы Эльсдорф, сестры нашего почившего короля, считается злодеем короны и может быть помилован лишь в случае немедленной передачи трона и всех королевских регалий Немедии принцу Ольтену Эльсдорфу, единственному оставшемуся в живых наследнику Нимеда Первого. Далее означенный Тараск будет предан в руки Высшего дворянского суда для расследования его преступлений перед государством и дальнейшего наказания».

В зале стало так тихо, что я отчетливо слышал легкий топоток пробежавшего у меня под ногами таракана. Будь тараканов больше, могло бы показаться, что в церемониальном зале с грохотом и лязганьем шествует гвардейская конница.

— «Сим же мы, дворяне Немедии, и я, Ольтен Эльсдорф, законный король, приносим нижайшие извинения чужеземным владыкам, поддавшимся на ловкий обман узурпатора и просим таковых выступить свидетелями и судьями в данном споре.

В случае, если оный Тараск Эльсдорф откажется выполнить наши требования, в соответствии с коронным законом о Рокоде, Полночь Немедии объявляет Рокод областям, не признающим верховную власть короля Ольтена, который по коронации примет имя Нимед в честь умерших отца и брата.

Встреча высшего дворянского совета Полуночи и представителей узурпатора назначается на двадцать пятый день нынешней луны, возле замка Демсварт, что на реке Нумалии в двадцати лигах к полудню от одноименного города. В случае оказания узурпатором Тараском сопротивления законной власти, король Оль-

тен оставляет за собой право первым применить силу войск.

Дано в городе Эвербахе, что на Соленых озерах, пятого дня Второй весенней луны 1294 года. Руку лично приложил Ольтен, король Немедии».

— Здравствуйте, приехали! — как гром небесный, рухнул на присутствующих изумленный возглас невоспитанного темрийского горца Бриана. Остальные молчали и не шевелились.

Надо отдать должное Тараску. Выслушивая удивительные и полные дерзости сентенции, он стоял в спокойно-расслабленной позе, скучающий взгляд блуждал где-то по верхушкам колонн, поддерживающих потолок залы. Едва Эрхард закончил чтение, правитель Немедии протянул руку, взял свиток и отдельно проговорил:

— Боюсь, мой царственный брат, вы поддались крайне неуместному и злому розыгрышу. В моем королевстве ничего не известно о мятеже на Полуночи. И уж тем более ничего не известно об Ольтене Эльсдорфе. Вся погибшая королевская семья, согласно установленным традициям, погребена в усыпальнице родового замка династии. Это могут подтвердить королевские судьи, проводившие обряд жрецы и многочисленные свидетели, опознававшие тела моих почивших родственников.

— Позволю себе не согласиться с Вашим величеством, — решительно заявил Эрхард. — Несколько дней назад мое посольство стало свидетелем штурма города Эвербах, где человек, на-

зывавший себя принцем Ольтеном, и передал эту депешу.

— Я разберусь,— снисходительно ответил Тараск, и повернулся к сотнику гвардии.— Отправить на Полночь две гвардейские тысячи тяжелых кирасир. Подкреплением — тысячу копейщиков...

И уже для всех:

— Почтенные гости, высокородные короли и королевы! Полагаю, это недоразумение будет улажено в ближайшее время. Видимо, произошла ошибка, или в моей стране появился самозванец. Церемониймейстер, объявляйте начало парадной трапезы!

— Что такое «Рокод»? — негромко спросил меня Конан, слегка обалдевший от подобных новостей.

— Давнейшая немедийская традиция, освященный законом мятеж дворян против короля,— отозвался я и пояснил: — Если таковые дворяне считают монарха недееспособным или несправедливо заполучившим власть, они имеют право собрать войско и объявить ему войну. Участников неудачных Рокодов не казнят, они отделяются вечным заключением в собственных замках.

— Вечер безнадежно испорчен,— полушепотом заявил подошедший Просперо, выглядевший изрядно обескураженным.— Загадочная история. Коронация, торжество — и вдруг такое известие! Надо найти Эрхарда и потолковать, что они там на самом деле видели или не виде-

ли. Только обидно — в кои-то веки съехались все правители Заката, а тут...

— По-моему, веселье только начинается,— оптимистично высказался Конан.— Согласитесь, я сразу заподозрил, что дело с недавним бунтом в Бельверусе далеко нечисто! И мы с размаху вляпались в эту коровью лепешку. Бедные дамы, они испачкают платья!

— Кстати, о дамах,— на плечо Конана легла чья-то тоненькая очаровательная ручка, поблескивающая искрами тяжелых перстней, и небрежно заставила его повернуться.— Сударь, мы случайно не знакомы?

— Чаб... Э-э... Ты кто такая?

Конан мгновенно надулся, возвращаясь к своей любимой ипостаси «одичавшего киммерийца». Просперо только фыркнул и отправился здороваться с Эрхардом.

— Я-то? — дама небрежно похлопывала по ладони Скипетром Морских Королей.— Родилась принцессой, стала королевой. Чабела из Зингары, не слыхал про такую?

— Ваше величество,— я не упустил возможности чутко позубоскалить.— Этому варвару неизвестно, где располагается блистательная Зингара. Он только что приехал из Киммерии. Правда, Коннахар?

— Правда,— согласился Конан, чересчур откровенно обозрел привлекательные абрисы королевы, поразмыслил, ухмыльнулся и высказался: — Ничего девица, в моем вкусе. Раз уж веселье сегодня отменяется, пойдем хоть выпьем.

— Один мой знакомый киммериец,— как ни в чем не бывало прощепетала Чабела,— очень любил золотое либнумское вино. Уверена, тебе оно тоже понравится... Коннахар. Тьфу, язык на ваших дикарских именах сломаешь!

— Не плюйся, это неприлично,— прошептал Конан прямиком в темные локоны королевы, за которыми скрывалось ее точеное ушко.— Зато мой знакомый киммериец слышал, будто королева Зингары обожает розовое пуантенское.

— Вот и договорились.

Я понаблюдал, как странная парочка (разодетая в пух и прах королева одного из могущественнейших государств Заката и волосатый громила-варвар из свиты авкилонского герцога) направились к столам с угощениями и непреложно убедился, что эти двое привлекли не только мое внимание.

На них украдкой глазели почти все гости Бельверусского замка: кто с искренним недоумением, кто озадаченно, словно сиясь вспомнить, где и когда ему доводилось сталкиваться с типом, похожим на Конана. Приметил я и пару-тройку ехидно-понимающих взглядов: эти люди, вне всякого сомнения, безошибочно узнали Конана, но предпочли до срока не раскрывать его секрет.

Выражение лица очаровательной принцессы Ясмелы из Хорайи, тоже смотревшей вслед удалявшимся Чабеле и Конану, я бы назвал оценивающе-хмурым. Как правило, за таким взглядом женщины следует либо истерика с битьем посу-

ды и призывами к богам, либо тщательно отмеренная доза яда, подсыпанная в вино. Конан вроде бы знаком с Ее величеством Ясмелой...

Надо будет намекнуть «десятнику Коннахару», чтобы не терял бдительности. Дела и грехи его прошлого, как всегда, не желали с ним расставаться.

Веселья же в зале совершенно не наблюдалось. Задуманного праздника торжественной коронации не получится.

Зато Тараск огреб тяжеленную оплеуху на глазах у всех монархов Заката.

Что-то будет... Но вот что? Ясно, что ничего хорошего.

* * *

И почему я всегда оказываюсь прав? Торжественный вечер с роскошным балом и представлениями мимов, задуманный Тараском, оказался безжалостно скомканным, гости чувствовали себя неуютно, обидевшийся Балардус Кофийский не остался даже на ужин, покинул вместе со свитой дворец и отправился ночевать в резиденцию кофийского посла, на гостей из Пограничья поглядывали косо все и каждый, особенно немедийцы, и лишь Просперо да я немедленно подошли к старым друзьям, запросто устроились с ними за длиннющим столом и начали весьма оживленный обмен новостями.

Караваны доходят? Доходят. Как урожай в этом году? Как всегда, половина пшеницы по-

гибла на корню, пришлось закупать в Туране. На границе с Гибербореей спокойно? Не то, чтобы очень спокойно, но мы привыкли... И так далее.

Его светлость герцог первым решил задать вопрос, исподволь волновавший всех:

— Эрхард, что все-таки стряслось в Эвербахе?

— Бунт,— коротко ответил Эрхард.— И магия. Тотлант утверждает, что такого волшебства ранее не встречал. Мол, это волшебство...

— Какое волшебство? — герцог стремительно повернулся к стигийцу. Тотлант аккуратно прожевал вишенку, выплюнул косточку, подумал и изрек:

— Представьте себе, что идете вы утречком по летнему саду, любуетесь природой, слушаете трели птишек, и тут из-за кустов выскакивает сумасшедший и со всей дури лупит вас обухом топора по голове. Ощущения вполне схожие. Граф Крейн и маленькая госпожа Эрде за несколько мгновений обрушили надвратный барбикен города, разогнали стражу и подняли над ратушей свою крылатую звездочку.

— Подробности! — нахмурился Просперо.— Эрхард, Тотлант, дело в другом: нам тоже стали известны некоторые вызывающие крайнее любопытство сведения. Словом, еще несколько седмиц назад, когда мы впервые ощутили исходящее из Бельверуса беспокойство, Конан послал в Немедию одного из конфиденентов Латераны, нашей тайной службы. Некого графа Монброна из Танасула...

Шептались мы долго, однако на аквилонского герцога, короля Пограничья и их небольшую компанию никто даже не смотрел. Веллан с Эртелем отправились танцевать и явно пользовались успехом у здешних дам, Тараск вообще не присутствовал на вечере — видимо, ушел к своим военачальникам разбираться с печальными новостями Полуночи, благородное сообщество разбилось на кучки и потихоньку судачило, не желая привлекать внимания остальных.

— Пойдемте-ка в наши комнаты,— неожиданно предложил Эрхард.— К чему паялиться на унылые рожи немедийцев? Как я полагаю, разговор предстоит долгий.

— И весьма неприятный,— добавил Тотлант, поднимаясь.— Кстати, кто-нибудь видел Конана?

— Не Конана, а Коннахара,— поправил я.— Король путешествует инкогнито.

Бриана Майлдафа я увидел сразу. Наш темрийский горец тяжеловесно куртуазничал с великовозрастной дочкой какого-то провинциального графа. Конан же напрочь отсутствовал. Поблизости от Чабелы, любезничавшей с аргосским принцем, киммерийца не замечалось, а не углядеть среди гостей высокого черноволосого человека в необычном для цивилизации Заката одеянии просто невозможно. Значит, Его аквилонское величество отправился искать приключений.

Представляю, какую сложную задачу пришлось разрешить управителю замка короны для того, чтобы разместить во дворце Бельверуса

семь королей и королев, двух великих герцогов, туранского визиря и принцев-соправителей Хорайи. Однако дело решилось к лучшему: кофийцы, аргосцы и офирский герцог благополучно расселились в зданиях собственных посольств, коринфский и заморийский протекторы тоже жили где-то в городе, так что оставшимся выделили бывшие покои принцев крови — герцогу Просперо достались комнаты покойного Нимеда-принца, сразу под нами, на первом этаже, свили гнездо посланцы Пограничья, и тем самым никто не остался в обиде. В этом же крыле обитали высокородные дамы — Чабела, Тарамис и Ясмела. Общество небольшое, но приятное.

Едва мы устроились в покоях Эрхарда, причем, что характерно, выдержанных в духе Пограничья — открытый очаг, ковры, шкуры, расставили прямо на полу вино и принесенные немедийскими слугами холодные закуски, я попросил отложить разговор на попозже и вышел в коридор замка в явной надежде отыскать местечко, жизненно необходимое человеку, потребившему чересчур много вина. Спросил у лакея и, получив надлежащие разъяснения, заспешил по лестнице вниз, в один из внутренних дворишков огромного замка.

Замок Бельверуса менее древний, чем Тарантийский, но ужасно запутанный. Масса коридоров, коридорчиков, переходов, галерей, освещается первый этаж плохо — один факел или лампа на двадцать шагов. Я старательно отсчитывал повороты, твердо решив не заблудиться.

—...Понимаешь, так было нужно! Нужно, и все! Почему я должен оправдываться? Насколько я помню, нас не связывали никакие обещания!

Так. Слышу неподалеку до боли знакомый голос — низковатый, чуть раскатистый баритон. Конан?

— Ты просто кобель!

Женщина. Говорит с выраженным полуденным акцентом:

— Ты оставил меня после полуночи, сказав, что вернешься к утру! И я ждала пятнадцать лет! Мерзавец! Не мог хотя бы сообщить, что произошло?

— Зачем сообщать-то?

Звук громкой, прямо-таки колокольного звона, оплеухи.

— За что?

— За пятнадцать лет ожидания, болван! Я все-таки не уличная девка, с которой можно переспать, а потом бросить и уйти, позабыв даже ее имя!

— Но я не...

Очередная оплеуха. Я решил, что пора спасать короля. Громко закашлялся, еще более громко застучал подковками туфель, помаршировал на одном месте, делая вид, что иду по коридору и вслух посетовал на плохое освещение. Затем рискнул проследовать дальше и обнаружил за углом удивительную пару — медведеподобного киммерийца в слегка помятом пладе и сравнительно молодую, чуть растрепанную даму

в длинном прямом одеянии, расшитом опалами и ониксами.

— Коннахар! — я сдвинул брови, разыгрывая из себя гневающееся начальство. — Почему не в карауле? Прости, благородная госпожа, десятник просто недосмотрел за этим олухом!

— Хальк, остынь, — поморщился Конан. — Тут, понимаешь ли, давно ожидаемая встреча двух любящих сердец. Познакомься, это Ясмела из Хорайи, принцесса-соправительница. Это Хальк, барон Юсдаль, мой библиотекарь и тайный советник. Она раскрыла мой маскарад с первого же взгляда.

— Немудрено, — презрительно усмехнулась благородная госпожа. — Если уж собрался путешествовать не узанным, мог бы додуматься до лучшего способа изменить облик. Месьоры, меня ожидает свита, которая вот-вот начнет беспокоиться. Прощайте.

Принцесса Ясмела развернулась на каблучке, с размаху влепила Конану еще одну оплеуху, после чего с самым независимым видом зашагала к лестнице.

— Надеюсь, нас никто больше не видел, — удрученно пробормотал король. — Дурацкая сцена получилась... Хальк, тебе не требуется напоминать, что твоему болталивому языку стоит тихонько посидеть за зубами?

— Грешки молодости, — понимающе хихикнул я. — Удивительно, как Чабела не стала при всех ревновать тебя к бывшим коронованным любовникам? И еще одного не могу взять в толк —

что особенного находили в тебе утонченные красотки?

— Варварское обаяние и непосредственность, — широко улыбнулся Конан. — Ты куда вообще собирался, до ветру?

— В том числе, — тихо ответил я, ибо в темном коридоре почудился непонятный прохладный ветерок. — Заодно хотел тебя поискать. В комнатах Эрхарда затевается небольшой совет, посвященный трудностям королевства Немедея...

— А ну, помолчи, — Конан прижал палец к губам и замер. Потом шепнул: — Не нравится мне это. Быстро за мной и ступай как можно тише.

Варвар всегда мгновенно ориентировался в самых запутанных и сложных лабиринтах, а потому сжал мое плечо, мягким кошачьим шагом направил к левой стенной нише, в которой громоздилась умопомрачительных размеров ваза из черного мрамора, решительно затолкал меня в пыльную щель, а сам влез с другой стороны, извернувшись, точно куница.

— Какого демона?.. — я попытался возмутиться, но широкая ладонь варвара прикрыла мне рот. Конан явно учуял что-то необычное, может, даже опасное. Его дикарское чутье не раз выручало всю компанию из самых головокружительных и безвыходных приключений. Он чувствовал беду не хуже лесного зверя, знающего, что охотники близко.

Коридор вдалеке озарился мерцанием больших ярких факелов, послышалась резковатая и

каркающая немедийская речь. Приближались, судя по голосам, трое. Впереди выступал принц Тараск (или король Тараск? Теперь уж и не разберешься!), за ним двигался человек в черном балахоне с золотым кругом на груди — такую же одежду носит Тотлант, обычная хламида мага-равновесника.

Зато третий...

Конан едва слышно засопел, что выдавало его крайнее любопытство и возбуждение.

Вместе с принцем и незнакомым волшебником прямо на нас двигалась высоченная, не меньше четырех с половиной (возможно, и больше) локтей ростом фигура в переливающемся всеми цветами алого, красного, багрового и пурпурного облачении — ткань будто бы сама меняла окраску, вызывая рябь в глазах тысячами тысяч оттенков рубина.

В правой руке посох, тоже темно-красный и поблескивающий лаком. Набалдашник, если я правильно рассмотрел, выполнен в виде головы дракона, сжимающей в пасти красный гранат изумительной огранки. Лица странного незнакомца не видно, оно скрыто под маской — искусно сшитой из пурпурного атласа мордой дракона.

У меня сердце екнуло, когда я увидел единственный знак, украшавший все это красное великолепие. На левом плече, над сердцем мерцала выложенная миниатюрными алмазами восьмилучевая звезда, обрамленная тонкой полоской розоватых огнистых рубинов.

— Ваше величество,— волшебник в черном усиленно пытался обратить на себя внимание Тараска,— все трудности разрешимы! За нами стоит армия, многие дворяне. Рано или поздно мы обязательно вернем драгоценность! Воры — всего-навсего неразумные дети, они ничего не понимают в том, какая чудовищная мощь попала к ним в руки!

— Помолчи, Аррас,— Тараск брезгливо поморщился.— Ты правильно сказал: «Чудовищная мощь». Дай в руки ребенку бочонок с зингарской морской смолой и факел, он без труда за один колокол спалит целый город. Если верить старому оборотню из Пограничья, эти недомерки уже подняли всю Полночь! Кто это утверждал, что с Камнем может управиться только ксальтотун, носитель знаний, пришедших из мира звезд? Менхотеп, ты единственный ксальтотун среди нас и должен...

— Сейчас я тебе ничего не должен,— гулко отозвался красный. По-немедийски он говорил очень чисто, но акцент прослеживался. Менхотеп? Имя шемское или стигийское, возможно, кешанское. Странно... И кто такой или что такое «ксальтотун»?

— Ты обещал мне защиту и поддержку. Но твои болваны не смогли задержать пятнадцатилетнюю соплячку и троих лоботрясов, которые догадались, что именно происходит в Немедии и каковы истинные причины твоего восшествия на трон. Да, я ксальтотун! Но я всего лишь человек! Зато девчонка — чудом появившийся на

свет ублюдок темных альбов эпохи Роты-Всадника!

— Я посылаю погоню! — возмутился Тараск. — Закрыв город, ввел осадное положение, выставил тройную стражу на дорогах!

— Напомнить, чем закончилась лихая погоня? — преспокойно ответил гигант в красном. — Все, что осталось от преследователей, можно сложить в маленький ящик и с тем похоронить. Проклятая альбийка по своему недомыслию и желанию отомстить способна выпустить из Камня такое чудовище, что бороться с ним можно будет только путем немедленного самоубийства!

— Чудовище? — насторожился Тараск. — Ты имеешь в виду какого-нибудь демона или дракона?

— Нет, я имею в виду древнюю и неподвластную человеку Силу, которая не знает, что такое человек. Незнаемое всегда нелюбимо и опасно. Скажи лучше вот что...

Голоса постепенно затихали, непонятная троица — полукороль, неизвестный маг и — чудовищно звучит! — «ксальтотун» по имени Менхотеп, скрылись в одном из поворотов. Слитный звук шагов наконец исчез.

Мы сидели в нише, ни живы, ни мертвы. Вроде бы и страшного ничего не произошло, всего-то лишь случайно подслушали разговор немедийского правителя с людьми, наверняка являющимися его придворными магами. Однако больно неуютно стало нам от этого разговора.

Я едва-едва не завизжал, когда по огромной вазе, за которой скрывались мы с Конаном, кто-то постучал. Звук металлический, будто били черенком меча. Голос. Спокойный и чуть-чуть насмешливый.

— Малыш, вылезай. Я знаю, что ты здесь. Хорошо, не отзываешься на Малыша, попробуем по-другому... Твое величество Конан Канах! Изволь выбраться на свет и поздороваться со старым другом.

— Видал я таких друзей... — пробурчал Конан, отряхивая паутину с плеч. Вышел в коридор, держа оружие наготове. И вдруг замер, как громом пораженный. — Молот Крома! Иштар Добросердечная!

— Не поминай-ка всеу малышку Клелию, — широко улыбнулись в ответ. — Иначе можешь ждать в гости и нашу белокурую подружку.

Мои глаза привыкли к полутьме, и различил, что перед нами стоит человек, которого на церемонии представления посольств называли Аластором Кайлиени, протектором Заморы. Он-то что здесь делает?

— Подслушивали? — запросто осведомился Аластор, весело поблескивая в сумраке шальными глазами. — Чрезвычайно увлекательное занятие. Я тоже подслушивал. Захватывающая, однако, история сплетается нынче в Немедии. Конан, представь меня своему другу и пойдем, выпьем вина. Придется о многом поговорить... Уж извини за мрачное пророчество, однако опасности Зеленого Огня шестилетней давности по

сравнению с нынешними делами покажутся вам невинной шалостью милого маленького существа, явившегося из чужого мира.

— Почему ты всегда все знаешь? — вздохнул Конан. — А Ши Шелам где? Я всегда привык видеть вас вместе.

— Где Ши? — поднял брови Аластор. — В Шадизаре, где ему еще быть! Дома сидит, подручных гоняет, доходы считает. Собственное дело завел, остепенился, жена, детишки...

— Какой ужас, — схватился за голову киммериец. — Хальк, знаешь, с Аластором я познакомился...

— Ровнехонько тридцать лет назад, — безмятежно утончил Аластор. — Я-то хорошо сохранился, а вот ты, Конан... э-э... как бы выразиться повежливее... Повзрослел.

— Наконец хоть кто-то из компании «Уютной Норы» признал меня взрослым, — буркнул варвар. — Хальк, запомни, что я тебе сейчас скажу. Аластор — не совсем обычный человек...

— Тут вообще собралось много не совсем обычных людей, — отмахнулся замориец. — Не морочь господину Хальку голову, лучше я сам представляюсь. В Заморе, Бритунии и Туране меня называют Белом. Иногда — Обманщиком. Пишется и произносится с заглавной буквы.

— Чего?? — ахнул я и невольно попятился.

Конан с Аластором переглянулись и засмеялись, словно услышали какую-то давнюю, бытовавшую в узком дружеском кругу шутку, а киммериец сказал:

— Аватара, воплощенный дух, понимаешь? Божество, заключенное в телесную оболочку человека. Да не пугайся ты, Хальк, я тебя не обманываю! Это действительно Бел!

— Угу, а ты у нас ходячее воплощение Крома, — кивнул я и тут же слегка вздрогнул. Конан никогда меня не обманывал. Особенно в делах, касавшихся сфер божественных.

Мне стало до крайности неудобно.

Бельверус, Немедия.

Полночь 14 дня Второй весенней луны.

Я и ранее слышал предания и почти достоверные рассказы о том, что боги частенько снисходят на землю, живут среди смертных в образе людей и предаются истинно человеческим развлечениям. А поскольку Бел-Аластор есть один из самых приближенных к человечеству богов — торговля, воровство и лицедейство всегда являлись любимыми занятиями двуногих — то вряд ли можно считать предосудительным стремление Бела затеряться в многоликом людском море. В конце концов, сейчас он является уважаемым управителем своего любимого города, Шадизара (а его истинная сущность известна только ему самому и нескольким приближенным), по мере сил способствует благополучному бытию маленькой провинции и в общем-то не мешает ни великим, ни малым.

Говорят, самая великая трудность божеств — непреходящая война со скукой. Чем заняться су-

ществу, способному продлить один миг до тысячи человеческих лет и сократить тысячу лет в единственное мгновение? Разве что попытаться сыграть в вечную игру человеческого бытия.

Шествуя обратно, в комнаты Эрхарда, Конан и Аластор убедительно попросили меня делать вид, будто ничего не произошло и заморийский управитель всего лишь старинный приятель короля Конана, с чем я незамедлительно согласился. Нечего пугать наших друзей присутствием аватары. Все равно никто не поверит — разве доводилось кому встречать настоящего живого бога?

Так что я решил впредь полагать человека по имени Аластор Кайлиени тем, чем он желает казаться. Насколько я понимал, его излюбленной маской являлся эдакий ироничный прожигатель жизни, обеспеченный, привлекательный внешне и большой любитель встрывать в различные авантюры. Неудивительно, что у него с Конаном нашлось так много общего. Путем несложных подсчетов я установил, что ко времени их знакомства королю Аквилонии едва-едва исполнилось — невозможно представить подобное! — шестнадцать лет. Интересно, каким тогда был Конан?

Гораздо больше меня заинтриговала случайно виденная в дворцовом коридоре фигура в красной хламиде. Он (или «оно»?) очень напоминал мага весьма высокого полета — это вам не Аррас, недоучка средней руки, обретавшийся в последние годы при дворе Нимеда. Ксальтотун...

Надо будет поподробнее расспросить Тотланта, стигиец искусен в древней волшбе и должен что-то знать.

С нашим появлением общество ничуть не оживилось. Эрхард как раз заканчивал повесть о магическом штурме Эвербаха, Просперо, как обычно, что-то записывал на пергамент для памяти, Тотлант с горящими глазами дополнял речи короля и отзывался о чужой магии в степнях настолько превосходных, что тошно становилось. В уголке скучал Дарт, сын Торира, листая какую-то большую книгу по военному искусству. Гном предпочитал в разговор не вмешиваться, не его это дело, пусть люди сами разбираются.

Молодежь, а именно Веллан, Эртель и несколько их дружков, отговорившись насущной необходимостью повеселиться, давно отправились в город — видать, решили устроить рейд по лучшим борделям и увеселительным домам Бельверуса.

— ...Вот, собственно, и все, что я могу рассказать,— развел руками старик Эрхард.— Потом, когда девочка Эрде, Ольтен и граф Крейн торжественно въехали в Эвербах, стены заняли их сторонники, а гарнизон сдался на милость победителей, мы представились по всем правилам этикета. Нас попросили переждать в городе одну ночь, утром вручили это печально знаменитое письмо и отправили восвояси со всеми возможными почестями. Как-никак, чужестранный король со свитой, ближайший союзник могучей

Аквилонии. Какие будут соображения, благородные месьоры?

— Да никаких,— я услышал женский голос, обернулся и внезапно понял, что скучную мужскую вечеринку, насыщенную деловыми беседами, скрашивает молодая и очень красивая дама, хотя наверняка не относящаяся к благородному сословию. Высокая, крепкого сложения, темноволосая, в зеленом с золотом платье, неуловимо смахивающая на варварку с Полуночи. Наверное, такой могла быть родительница Конана в молодые годы.— Я следила за Тараском несколько лун, вынюхивала и подсматривала все, что можно было подсмотреть, но меня даже близко не подпускали к тайнам принца. Особенно этот жуткий ксальтотун...

— Кто-о? — я, Конан и Тотлант одновременно подались вперед, а Аластор от возбуждения аж пальцами прищелкнул.

— *Ксальтотун*,— едва не по слогам отчеканила девица.— Очень странный человек. Друг, а может быть, хозяин Тараска. Если Тараск и принимал решения, то после совета с ксальтотуном.

— Ксальтотун — это имя? — быстро спросил Тотлант.— Или прозвище?

— Затрудняюсь сказать,— покачала головой девушка.— Лично я считаю это словечко названием его ремесла. Слышала пару раз фразочки вроде: «ксальтотун Менхотеп сказал» или «ксальтотун приказал»...

— Менхотеп? — Тотлант сдвинул брови.— Опиши, как он выглядит?

— Проще описать слепому золотой кубок,— грубовато огрызнулась незнакомая красотка.— Никак он не выглядит, хотя бы потому, что я его ни разу не видела близко! Только когда несколько дней назад во дворце случился переполох и у Тараска украли одну из драгоценностей, я заметила входившего к принцу человека...— черноволосая смерила взглядом Конана, прищурила глаза и кивнула: — Наверное, на поллоктя повыше этого киммерийца будет. Долговязый такой.

Тут нас наконец заметили. Эрхард, указав на девушку, сообщил, что ее зовут Дженна Сольскель, ежели по благородному, то Зенобия, и является она дочерью главы торговой управы Пограничья Стеварта из рода Сольскель.

Для Эрхарда эта Дженна почти как родная племянница, и, как скромно выразился король, несколько лет назад «Дженна и Эртель дружили».

Ясненько. Знаем мы, что такое «дружить» в Пограничном королевстве, отлично знаем.

Разговор и далее вертелся бы вокруг да около непонятной магии, оказавшейся в руках выжившей Долианы Эрде, дочери Мораддина, как на главной башне замка отбили полночь.

В тот же самый момент раздался аккуратный стук в дверь.

— Настало время нечисти,— неудачно сострил Конан.— Вот и первое привидение. Хальк, открой!

Я отбросил легкий бронзовый засовчик и...

— Доброй ночи, ваше королевское величество,— я изобразил самый куртуазный поклон, на который хватило умения и вежливости, а все остальные (даже Конан!) торопливо повскакивали с мест.

На пороге отведенной Эрхарду большой комнаты блистала и сияла Чабела Зингарская, королева Полуденного Побережья. За ее спиной белело постное, но умненькое личико фрейлины.

— Я могу войти? — с царственной небрежностью осведомилась Чабела.— Или здесь вечеринка только для мужчин? О, как погляжу, среди вас находится благородная девица! Так что я тоже не буду лишней.

— Вина? — деловито осведомился Конан, хватаясь за кувшин.— Настойки на ягодах?

— Вина,— кивнула королева Зингары, вошла, оставив фрейлину у дверей, отыскала свободное кресло и непринужденно уселась. Чабела успела переодеться в более простое платье, то есть бриллиантов, жемчужин и золота на ней имелось всего лишь в пять раз меньше, чем на приеме у Тараска, но раза в три больше, чем на всех присутствующих гостях Эрхарда, вместе взятых. Дженна, глянув на украшения зингарки, украдкой вздохнула, явно страдая от тщательно подавляемой зависти. Как все-таки здорово быть самой настоящей королевой, способной позволить себе любые роскошества!

— Просперо, друг любезный, будь столь добр, передай мне персик,— Чабела кивнула в сторону блюда с фруктами. Обуявшийся всесокрушаю-

щим приступом галантности Конан поднес королеве серебряный стаканчик с вином, Аластор же не нашел ничего лучшего, как положить под ноги Чабелы снятую с кресла бархатную подушку и остался сидеть поблизости, на ковре. Так сказать, у подножия импровизированного трона Ее величества. Королева не возражала, мало того, взирала на обаятельного протектора Заморы с явной милостью.

— Конан,— довольно резко сказала Чабела, когда общество, донельзя удивленное ее появлением, вновь расселось по креслам и скамьям,— я полагаю, здесь собрались только доверенные люди?

— У меня нет оснований не доверять моим друзьям,— так же быстро ответил варвар, посмотрел на встревоженное лицо зингарки, нахмурился, помолчал и наконец осведомился: — Что-то случилось?

— Случилось,— медленно протянула Чабела, отпивая вина.— После сегодняшнего вечера я начала жалеть, что отправилась с визитом в Бельверус. Чересчур много непонятных событий. Событий, изрядно меня тревожащих. Вот хотя бы... Почему ты явился в гости к Тараску не в королевской мантии, а в наряде варваров Киммерии? Чувствовал, что в соседней державе нарушен главнейший закон всех монархий: закон престолонаследия и правопреемствования трона?

— Это личное дело,— набычился Конан.— Во время недавнего мятежа погибли близкие мне люди. И я хочу разобраться.

— А хочу уберечь Закат от великой смуты,— ответила Чабела.— Конан, ты правишь шесть лет, должен научиться разбираться в сплетении политических узелков. Нельзя же оставлять всю политику на откуп,— королева признательно улыбнулась пуантенскому герцогу,— человеку безусловно одаренному и изощренно-умному, но все-таки не-королю. Закон царствования — это самостоятельное принятие решений и самостоятельная за них ответственность.

Да, не поспоришь, Чабела умна и прозорлива. Она много лет следила, как правит Зингарой ее папочка, хитромудрый Фердруго, и многому от него научилась.

Но зачем великолепная зингарская правительница пришла к нам ночью, без соблюдения всяких правил приличия? Этот вопрос читался в глазах у каждого.

— Конан,— обратилась к киммерийцу Чабела,— ты сможешь сбросить киммерийский маскарад хотя бы на эту ночь и побыть настоящим королем?

— Да в чем дело-то? — взвился варвар.— Заговор, покушение, война? Объясни толком!

— Объясняю,— преспокойно кивнула зингарка.— Все собравшиеся в Бельверус монархи находятся в крайне двойственном положении. Если на коронации мы признаем Тараска королем великой державы и в то же время выяснится, что жив настоящий наследник, мы нарушим не только законы этой страны, но и наши собственные древние уложения. Помнишь, что я говори-

ла о преемственности власти? Призвав Тараска, мы создадим прецедент. А каждый монарх, венценосец обязан стоять на страже тысячелетних традиций, то есть порядка, которым славятся Закатные королевства.

В разговор вступил Эрхард:

— Да, государыня, причина серьезная, но прошу учесть, что я, как король Пограничья, Конан и бритуниец Альбиорикс в сущности достигли трона путем государственного переворота. Мы не имели никаких прав на корону, кроме одного — права меча.

— Знаю,— согласилась Чабела.— Но у вас в Пограничье не сложилось династической традиции передачи правления наследнику. В Бритунии король не оставил детей и сошел с ума. Про Нумедидеса я даже вспоминать не буду. Безумец на троне хуже десятка войн. Немедия — страна, славящаяся порядком и соблюдением законов, которые нам дали боги. Если верны предположения о том, что принц Тараск с помощью магии, заговора или недоброй помощи извне занял трон, то почему бы аквилонцам, зингарцам или обитателям Пограничья однажды не сделать то же самое? Если мы, короли, не пресечем любые, самые минимальные попытки изменников нарушить старинные законы и сами не подадим пример народам, как следует соблюдать закон, то цена нам — медный сикль в базарный день! Подумайте сами, благородные месьюры! В Немедии убит наследник трона, его жена и двое детей! Убиты еще два или три принца с женами — и

снова погибли дети! Со смертью старого Нимеда дело тоже не совсем ясно... То, что произошло, являлось целенаправленным истреблением целой династии! Немудрено, что полуночные области государства подняли Рокод. У нас нет никаких доказательств причастности Тараска к смерти наследников Нимеда, но, видимо, этими доказательствами обладают якобы живой принц Ольтен и его сподвижники.

— Если только это действительно Ольтен,— задумчиво сказал Просперо.— Чабела, я отлично понимаю твоё беспокойство, да и сам тревожусь. Все в один голос твердят о появившейся в центре Материка чужой человеку магической силе, великая Немедия на грани гражданской войны, а, вероятно, уже и перешла эту грань, мы... вы,— немедленно поправился герцог,— вы, монархи Заката, можете по ошибке или недомыслию признать узурпатора, покрытого от пят до ушей кровью королевской семьи...

— Но в равной степени Тараска могли и оклеветать,— рассудительно подал голос Аластор.— Нужны доказательства. Самые настоящие, неоспоримые доказательства того, что человек, называющий себя Ольтеном Эльсдорфом, действительно Ольтен, а не сообразительный пройдоха, решивший под шумок захватить корону. Кто-нибудь, помимо меня, знает Ольтена в лицо? Принц два года пробыл вице-королем Заморы, я на его свадьбе такую речь произнес...

— Я знаю,— заявил Конан.— Мы с ним, помнится, встречались несколько лет назад, когда

молодой принц решил слегка повоевать с Аквилонией без разрешения папочки. Славная была штука!

— Я тоже с ним знакома,— осторожно вмешалась Зенобия.— Видела много раз во дворце, на приемах и на турнирах.

— Зато я видел человека, называющего себя Ольтеном,— заключил король Эрхард.— Там, в Эвербахе. Только к чему мы ведем? Коронация-то через два дня!

— Слушайте меня,— непререкаемым тоном проговорила Чабела.— Сейчас здесь, в этой комнате я соберу всех коронованных особ... Кроме Тараска, разумеется. Ответственность я беру на себя. Если мы, люди, носящие благословение и проклятие богов в виде корон и венцов, наплюем на законы, боги наплюют на нас. Вы меня поддержите?

— Боги, говоришь?..— прищурился Аластор, заставив меня вздрогнуть.— Я согласен.

— Я тебя поддерживаю, что бы ты ни затевала,— решительно сказал Конан.— Если мы расследуем всю немедийскую заваруху до конца, многое скрытое выплывет на свет и, надеюсь, виновные будут наказаны. Видишь мою обетную косичку? Я не срежу ее до той поры, пока не будут найдены истинные убийцы герцога Морадина и его сына!

— Я тоже согласен,— Эрхард ударил кулаком по колену.

— В случае отказа Тараска от расследования я, как протектор Заморы, объявляю о временном

выходе протектората из-под власти Трона Дракона,— резко молвил Аластор, потрянув непокорной челкой.— Тогда они у меня попрыгают, как ужаленные! Вы еще не знаете, что такое подлинная Замора!

— К сожалению, знаем,— вздохнул герцог Просперо.— Вопрос в одном — чего вы хотите добиться?

— Установления истины,— отрубила королева Зингары.— Я не могу позволить выставить себя или вас на посмешище перед всем Материком. Принесли подарки и оказали почтение узурпатору и убийце! Ничего себе история! Такое унижение...

— Еще ничего не доказано,— вяло пробормотал Просперо.— Однако Ваше величество вольны действовать, как подсказывает голос крови и чести...

— Отлично! — Чабела громко хлопнула в ладоши, подзывая фрейлину.— Флана! Немедленно пригласи всех тех, о ком я говорила! Стражу перед этими покоями усилить гвардией кордавских грандов... Тарамис и Ясмелу с Коссусом я приведу лично.

— Я своих киммерийцев кликну,— загорелись глаза у Конана.

Обе коронованные особы быстро покинули комнату.

Я, Эрхард и Тотлант сидели, раскрыв рты. Кажется, на наших глазах вновь вершилась история.

*Бельверус, Немедия.
Раннее утро 14 дня Второй весенней луны.*

— Ну что, пора идти к Тараску?

Королева Хаурана Тарамис, сидевшая, к неудовольствию Чабелы и Ясмелы Хорайской, в обнимку с Конаном, зевнула, отодвинулась, взяла со столика серебряное зеркальце, шелкнула золотой коробочкой с пудрой и начала прихорашиваться.

Я в это время дописывал последние строки документа, вошедшего в историю как «Решение семи королей». Как имена, какие титулы, какие гербы! Пергамент освящен не только древними изображениями драконов, ящеров, львов, кораблей, зубцами зингарской Башни и ятаганом Турана, но и собственноручными росписями всех владык Заката. Кажется, такое случилось первый раз в истории, если не считать общей войны хайборийцев против Кхарийской империи тысячу триста лет назад.

В дверь стукнули и в полутемном проеме возник гвардеец личной сотни немедийского короля с охраной в пять ликторов. За ними бдительно следили гранды короны Зингары и варвары Конана, заполонившие коридор.

— Счастлив пожелать вашим величествам доброго утра,— устало буркнул гвардеец.— Государь Немедии Тараск Первый Эльсдорф ожидает вас в малой тронной зале.

У меня сжался под грудиной сладенький тугой комочек: мы блефуем, причем блефуем на-

столько по-крупному, что дух захватывает. В кои-то веки властители Материка объединились, согласились с одной мыслью и подумали не только о самих себе, своих государствах и своей выгоде, а о самом величайшем божестве, властвующим над миром с самого мига сотворения — о Законе и воздаянии за беззаконность. Полагаю, Тараск никак не мог предположить, что радостная церемония коронации, планируемая на ближайшие дни, обернется для него эдаким... эдаким грандиозным провалом! Позор, о котором будут помнить столетия спустя, даже если его право на трон будет неоспоримо доказано.

Говорить поручили герцогу Просперо, как аквилонскому вице-канцлеру и первому человеку после короля, наделенному Конаном Канах всеми полномочиями. Я был обязан поддерживать лист перед лицом его светлости. Сам Конан затесался в ряды своего «дикого десятка» и в соответствии со сценарием, разработанным Чабелой Зингарской, ждал своего выхода.

Удивительное зрелище. Такого, пожалуй, никто и никогда впредь не увидит. Никаких свит, блестящих гвардейцев, церемониймейстеров...

Просто по парадной лестнице Бельверуского замка парами поднимаются короли и королевые, великие герцоги и визири — уставшие, полусонные, но донельзя довольные долгой ночной работой. Никто не спорит, кому идти первым. Чабела вообще плетется в самом хвосте, поддерживая тяжелые юбки кринолина и о чем-то споря с Эртелем — наследник трона Пограничья заявил-

ся к самому утру и мигом завоевал всеобщую симпатию (насколько я понял, за то, что не спорил, как остальные, а тотчас согласился со всеобщим решением). Похоже, сорокалетней Чабеле, за которой уныло тащился бледный принц-консорт Оливерро, разбитной принц Пограничья приглянулся с первого взгляда.

Малая тронная зала оформлена со всем старанием. Торжественный золотистый мрамор, героические скульптуры, знамена, захваченные в прежних боях немедийцами (я с неудовольствием заметил несколько аквилонских штандартов, ставших трофеями Трона Дракона), полукругом вокруг трона, в точности копирующего главный символ Немедии из Большой церемониальной залы, расставлены кресла.

Расселись так, как было удобнее. Чабела с Эртелем, потом ее грустный невыспавшийся муж; свежая, как утренняя заря, Тарамис, толстый визирь императора Ездигерда...

Отсутствовал только Балардус Кофийский. За ним посылали, однако посланец Чабелы вернулся с категорическим отказом кофийского правителя принимать какое-либо участие в развернувшейся вокруг Трона Дракона драме и подтвердившим его неколебимое решение считать Тараска Эльсдорфа законным правителем Немедии.

Итак, мы ждали выхода Тараска.

Гвардейцы бросили мечи «подвысь», три раза ударил барабан, горны вострубили нечто неопределенно-торжественное, и вот из бокового прохо-

да показался Тараск Эльсдорф в сопровождении двух капитанов войска и худощавого человека в черном балахоне — это был один из волшебников, которых я видел сегодня ночью в коридоре. Аррас.

Тараск кивнул всем и никому одновременно, легко взбежал по ступеням трона, устроился на сиденье, положил руку на скипетр, помолчал и наконец глухо проговорил:

— Чем я обязан столь внезапной просьбе о встрече со стороны досточтимейших гостей моего государства?

Как я завидую Просперо! Этот холеный темноволосый красавчик, не будь Конана, наверняка стал бы выдающимся королем Аквилонии! Сдержан, подтянут, свеж, невозмутим, одежда безупречна, оружие начищено. Знает себе цену и цена эта неизмеримо высока.

Просперо встал с кресла (хотя прочие при выходе Тараска остались сидеть, что было проявление крайней невежливости по отношению к королю), я подбежал сзади и развернул перед герцогом огромный пергамент, увешанный печатями, словно Зимнее дерево праздника Йуле — разноцветными деревянными игрушками.

— Почтеннейше прошу, — отлично поставленный голос герцога разнесся под сводами Малой тронной, — выслушать решение совета королей Заката, принятое нынешней ночью.

— К кому ты обращаешься, герцог? — вроде бы спокойно, но не без дрожи перебил Просперо Тараск. — Кого именно ты просишь выслушать

данное обращение? Короля Немедии или, например, во-он того гвардейца?

— Я прошу выслушать это обращение человека, называющего себя Тараском Эльсдорфом, — Просперо даже выражения лица не изменил, хотя в голосе возможного узурпатора явственно прозвучала угроза. — Итак: «Мы, волею богов и народов наших стран, монархи государств Заката и представители иных венценосцев, требуем от Тараска Эльсдорфа, принца короны Немедии, ответов на следующие вопросы.

Первое. Действительно ли обвинения, предъявленные тебе от имени Ольтена Эльсдорфа, являются ложными?

Второе. Если мы усомнимся в твоём ответе, мы требуем предъявления доказательств права на трон как с той, так и с другой стороны.

Третье. Именем королевств Заката и Большого совета королей в случае сомнений мы назначаем Великий суд, который и решит дело о престолонаследии в Немедии.

Четвертое. Мы требуем созыва высшего дворянского собрания королевства Немедия, ибо только оно может одобрить или не одобрить наше решение, ибо таковое решение не окончательное и может быть обжаловано только у Высшего совета дворянства и богов...

— Герцог, ты в своем уме? — Тараск аж поднялся с трона, но Просперо и бровью не повел, продолжая размеренно читать:

— «Если данные предложения не будут приняты и на вопросы не будут даны развернутые и истинные

ответы, короли Заката вправе покинуть Бельверус нынешним же днем, что будет означать непризнание коронации принца короны Тараска действительной с точки зрения межгосударственных уложений, освященных традициями. Если принц короны Тараск осмелится задержать кого-либо из подписавших сей ордонанс, то по взаимному соглашению все государи, подписавшие данных пергамент, объявляют войну королевству Немедия, а протектораты Коринфия и Замора выходят из-под сени скипетра Драконьего Трона на правах независимых королевств».

Просперо сделал коротенькую паузу, чтобы перевести дух, а я взглянул на Тараска, увидев, что кожа на его лице приобрела неопределенный беловато-синий оттенок. Ничего себе, война со всем Закатом! Да еще и с Тураном! Это самоубийство!

Просперо снова набрал в грудь воздуха и выдал последние строки:

— «Совет королей Заката, дабы соблюсти древние законы, настоятельно рекомендует Тараску Эльсдорфу встретиться с людьми, называющими себя приверженцами принца Ольтена и назначить независимых от государства свидетелей, которые установят подлинность личности человека, называющего себя принцем Ольтеном, тем самым решив судьбу государства».

Совет королей предлагает в качестве таковых свидетелей близкого друга Ольтена Эльсдорфа киммерийца Коннахара Гленнлаха, протектора Заморы Аластора Кайлиени и двух волшебников — придворного мага Немедии Арраса и Тотланта из Пограничья, ка-

ковые с помощью дарованного свыше искусства волшебства смогут выяснить происхождение человека, называющего себя Ольтеном. Таковым свидетелям предписывается незамедлительно выехать в полуночные области Немедии, а затем ждать на обусловленном Ольтеном месте встречи возле замка Демсварт в двадцать пятый день нынешней луны.

Подписано собственноручно:

От имени короля Аквилонии —
герцог и вице-король Просперо Пуантенский,
Королева Чабела I Зингарская,
Принц-консорт Зингары и вице-король Оливерро,
Король Пограничья Эрхард I Оборотень
и наследник трона принц Эртель,
Королева Хаурана Тарамис II Аскаура,
Король Бритунии Альбиорикс I,
Наследный принц Аргоса Ариостро,
Соправители Хорайи Коссус и Ясмела,
Великий визирь императора туранского Ездигерда
Альгалиб Сайбениль,
Великий протектор Заморы Аластор Кайлиени,
Великий протектор Коринфии герцог Сальвикс»

* * *

Гробовое молчание. То, что сейчас происходило в малой тронной зале дворца короны, можно со всей ясностью и точностью поименовать «немой сценой». Один лишь Просперо сохранял демонстративное самообладание. Он деловито отстранил меня вправо, и, пока я скручивал перга-

мент, грозивший войной всему Материку, провозгласил:

— Прошу выйти сюда назначенных Советом королей посланников!

Первым на середину выбрался Конан и с самым независимым видом встал, поблескивая аметистами на рукояти своего великолепного клинка. Мелкими шажками к нему подошел Тотлант. Затем, повинуясь безвольному жесту Тараска, к ним присоединился волшебник Аррас, постоянно косившийся на Конана с опаской. Аластор, нарочито громко стуча подошвами по каменными плитам пола, оказался четвертым и последним.

— Я... Я могу верить лишь своему придворному магу,— набравшись сил, заявил Тараск.— Остальных я не знаю.

— Зато «остальных» знают все короли Заката,— отрезал Просперо.— Положение тяжелое, месьор Тараск, и в твоих интересах разрешить его как можно скорее. Если дело обернется — а я в этом не сомневаюсь! — в твою пользу, все государи и государыни принесут тебе самые почтительные извинения. И еще. Ради нашей безопасности (Просперо обвел широким жестом всех собравшихся в зале королей) я с гонцом, отсланным вскоре после полуночи, приказал шести кавалерийским тысячам Аквилонии подойти к границам Немедии и занять перевалы на Немедийских горах.

— А я,— внезапно встала Чабела,— отправила голубиной почтой сообщение, чтобы боевой флот

Зингары с пятнадцатью тысячами щитников поднялся к истокам рек Тайбора и Красной. Месьор Тараск, я думаю, можно понять — это только лишь предосторожность.

— Я тоже отдал приказ,— тяжело поднялся Эрхард, а рядом с ним встал могучий Альбиорикс, король Бритунии,— рубежи Немедии и Пограничья будут закрыты, как только почтовые соколы доберутся до места назначения. То же самое сделал мой царственный брат Альбиорикс.

Бритунийский богатырь молча кивнул.

Просперо осмелился на наглость, которую никогда не допустил бы во дворце Конана: запросто поднялся по ступеням трона, нагнулся к уху бледного Тараска и прошептал настолько громко, чтобы расслышали все:

— Господин, это не война. Всего лишь неприятный казус. Какая разница, станешь ты королем сейчас или через десять дней? Зато будет установлена истина.

Тараск молча встал, оттолкнул герцога, быстро пошел к выходу, но перед самой дверью остановился, повернулся к нам и срывающимся голосом произнес:

— Так или иначе, вы — мои гости. Никому не будет принесено никаких убытков или поношений. Я подчиняюсь вашему решению. Однако помните — вы в Немедии. И Немедия — чужое для вас государство.

Мой взгляд случайно скользнул по Конану, и я заметил, как киммериец мне подмигнул.

«Вот так Чабела!»

Но яростные молнии, которые Тараск метнул глазами на Конана, дали мне ясно понять — маскарад с «тупым киммерийцем» окончательно провален. Тараск либо догадался, либо его осведомили...

Глава вторая

Записки волшебника — I «Тонкое искусство клеветы»

*Бельверус, Немедия.
14 день Второй весенней луны.*

Редкостная удивительность нынешнего положения кроется в том, что в Немедии сложилось невероятное, невиданное прежде троевластие. С одной стороны, государственные управы подчиняются вроде бы законному (а вроде бы и нет...) монарху, Тараску Эльсдорфу, с другой — на Соленых озерах установилась вроде бы незаконная (а вроде бы и законная?) власть Ольтена, младшего сына Нимеда, а с третьей — Немедией ныне управляет (причем совершенно незаконно!) Совет королей, отдающий распоряжения Тараску.

Всем понятно, что долго поддерживать устойчивость эдакой шаткой пирамиды невозможно, и

дело закончится либо к взаимному удовлетворению сторон и наказанию виновных, либо к большой беде наподобие всеобъемлющей войны. Война же означает полное нарушение торговых связей, мое любезное Пограничье окажется в изоляции от Полудня, караваны смогут приходить лишь по бритунским и аквилонским трактам, купцы разумно отложат поездки на Полночь до лучших времен, все перегрызутся между собой, в возникшем хаосе кто-нибудь непременно затеет варить собственное зелье и добиваться частных целей, не имеющих ничего общего с установлением справедливости, ради которого и затевалась эта авантюра.

А тут еще и ксальтотун какой-то...

Понятия не имею, что означает это странное слово. В языке Изначальных альбов, который я выучил в Пограничье посредством старательного штудирования книги «Кэннэн Гэллэр», существует корень «кхал» или «ксал», который затем переняли и кхарийцы.

«Ксал» — очень сложное понятие, обозначающее и течение времени, и направление, и повеление, и еще один Нергал знает что. Теоретически, наполняя водой клепсидру и заводя ее механизм, я совершаю «ксал», то есть моя деятельность связана со временем, направлением стрелок и желанием узнать, какое сейчас время суток.

Может быть, «ксальтотун» — это часовщик? Мастер-изготовитель клепсидр-курантов?

Сет Змееликий, бред какой...

Кого бы спросить? Какую бы книжку почитать? Как бы во всем этом разобраться? И замечу: загадочный ксальтоун обитает где-то в Бельверуском замке и Конан его даже видел! Пойти самому поискать, что ли? Обнаглевших послов (фактически узурпировавших у Тараска верховную власть), по приказу Чабелы, принявшей командование над дворцовой стражей на время до выяснения всех обстоятельств дела о престолонаследии, пускают куда угодно, кроме личной сокровищницы немедийских королей, хранилища тайных документов и покоев самого Тараска.

Утро миновало, наступил день. В главной церемониальной зале возле Трона Дракона на нижней ступеньке возвышения поставили большое и удобное кресло для королевы Чабелы Зингарской — эта изумительная энергичная женщина мигом взяла управление дворцовыми делами в свои руки. Если быть предельно честным, то в настоящий момент Чабела является и королевой Зингары, и чем-то вроде правящей регентши Немедии. Разобиженный и оскорбленный до глубины души вероломством «царственных братьев» Тараск заперся в полуночном крыле замка, а на вопросы придворных и канцлера отвечал: «Спрашивайте у Чабелы и Просперо!»

Я покинул тронный зал как раз тогда, когда немедийский канцлер Эрдрик фон Грей явился к Чабеле с докладом о налоговых сборах. Чабела быстро просмотрела документы, продиктовала что-то канцлеру и приказала отнести на подпись Тараску.

— Это не дворец, а сумасшедший дом! — пожаловался Эрхард, встретившийся мне на главном дворе. — Зингарская стерва всеми командует, забрала нашу охрану и поставила Веллана с компанией оборотней охранять библиотеку, распоряжается, как у себя дома... А вокруг бродит дюжина королей и великих герцогов, не понимающих, в какой стране они оказались! Кстати, слышал, Чабела первым делом составила от лица Тараска указ о переносе коронации. И что ты думаешь, Тараск подписал! Во дела!

— А остальные где? — спросил я.

— Конан с Аластором собираются к отъезду на Соленые озера, Эртель пошел по бабам...

— Каких баб имеет в виду Ваше величество?

— Тарамис с фрейлинами. Наследничек решил поближе раззнакомиться со знаменитой королевой Хаурана. Вероятно, надеется, как и Конан некогда, урвать кусочек сладкого пирога. Аргосский принц развлекается в городе, Балардус Кофиенц безвылазно торчит в посольстве. Видимо, чувствует, что запахло жареным. Если Балардус и его приближенные действительно замешаны в последних событиях, то решения Совета Королей для него будут похуже, чем удар серпа по известному месту. Когда — и если — мы докажем влияние Кофа на Тараска и стремление правителей Хоршемиша подмять под себя такую огромную империю как Немедия... С Балардусом никто не станет иметь дел, а беднягу Тараска вздернут вниз головой при большом стечении зевак и любопытных. Как тебе такая картина?

— Какие мы все-таки мерзавцы, — я сокрушенно покачал головой. — Приехали, испортили человеку праздник, устроили что-то вроде переворота, грозимся войной...

— Ага, и при этом нахально живем за его счет, — хохотнул Эрхард. — Пойду-ка я с визитом. Король я или кто? Королям положено ходить с визитами.

— И кого ты намереваешься осчастливить своим присутствием?

— Да есть тут одна... Офирская графиня. Приглашала на завтрак. Очень красивая женщина.

Я нахмурился, припоминая. Ну да, Клелия Кассиана дия Лаурин из Ианты. Чем-то похожа на Чабелу, только формы попышнее и волосы светлые.

— Желаю успеха, — кивнул я Эрхарду. — Нож держат в левой руке, вилку в правой, в салфетки не сморкаются, запомнил?

Увернувшись от королевского подзатыльника, я отправился гулять дальше.

«Все делом заняты, к девочкам ходят, политику крутят, — огорченно думал я. — Один Тотлант неприкаянный. Ксальтотунов тут, понимаешь, ловлю. Может, плюнуть на все и пойти полюбезничать с Зенобией? Маг — он тоже человек! Веллан, небось, давно... Стоп! Веллан же распределен в стражу библиотеки! Ох, сейчас пожилюсь!»

Я аж заурчал от предвкушения. Мне выпал изумительный шанс сунуть нос в королевскую

библиотеку Немедии. Ведь именно в Бельверусе ведутся знаменитые «Немедийские Анналы» — исключительно древняя и очень подробная летопись!

А книги по волшебству? А по истории? А по лекарскому искусству? А военные трактаты? Да будь моя воля, я бы в этой библиотеке поселился на всю оставшуюся жизнь!

— Здравствуй, милый Веллан! — я со змеиной улыбкой подкрался к дверям книгохранилища, располагавшегося в отдельном флигеле замка. — Тебе тут не скучно?

Веллану сотоварищи скучно не было. Он сам и десяток оборотней из охраны Эрхарда громогласно играли в кости под присмотром унылого немедийского офицера. Бедняга выглядел примерно так, как должен выглядеть всякий цивилизованный человек, дом которого захватили варвары.

— О, питон стигийский приполз! — радостно заорал Веллан, одновременно кидая кости. — Садись, сыграем с нами!

— Веллан, ты меня знаешь, я в кости не играю, — я вызывающе покосился на тяжелые бронзовые двери библиотеки. — Мне бы книжечку почитать...

— А что ты мне за это дашь? — ухмыльнулся оборотень. — Бесплатно не пущу! И не проси даже!

— Хочешь, с королевой Тарамис познакомлю? — предложил я. — Она тебе понравится. Или нет, вот, хочешь монетку?

Я всунул в ладонь Веллана дешевенький серебряный талер с профилем старого Нимеда и бочком-бочком направился к библиотеке.

— Посещать книгохранилище дозволено только по личному разрешению короля или его светлости Арраса! — вздыбился немедиец, пытаюсь загородить мне дорогу, но мигом сник, заслышав звериный рев Веллана:

— Именем Чабелы Зингарской и Совета королей! Пропустить!

Немедиец поперхнулся воздухом и отошел. В глазах у него стояли слезы. Он явно полагал, что великая Немедия рухнула навсегда. А оборотни наши — молодцы, быстро усекали, кто теперь хозяин во дворце.

Вот и библиотека. М-да. Халька сюда лучше не пускать, немедленно удавится от зависти, прямо на дверном косяке. Видимо, старый Нимед выделял на нужды книгохранилища столько же денег, сколько и на армию. Три этажа! Бесконечные стеллажи книгами и свитками! Путевые карты! Планы неизвестных и неисследованных земель! Бытоописания народов Материка! Труды географов, астрологов, риториков! Порядок идеальный, нигде не пылинки. Книги расставлены по буквам и по тематике — вот пожалуйста, гигантский шкаф, набитый исключительно рукописями, посвященными схоластическим учениям, возникавшим в разные времена вокруг митрианской религии.

Истинная сокровищница человеческого духа! Только, как и человеческий дух, крайне запутан-

ная. Заблудиться в библиотеке можно запросто. Ну-ка, давайте посмотрим возлежащий на отдельной стойке каталог книг. Может быть, найдем что интересное. В свете последних событий меня весьма интересует наидревнейшая магия до-человеческой эпохи. Пожалуйста, пресловутый «Кэннэн Гэллэр». У них тоже есть список! Вот «Демонология и наука колдовства», вот книга. «О способах проникать сквозь время и пространство». А это что такое?

У меня сердце захолонуло. В разделе каталога, посвященного магии, обнаружилась такая строка: «Ксальтотун. Сочинения о некромантических опытах валузийских магов». Рядом указывалось местонахождение — восьмой проход, двенадцатый шкаф, вторая полка сверху. Ура! Я нашел ксальтотуна! Но вот вопрос — я нашел ксальтотуна или ксальтотуна? То есть человека, носящего такое имя и сочинившего книгу, или сочинение, повествующее о сути ксальтотунов, о том кто они такие, откуда берутся, куда деваются, как можно стать ксальтотуном и можно ли вообще?

Идем искать восьмой проход и двенадцатый шкаф.

Я горько разочаровался. Не менее полуоборота клепсидры блуждал по пустой библиотеке, копался в означенном шкафу, но книги на месте не обнаружил. Кто-то аккуратно изъясил ее задолго до моего появления. Я огорченно вздохнул, отряхнул руки от пыли и вдруг вздрогнул, ощутив на себе чей-то взгляд. Точнее, не взгляд.

Моего лба словно бы коснулись мягкие перышки цыпленка или кисточка с беличьего хвоста. Мысли внезапно начали путаться.

Ясно — действует заклятие Ключа, причем очень мощное. Кто-то желает узнать, что за гость явился в королевскую библиотеку и с какими целями.

Отлично, сейчас он у меня получит!

Стараясь не подавать виду, что обнаружил постороннее воздействие, я прошептал положенные слова и отослал чужое заклинание назад, к создателю, так, чтобы оно ударило его посильнее, заодно раскрыв сущность противостоящего мне колдуна. Придворный маг Аррас, что ли, баляется?

И тут меня как будто ослепило. Волшебная мысль, спроецированная на неизвестного супостата, наткнулась на ярко-багровый, неодолимый барьер, настолько мощный и непроницаемый, что я похолодел. Рядом со мной находился маг, многократно превосходящий меня по уровню знаний и волшебной силе.

Неосязаемый удар в грудь, и вот я пыльной вороной лечу между книжных шкафов, больно стучаюсь спиной об обшитую черным деревом стену, пытаюсь встать, но меня все сильнее и сильнее давит к земле. Будто мешок с мукой сверху бросили. С трудом подняв взгляд, я осмотрелся, ойкнул и от неожиданности даже дышать забыл.

Всего в нескольких шагах от поверженного Тотланта стоял... Стояло... Оно! То самое сущест-

во, которое Конан, Хальк и Аластор мельком видели вчера вечером.

Измумительный красный наряд, переливающийся при каждом движении, темно-красная маска дракона, длинный посох... А при чем тут, простите, звезда Роты-Всадника, нашитая на хламиде?

Что же за времена такие наступают? Почему этот проклятый символ попадаете мне на глаза все чаще и чаще?

Неужели Рота, великое божество Полночи, Поверженный Всадник, возвращается в наш мир из небытия, из-за Грани?

Существо в красном по своей природе наверняка относилось к людям — две руки, две ноги, голова. Но уж больно высок. Или мне так кажется потому, что я валяюсь на полу, а он громоздится надо мной?

— Тебе неверно кажется, — громко сказали мне по-стигийски. Боги, он копается в моих мыслях! Вон из моей головы!

— Изволь, — прохрипело из-под маски, и я почувствовал, как спутывающие мой разум заклинания тают. — Хочешь, малыш, я дам тебе всего один полезный совет? Если хочешь прожить долгую и счастливую жизнь, уезжай в обратную Пограничье, если уж ты выбрал полуночную страну своим домом. Не суйся в дела, в которые даже я побаиваюсь соваться.

— Ты кто такой? — хрипло выдавил я. — Ксальтотун?

Фигура медленно кивнула.

— Ксальтотун — это твоё имя?

— Скорее, сущность. Или, если тебе будет проще понять — род занятий. Тотлант, уезжай. Уезжай скорее.

— Мы разве были прежде знакомы?

— Возможно. Поднимайся и уходи.

— Постой, постой, ещё один вопрос! — возмущился я. — Почему ты и многие другие носите белую звезду в красном окоме? Знак Роты?

— Потому что Алое Сияние, залившее Немецию, принадлежит Роте-Всаднику.

Он развернулся и, тихо ступая по половицам, ушел в глубину библиотеки, скрывшись за стеллажами.

Заклятья наконец перестали действовать, я, кряхтя, поднялся и заспешил к выходу. Вывалился, тяжело дыша, в караулку, где хохотали Веллан с друзьями, вызвав у них веселое недоумение.

— Посмотрите, до чего доводят книги, — соболезнующе сказал Веллан, озирая мой бледный вид. — Как вы, волшебники, вообще на свете-то живете? Тотлант, ты что, в библиотеке привидение увидел?

— Отвяжись, — я поморщился и, прихрамывая, направился к лестнице во двор.

Привидение? Нет, хуже! Поздравляю, охотник за ксальтотунами! Своего ты добился. Зато теперь можно смело утверждать: то, что называет себя «ксальтотуном» — очень сильный и знающий маг, каким-то образом связанный с тайной пресловутого Алого Сияния.

* * *

— Магия хороша только на расстоянии броска топора!

Эту историческую фразу Конан ввернул немедленно после моего рассказа об импровизированной погоне за ксальтотуном, причем рассказа довольно сбивчивого. Собрались только аквилонцы — Хальк, Просперо и сам Конан.

— Да, описание совпадает с тем, что мы наблюдали вечером, — обеспокоенно согласился барон Юсдаль. — Странная красная одежда, маска, посох... Говоришь, он задавал вопросы по-стигийски?

— Да, — кивнул я. — Но мне кажется, что к Черному Кругу Птейона, которым командует Тот-Амон, этот человек не имеет никакого отношения. В Стигии множество наречий. Треклятый ксальтотун говорил с луксурским акцентом. Я сам родился в Луксуре, поэтому знаю.

— Пойдите-ка... — Конан выругался столь замысловато, что мы не поняли и половины из речений варвара, прошелся, как тигр, из угла в угол, нахмурился и вдруг сказал такое, от чего у меня дыхание перехватило: — Стигиец, луксурский акцент, утверждает, будто «ксальтотун» — его сущность, а личное имя — Менхотеп. Тотлант, как тебя зовут? А смысле, полное родовое имя?

— Тотлант, сын Менхотепа, сына Птеоса, из Луксура, — немедленно ответил я и закашлялся. Кажется, я понял, на что намекнул Конан.

— Мало ли в Стигии Менхотепов! — наконец промычал я. — Имя распространенное, особенно в среде магов. Конан, неужели ты и впрямь полагаешь...

— Я не полагаю, я создаю версию происходящего, — с апломбом заявил король. — И вообще, детям лучше знать своих родителей. Этот красавчик был похож на твоего отца?

— Ты рехнулся! Менхотеп, мой дражайший родитель, волшебник, владеющий стихиями пустыни! Конечно, он высокого роста, но эта оряси-на выше Менхотепа Луксурского самое меньше на четыре пальца.

— Обувь с высоким каблуком, — пожал плечами Хальк. — И вообще, что вы пристали к Тотланту? Что, он не мог не узнать собственного отца? Однако... Тотлант, ты утверждаешь, будто виденный тобой ксальтотун — исключительно одаренный маг. Предположительно, стигиец.

— В равной степени он может быть шемитом, кешанцем или уроженцем Пунта, — проворчал я. — Сам слышали, имя распространенное. Акцент Луксура он мог приобрести, например, долго проживая в городе. Ксальтотун посоветовал мне, а, следовательно, и всем нам, немедленно уезжать. Он как-то связан с древним культом Роты-Всадника...

— У-у-у! — в один голос возмущенно загудели Конан и Хальк. — И этот туда же! Какой еще Рота? Какой всадник? Мумифицированный призрак восьмистысячелетней давности! Оставь глупые страхи!

Конан поморщился и добавил:

— Похоже, тебя очень сильно напугали. Только не говори, что намерен отказаться от поездки на встречу с Ольтеном!

— С удовольствием бы отказался! — горячо воскликнул я. — Если там опять появится Алое Сияние, я этого не вынесу! Я же волшебник! Принимаю колдовскую мерзость гораздо острее любого обычного человек! Тебе, Конан, было бы приятно оказаться в самом сердце кузнечного горна? Вот и сравнивай!

— Вот что стоит предпринять, — решительно заявил герцог Просперо, — мы сейчас возьмем самых волосатых и немых киммерийцев из отряда Бриана Майлдафа — для пущего устрашения! — пойдем к Тараску и вытрясем из этого недоделанного короля все возможные сведения. Начнет вилять — припугнем Тотлантом. Ты ведь знаешь различающие ложь заклинания?

— Знать-то я знаю, но у Тараска свой маг...

— Именно что свой! — воскликнул Конан. — Я с Аррасом встречался лет пятнадцать назад, и он уже тогда был изрядным скотом!

— Вы ксальтотуна в расчет не берете? — вмешался Хальк. — Надо полагать, ксальтотун служит Тараску и может использовать свою, как утверждает Тотлант, огромную магическую силу против нас. В таком случае от вашего заклинания распознавания правды, видимо, останется только пшик!

— Боюсь, это не ксальтотун служит Тараску, а вовсе наоборот, — мрачно заключил Конан. — И

Морадин мне писал, будто в Бельверусе пустило корешки чужое волшебство. А ведь Просперо прав — прихватим Тараска за жабры и заставим открыть правду! В том числе и про ксальтотуна! И не надо мне говорить о том, что это нарушение этикета, куртуазии и прочих дурацких условностей!

Мы не пришли ни к какому соглашению только потому, что...

— Герцог! — в дверь, буквально как камень из пращи, влетела Флана, первая камеристка королевы Чабелы. — Ваша светлость, помогите! Королева просит вас немедленно придти в малый церемониальный зал! Там скандал!

— Начинается... — Просперо закрыл лицо ладонями. — Кажется, наша зингарская приятельница доигралась в увлекательную забаву «быть королевой Немедии». Госпожа, что стряслось?

Флана лишь разрыдалась и настойчиво повлекла герцога за собой. Хальк махнул мне рукой — пойдем, глянем. Уставший Конан остался в комнате, собрать вещи для путешествия на Солёные озера. Местные скандалы его не интересовали.

Зрелище нашим глазам предстало, мягко говоря, феерическое. Это действительно был скандал — громкий, яростный и многоголосый. В центре зала мы обнаружили бледного и дрожащего принца Оливерро, мужа Чабелы Зингарской, каковой находился под стражей здоровенных ликторов дворцовой охраны в немедийской синей с черным форме. Принц пытался в чем-то

оправдываться, рядом с ним голосила восторженная красотка в шелках, бархате и бриллиантах, с распущенными волосами и кровавыми царапинами на щеке. Офицеры немедийской гвардии, охранники посольств, временно занявшие посты в замке короны Бельверуса, и все, кто случайно оказался неподалеку, включая королеву Тарамис и аргосского принца, вернувшегося из города, не без злорадства наблюдали за бушующим штормом.

— У меня безупречная репутация! — надрывно вопила поцарапанная красотка, да так, что хрусталики высоко под потолком на люстрах позванивали. — Я мать двоих детей! В конце концов, я баронесса, мой муж приближен к трону! Он советник короля!

— Какого, интересно, короля? — с ухмылкой шепнул мне Хальк и уже громче спросил у кого-то из немедийцев: — Любезный, в чем, собственно, дело? Почему все так кричат?

— Его зингарская светлость, принц-консорт, — надменно ответил офицер гвардии, — подступался к баронессе Лорето с неприличными предложениями. Получив отказ, взял ее силой.

— Ой-е... — удрученно выдохнул Хальк. — Баронесса, как я полагаю, подданная Немедии?

Хальк полагал правильно. Попутно выяснилось, что обещанная дама немедленно бросилась жаловаться на хамство, вероломство и грязные домогательства вначале дворцовому управителю, а затем и королю Тараску, подняв невыносимый шум. Когда распоряжением Чабелы гос-

пожу Лорето к Тараску не пустили, обиженная баронесса и закатила представление, кое мы ныне созерцали.

Принц Оливерро вяло отнекивался, ворчал, говорил, что его оклеветали и пытаются скомпрометировать, а в комнатах госпожи баронессы он всего лишь пил вино и рассуждал с ней о морских путешествиях.

Вот так. Конечно, Оливерро — принц, супруг самой знаменитой монархини континента, но оскорбление дамской чести не прощается даже самым высоким особам.

На сцене появилось новое действующее лицо, которое в пьесах лицедеев всегда обозначается как «разъяренный муж». Вот, значит, каковы советники у короля Тараска. Детинушка ростом локтя в четыре, по ширине плеч Конана превзойдет, рожа зверская...

— Это все подстроено, — быстро проговорил Хальк, словно и без комментариев королевского библиотекаря этот факт не был очевиден. — Руку даю на отсечение! Тараск пытается представить нас — то есть Большой совет королей — злонамеренными наглецами, откровенно пренебрегающими законами гостеприимства и пытающимися оскорбить его самого и его страну. Да посмотри ты на принца — Оливерро и мухи не обидит! Верный подкаблучник зингарской королевы! И, кстати, где она?

Королева изволила прибыть немедленно. Все-таки как действует на людей власть и благородное происхождение!

Чабела выглядела спокойно, если не сказать безмятежно, одним жестом руки утихомирила скандал, ласково расспросила пострадавшую баронессу, но с ее муженьком справиться не смогла.

Звероподобный тип настаивал на сатисфакции и немедленном поединке, ибо подобные оскорбления смываются лишь кровью, а семейство Лорето не склонно оставлять жизнь своим врагам!

— Согласен! — неожиданно громко и несколько истерично заявил Оливерро. — Прямо здесь и прямо сейчас! Пусть судьбу этого казуса решит меч!

— Что-то слишком много казусов развелось за последние сутки, — вполголоса заметил Просперо и оценивающе посмотрел на мужа Чабелы. — Рохля, конечно, но клинок в руках удержит.

— Если принца убьют, то Чабела в отместку разнесет Бельверус по камешку, — опасливо добавил я.

— Оливерро никто не собирается убивать, — отмахнулся герцог. — Его изрядно попинают, поставят несмываемое пятно на имени самого принца, а через него — на королеву. Вывод очевиден? Над королевским родом Зингары будут смеяться до окончания века. Тараск весьма тонко отомстил нашей зингарской подружке.

— Утихомирьтесь же, месьюры! — Чабела раздраженно притопнула каблучком атласной туфельки. — Уважайте мой титул! Если барон и ба-

ронесса Лорето почитают себя оскорбленными, они получают требуемое возмещение. Однако по законам поединков в дуэли не может участвовать человек, носящий королевское звание. Господа гвардейцы, освободите моего мужа!

Немедийцы неохотно отошли в сторону. Чабела решительно продолжала:

— Вместо принца-консорта Оливерро может выступить любой дворянин как из подданных Зингары, так и обитателей других стран. Я предлагаю благородным месьюрам постоять за честь моего государства, ибо на мой взгляд, произошла невероятная ошибка!

Зингарка глянула на своего мужа так, что я сразу понял: Чабела ни единого мгновения не верила в истинность спектакля с «изнасилованием», ибо не могла представить своего благоверного в роли похитителя чести матери двоих детей, баронессы и жены советника.

Настолько тихий и безобидный человек, как Оливерро, может, самое большее, невинно флиртовать с фрейлинами и украдкой щипать служанок за задницы.

— Сделать, что ли, красивый жест? — ни к кому не обращаясь, спросил герцог Просперо и шагнул вперед, вытягивая меч из ножен.

Мысленно я посочувствовал господину барону — Просперо отличный мечник и, как мне тотчас насплетничал Хальк, частенько побивал даже Конана в потешных поединках.

Так что за исход сражения можно не волноваться...

Чабела красивый жест заметила, благосклонно кивнула герцогу, но в этот момент за оружием потянулись все находившиеся в зале зингарцы, а наш пуантенец получил словесную оплеуху от звероподобного барона Лорето:

— Аквилония, теперь, как видно, стала провинцией Зингары? И король ваш, как всем известно, симпатизирует Ее величеству. В весьма известных смыслах.

Просперо налился багровой краской, но все-таки сдержался, бесстрастно ответив:

— Сударь, только что вы оскорбили не только монархиню и женщину, но и моего короля. Если его высочество принц выберет не меня, я вызываю вас на следующий поединок, буде вы останетесь живы.

Чабела послала Пуантенскому Леопарду благодарный взгляд, и тут откуда-то возник старый приятель Конана, Аластор из Шадизара.

Странноватый он человек, этот заморийский протектор.

На первый, поверхностный взгляд — нечто среднее между расчетливым торгашом и дамским угодником, на второй в Аласторе ощущается явственное присутствие некоего потаенного магического сияния. Такого, какой испускают могущественные талисманы или люди, от рождения имеющие талант к волшебству, вроде проводцев или знахарок. Но раз уж Конан ему доверяет...

— Надеюсь, никто не скажет, что я бегая за королевами? — чуть вызывающе осведомился за-

мориец, неторопливо извлекая из ножен необычный клинок — длинный, тонкий, больше подходящий для колющих, чем для рубящих ударов. — Отлично, значит, все присутствующие согласны с тем, что ваш покорный слуга — человек незаинтересованный. Просто я очень не люблю, когда неумело врут.

Аластор метнул презрительный взгляд растрепанной баронессе. Сбросил темно-фиолетовый колет, под которым скрывалась ослепительно белоснежная кружевная рубашка. Отсалютовал мечом барону Лорето, поклонился, коротко бросив:

— Я, Аластор Кайлиени, буду защищать честь короны Зингары. Обороняйтесь, сударь.

Чабела снова лучезарно улыбнулась, собравшиеся в зале дворяне расступились, образуя широкий круг...

Первый обмен выпадами произошел настолько стремительно, что я даже не успел заметить, когда и как взметнулись клинки.

Признаться, я не очень люблю грубую силу, я же волшебник, а не боец. Но иногда мне доставляет удовольствие посмотреть, как дерутся на мечах настоящие мастера — когда у нас в Вольфгарде Веллан и Эртель проводят учебные бои отрядов порубежной стражи, я всегда прибегаю понаблюдать.

Господин барон оказался тяжеловеснее Аластора, но замориец был гибче, подвижнее и очень умело оборонялся. На левую руку Аластор накрутил короткий бархатный плащик, исполь-

зую его полы для отвлечения противника, двигался легко, с грацией семнадцатилетнего юноши, и все мощные, но бестолковые удары барона Лорето с невыразимым изяществом парировались, отводились в сторону, а чаще просто пропадали втуне — Аластор не давал лезвию приблизиться к телу даже на ладонь.

Я оглянулся на шум и заметил, что зрителей прибавилось. Явился Тараск со свитой. Аррас, двое незнакомых мне гвардейцев с горшкообразными кофийскими стрижками, несколько ликторов...

Мне показалось, что в дверном проеме промелькнула тень ксальтотуна — знакомый алый балахон. Странно...

Поединок меж тем превращался в комедию. Здоровенный барон Лорето начал выдыхаться, его якобы обесчещенная супруга разочарованно вздыхала и сжимала ладони у сердца, принц Оливерро пыжился, Чабела же откровенно рассмеелась, увидев, как Аластор лихо срезал мечом с баронского костюма какие-то золотые побрякушки...

— Барон, всем ясно, что победа осталась за мной, — Аластор внезапно прекратил поединок и отступил на несколько шагов. — Сдайтесь и признайте свою неправоту.

— Убью! — быкоподобно взревел Лорето и взял с места в галоп, занося меч. Аластор отвел удар и самым нежным образом ткнул господина барона в то самое место, что именуется «ниже пряжки».

От раздавшегося вопля мужчины поморщились, а дамы прикрыли ушки ладонями.

И все равно барон Лорето, преодолевая боль, поднялся, и исподтишка кинулся на нарочито картинно раскланивавшегося перед благодарной публикой Аластора. Лишь испуганный вздох одной из дам спас заморийского управителя от неминуемой гибели.

Аластор развернулся, стремительно выбрасывая перед собой меч, на который Лорето и налетел грудью.

Раздался гулкий шлепок — это испутивший дух поединщик растянулся на мраморном полу. Замориец скорчил недовольную гримасу: он, похоже, и в мыслях не держал надежду прикончить своего противника, намереваясь только хорошенько его проучить.

— Убийство во дворце короля? — я вздрогнул, когда в тишине прозвучал голос Тараска. — Подобное карается смертью!

— Ваше королевское высочество, — Чабела, почуяв неладное, торопливо повернулась к немедийцу. Однако титулование оставила прежним: не «величество», а «высочество». И тем еще больше раздражила Тараска, — Это был поединок, освященный древними традициями...

— Довольно вам рассуждать о традициях! — сквозь зубы процедил Тараск. — Не минуло и дня, как мое государство превратилось в арену самых невообразимых бесчинств! Смеем заметить, с молчаливого дозволения так называемого Совета королей. Я готов подчиниться вам и соблю-

сти законы, о которых вы так много твердите, но не могу понять, отчего вы требуете исполнения законов от меня, и смотрите сквозь пальцы на их нарушения, производимые чужими руками! По уложениям Немедии убийство, подчеркиваю — любое убийство! — в королевском дворце карается только смертью. Или ты, королева Чабела Зингарская, в данном конкретном случае хочешь преступить закон?

Чабела смутилась, видя правоту Тараска. Немедиец же взглянул на слегка опешившего Аластора и произнес достаточно громко для того, чтобы его услышал весь зал:

— Моим повелением ты лишаешься титула протектора Заморы и будешь арестован. Гвардия, взять!

— Один момент! — Просперо слегка развязной пружинистой походкой подошел к королеве Зингары, и встал по ее правую руку. — Надеюсь, Тараску Эльсдорфу известно, по какому поводу случился данный поединок? Речь шла о чести дамы и чести принца, которого, я не сомневаюсь, оклеветали. Да, господин Аластор совершил убийство во дворце и должен быть наказан по всей строгости закона. Но, боюсь, Ваше высочество не может лишить Аластора Кайлиени титула, ибо по «Решению семи королей» ты не вправе перемещать и вновь назначать государственных деятелей вплоть до разрешения вопроса о престолонаследии в Немедийском королевстве.

Меня так и подмывало спросить Тараска: «Что, съел?»

Тараск скривился, однако проглотил оскорбление.

Так или иначе, Аластора увели в темницу, ожидать решения судьбы. Замориец не выглядел особо расстроенным или удрученным — подозреваю, ему не раз приходилось оказываться в подобных ситуациях. Заметив в толпе высокородных зевак нашу группку, он украдкой подмигнул и указал глазами на выход из зала, красноречиво намекая, чтобы мы поскорее известили о случившемся Конана.

Потому, когда стало ясно, что скандал временно замят, участники и зеваки расходятся, я, Хальк и Просперо поспешили с нашими безрадостными новостями к аквилонскому королю. Чабела, быстро переговорив с супругом, вернулась в большой церемониальный зал — заниматься бесконечными государственными делами чужой для нее страны.

И все-таки Тараск достиг своего. Королевская семья Зингары публично скомпрометирована. Чабеле и ее мужу нанесена обида, вполне достойная «Решения семи королей», по отношению к Тараску.

Тараск отомстил. Мелко, гадко, но действительно.

* * *

Я сидел рядом с камином в зале, являвшемся парадной комнатой временной резиденции высочайшего посольства Аквилонии, потягивал розо-

вое пуантенское вино, не чувствуя вкуса, и пытался осмыслить все происшедшее.

В голове путалось. Вначале покойный герцог Мораддин поднял панику почти на весь континент, известив всех близких друзей о некоем Алом Сиянии, появившемся в Бельверусе и окрестностях; потом в вечно стабильной и мирной Немедии, где порядок ставился выше любых других ценностей, начинается истинная свистопляска — бунт, переворот, убийства... Затем, я выясняю, что молодая госпожа Эрде владеет артефактом с магической силой, превосходящей любые известные мне волшебные вещи, и, оказывается, что ранее этот камушек принадлежал ксальтотуну, действующему заодно с Тараском...

Это — факты. Но какова подоплека? Ясно, что Тараск, используя чужеродную магию Алого Сияния захватил трон, устранив всех претендентов на власть. Нет! Это не причина, это следствие! Причина — в том камне который носит с собой госпожа Эрде. Внезапно и неожиданно возродилась (или, если больше нравится так — «вернулась») в наш мир древнейшая магия. Вероятно, некто — ксальтотун? — раскопал в древних трактатах сведения о колдовстве эпохи Роты. Узнал, где и как искать Камни, созданные забытым божеством полуночи. И все-таки обнаружил один из них... Главный вопрос: каков принцип действия артефакта? Ни одна магическая вещь не создается просто так, ради развлечения или собственного удовольствия. Каждый волшебный предмет имеет собственное предна-

значение. У меня, например, есть амулеты распознающие заклинания других волшебников и охранные знаки, способные отпугнуть нечисть, найдется и медальон, создающий жуткие иллюзии, призванные отпугнуть врагов или позволить друзьям распознать, что мои намерения чисты.

Но каков Алый Камень? Только лишь артефакт, применяемый в боевой магии и созданный для уничтожения противника? Скорее всего, нет. Наверняка его силу можно употреблять и в подобных целях, однако я не чувствовал в Камне злой, враждебной силы. Только Великое, Всеохватывающее Равновесие!

Мне показалось, что его мощь призвана быть одновременно и стрелкой и плечом весов, удерживающий Черную и Белую чаши. Ничего не понимаю! Мы, маги придерживающиеся той тонкой алой грани, что является рубежом между Тьмой и Светом (ибо и та и другая стороны по своему не правы и излишне агрессивны) никогда не создавали могучих волшебных изделий, ибо любая чрезмерная сила нарушает почитаемое нами Равновесие. Так, как в случае с Камнем Даны Эрде. Девушка использовала Алую, Срединную мощь в своих целях и часть Равновесия тем самым превратилась в Добро, а часть — в Зло! Добро баронесса Эрде сделала для самой себя и своих союзников, но причинила зло защитникам городка Эвербах... Дана использует силу Равновесия в своих целях, а никакой человек не знает, в чем Белое, а в чем — Черное... Да, у мо-

лодой баронессы благие намерения, но ведь существует отличная поговорка о том, куда могут таковые намерения завести.

От грустных мыслей меня отвлекло явление Совета Королей почти в полном составе. Рано или поздно мне придется высказать владыкам Заката все накопившиеся соображения, и посмотрим, какие решения короли и королевы примут тогда.

Признаться, я боюсь. Любой человек боится чужого, непознанного и непознаваемого.

По крайней мере в истории с Хозяином Небесной горы и Зеленым огнем мы знали с кем бороться, видели противника перед собой и знали его слабости.

Как бороться с новой напастью, обрушившейся на Закат, я не представляю. Ибо не ведаю, что она такое...

* * *

— Ну, ваши державные величества, и как прикажете поступать дальше?

Чабела, шурша парчовыми юбками очаровательного платья цвета морской волны и посверкивая бриллиантами диадемы, ожерелья и браслетов, напоминала чересчур раздраженную ювелирную лавку, по каким-то причинам сорвавшуюся со своего места и накручивавшую круги по большой гостевой комнате, в которой жили аквилонцы. Зингарка безапелляционно заявила, что она невероятно расстроена, оскорблена и

пребывает во гневе, а значит — вскоре кому-то не поздоровится.

На мой взгляд, Чабеле стоило бы слегка успокоиться и расслабиться, благо способов множество — например, можно избрать простейший и самый легкодоступный в виде «приватной аудиенции» Конану, который замечательно умеет успокаивать буйствующих женщин. Но, поскольку Чабела плотно вошла в роль вершительницы судеб Материка, времени на посторонние милые развлечения у нее не оставалось.

Большой совет созвали вечером. Балардус Кофийский, как всегда, не явился, хотя его приглашали весьма настойчиво.

В ответном письме кофиец недвусмысленно заявил, что не собирается вмешиваться в дела Немедийской монархии, нежная дружба с которой дороже ему, Балардусу, собственной короны. После чего Балардус был обозван «ренегатом», «отщепенцем» и «интриганом», и с этой поры было решено не обращать на кофийца никакого внимания.

— Почтеннейшие господа и дамы могут понять,— продолжала Чабела, безостановочно расхаживая между креслами и столом. Королева грызла ногти, но это вовсе не казалось чем-то неприличным, скорее пикантным,— что Тараск начал активно противодействовать нашим решениям. Во-первых, срывается поездка Конана, Аластора, Тотланта и Арраса к мятежникам для переговоров с принцем Ольтеном или кто он там есть... Во-вторых, нам всем начали подстраивать

мелкие пакости. Мой драгоценный супруг в кои-то веки решился пофлиртовать с дамой, причем с ее же одобрения и согласия, а дама через некоторое время рвет на себе платье, царапает щеку и начинает орать дурным голосом: «Насилуют, насилуют!»

— Насилуют? — Конан внезапно заинтересовался речью Чабелы. — Где?

— Конан Канах изволил проснуться, — фыркнула зингарка, а королева Тарамис откровенно рассмеялась. — Если не будешь слушать внимательно и думать головой, а не местом противоположным, то вскоре изнасилуют тебя.

Конан обвел Чабелу влюбленным взглядом и, приснув в кулак, проронил:

— Всегда к вашим услугам, моя королева.

— Идиот! — шикнула Чабела. — Слушайте далее. Мы лишились уже двух участников посольства — Аластора Кайлиени, весьма глупо попавшего в тюрьму из-за неосторожности моего похотливого муженька, и волшебника Тотланта, которому внезапно расхотелось ехать.

— Тотлант, — укоризненно посмотрел на меня король Эрхард Оборотень. — Что я слышу? Тебя, действительно, запугали какие-то там паршивые ксальтотуны?

— Я не отказываюсь ехать, я просто... опасаясь, — я сделал робкую попытку оправдаться, хотя перед моими глазами до сих пор висела жуткая драконья маска колдуна в красной хламиде и вспыхивали искры алого сияния, таящего в себе древнюю и жуткую угрозу. Можете по-

слушать меня хоть самое короткое время и при этом не перебивать?

Короли и герцоги кивнули.

— Мои страхи заключаются в том, что на Закат внезапно и беспричинно обрушилось мощнейшее волшебство, позабытое уже во времена Валузии. Существует артефакт в виде красного камня, исторгающий Силу, равную силе тысячи волшебников. Но хуже всего то, что артефакт, Камень, находится в руках пятнадцатилетней девчонки, которая неким чудесным образом может направлять его Силу. Я не знаю, как Дана Эрде это делает, но она делает... Неумело, по наитию, методом проб и ошибок.

— Камень отобрать, девчонку допросить, — не к месту и не ко времени вставил король Бритунии Альбиорикс.

— Займитесь на досуге, Ваше величество, — оперился я в ответ. — Может, славные короли вспомнят, какие самые могущественные артефакты известны сейчас на Закатном Материке?

— Мечи Скелоса, — уверенно ответил Конан.

— Корона Кобры, — подсказала Чабела и сразу добавила: — Но мы ее уничтожили десять лет назад. Тот-Амон до сих простить не может.

— Книга Бытия, — заметил Эрхард, пояснив: — Древняя книга заклинаний народа оборотней, любимое чтиво нашего Тотланта. Все обещает покорить мир с ее помощью, но доселе как-то не собрался.

— Вспомнил! — воскликнул принц Ариостро из Аргоса. — Если говорить о книгах, то мы забы-

ли о Книге Скелосо! У нас хранится один из Мечей Скелосо, а следы Книги затерялись, хотя одно время она находилась в Мессантии.

— Добавим такие магические талисманы, как Глаз Эрлика, Секира Света, волшебный бриллиант Звезда Хоралы,— дополнил Конан.— Некоторые из этих вещей я видел своими глазами.

— Да будет мне позволено напомнить почтеннейшим гостям,— вперед вышел гном Дарт и по обыкновению поклонился: — Вы упоминали только об артефактах, созданных людьми. Мы, гномы, тоже некогда увлекались созданием магических вещей. Кувшин Нейглам, исполняющий любое желание (я заметил, что Конана почему-то перекосило), ожерелье Умхийд... Вдобавок по свету и под горами гуляют изделия Изначальных альбов, валузийцев. Магических артефактов довольно много...

—...Но самые известные и могущественные из них мы перечислили,— продолжил я за гнома.— Конечно, можно добавить к списку перстни волшебников (я поднял правую руку и показал всем свое кольцо мага в виде маленькой стальной змейки с красным глазком), однако перстни, скорее не артефакты, а лишь проводники Силы носителя.

— Так к чему ты клонишь? — спросила Чабела, нагнув голову.— Насколько я тебя поняла, ни мечи Скелосо, ни волшебные книги или драгоценные камни, чьи имена мы только что назвали, не могут испускать это самое Алое Сияние? Верно?

— Верно,— кивнул я.— Предполагаю, что кто-то не столь давно обнаружил тщательно спрятанную вещь, созданную в до-человеческую эпоху. И, соответственно, не предназначенную для использования людьми. Если эта вещь действительно находилась в Немедии в течение последнего года, то именно на ее колдовское воздействие можно списать неурядицы, поразившие королевство. А уж если допустить, что Камень принадлежал Тараску, то вывод очевиден — принц использовал артефакт для захвата власти. Волны мощи, исходящие из Камня, умело направленные в определенное русло, могли вызвать смуту в народе, неурожай, общее смятение умов...

— По-моему, ты преувеличиваешь,— рассудительно сказал Конан.— Ни один волшебный артефакт не может охмурить целую страну!

— А целую страну охмурять и не надо,— пылко ответил я.— Достаточно оказать воздействие на дворец и столицу. Постойте! Если следовать этим размышлениям, то я понял причину внезапного старения и необъяснимой болезни короля Нимеда! Нет, его не травили лотосом или каким-нибудь вендийскими снадобьями! Нимеда медленно убивал Красный Камень! Он подсказывал ему неверные решения, вызывал болезнь, сводил короля с ума!

— Стало быть, получается так,— медленно сказала Чабела, побарабанив пальчиками по каменной плите низкого столика с угощением,— что мы, столь внезапно организовавший Совет

королей Заката, раскрыли заговор против Немедийской короны?

— Доказательства? — бросил Просперо. — Ничего, кроме предположений! Да еще основанных на таком зыбком фундаменте, как магия! А магию, уж простите за резкость, к ответу не притянешь!

— Зато вполне можно отыскать исполнителей, — снисходительно проворчал бритунийский король. — А дальше дело знакомое — дыба, щипчики.

— Альбиорикс, ты вульгарен, — поморщилась внимательно слушавшая Тарамис.

— Я варвар, мне можно, — гордо ответил бритунийский король. — И Конану можно. И, если уж на то пошло, Эрхарду. А всем остальным нельзя, вы цивилизованные. И поэтому толчете дерьмо в ступе вместо того, чтобы действовать.

— Фу! — хором сказали все дамы — Чабела, Тарамис и Ясмела. — И как же ты предлагаешь действовать, о варварский король?

— Не знаю! Но я не боюсь попытаться!

— Тихо, тихо! — Чабела примирительно подняла ладони, утихомиривая назревающую ссору. — Предлагаю: тянуть, выжидать время и срочно, немедленно, как можно быстрее искать нашего Ольтена и герцогиню Долиану Эрде. Если мы доберемся до них первыми, узнаем правду. Так что, дорогой Конан, тебе прямая дорога на конюшню, седлай лошадь, и в путь, в путь! И Тотлант за тобой. Можете отправляться даже без Арраса, только узнайте хоть что-нибудь!

— Как мир спасти, так всегда Конан нужен, — вздохнул киммериец. — А вы в это время будете прохладиться в Бельверусе, пить вино, принадлежащее Тараску, и устраивать приемы с музыкой и угощениями!

— Между прочим, — серьезно сказала зингарская королева, — Ты был близким другом герцога Мораддина, госпожи Ринги и их отпрысков. Долиана Эрде не станет видеть в тебе врага. А все остальные, то есть я, ты, Тарамис, ты, Ариостро, ты, Эрхард и ты, Просперо, на некоторое время взвалим на себя тяжкий груз управления Немедийским королевством. Полагаю, Тараск не будет сопротивляться — знает, подлец, что если с наших голов упадет хоть один волос, Немедия мгновенно получит полновесную войну со всеми странами Заката и будет разбита меньше, чем за две седмицы. Вдобавок нас поддержат мятежники с Соленых озер. Тараск в ловушке. И выпустить его можем только мы — Совет Королей.

— Хотите, я всем испорчу настроение? Разом? — вмешался угрюмый Хальк. — Что вы будете делать, если Ольтен... так называемый Ольтен — действительно самозванец? Да, Тараск залез на трон не самым достойным образом, но мы не сможем тогда предъявить ему никаких обвинений. Одни слухи, домыслы... Тотлант, с какой долей уверенности ты сможешь определить истинность династической крови предполагаемого наследника трона?

— С абсолютной, — уверенно ответил я. — Я уже приказал дворцовым служкам найти и при-

нести мне вещи, некогда принадлежавшие Ольтену. От каждого человека исходит некий эфир, своего рода запах души и предметы его сохраняют, им пропитываются. Раз плюнуть! Волшебник я или нет?

— Трепло ты, — вздохнул Конан. — Хорошо, на том и порешили. Я и Тотлант выезжаем немедленно, ничего не сообщая Аррасу. Чабела, займись освобождением Аластора. Если я вернусь и узнаю, что его казнили из-за дурацкого поединка, повешу Тараска на главной башне замка! Эрхард, вдвоем ехать довольно опасно, поэтому отдай-ка мне Веллана. А Эртель пусть сидит в городе и любезничает с Зенобией.

В дверь постучали, но не вежливо, а довольно настойчиво и громко. В проеме появилась усатая физиономия одного из грандов-телохранителей Чабелы.

— Пропу простить за вторжение, — смущенно начал зингарец. — Могу ли я обратиться к моей королеве?

— Что-нибудь случилось, месьор Аликанте? — Чабела вскинулась, увидев обескураженное лицо своего охранника.

— Я бы предпочел сказать об этом наедине, государыня...

— Говори, здесь мои друзья, — отмахнулась Чабела.

— Как бы это... В общем... Нас обокрали.

Конан громко фыркнул.

— А почему я должна об этом знать? — Осторожно осведомилась Чабела. — Не думаю, что ко-

ролеве будет интересно услышать о пропаже сундука с шелковым бельем.

— Дело обстоит гораздо хуже, государыня, — горестно отпустил глаза усатый Аликанте. — Сокровище короны... Скипетр Морских Королей.

— Что-о?.. — вытаращилась зингарка. — А ну, повтори!

— Нет-нет, сам Скипетр на месте! Пропало Океанское Око!

— То есть как — «пропало»? — упавшим голосом спросила Чабела.

— А так, что было, да и исчезло. Управитель посольства каждый вечер проверяет сундук с вашими драгоценностями, госпожа. Сегодня открыл крышку, и видит — золото погнуто, камень из гнезда вынут... И вот еще неприятность... Видели неподалеку от покоев человека в варварской одежде. Точь-в-точь такой, как на том высоком месьоре, — Аликанте указал на Конана.

— Закрой дверь с той стороны, — процедила сквозь зубы королева, сцепила пальцы замком и шепнула под нос такое словечко, что даже Конан посмотрел на Чабелу с уважением.

— Это переходит всякие границы! — рыкнула Чабела, так, что мы вздрогнули, и неожиданно расхохоталась в голос. — Сначала скомпрометировали мужа, теперь утащили главное сокровище Зингары! Да на этот камень можно пол-Аквилонии купить! Конан, признавайся, твоя работа?

— Ага, — оскалился киммериец. — Тебе же сказали: меня видели возле твоих комнат. Хоро-

ший камушек, блестящий, голубенький. Можно распилить на шесть частей и продать в Шадизаре или Аренджуне. Какой доход в казну Аквилонии!

— Вообще-то это не шутки,— нахмурился Эрхард Оборотень.— Если Тараск... И опять никаких доказательств! Чабела, разгони свою стражу, она ни на что не годна!

— А ты превратись в волка, возьми след и найди похитителя! — огрызнулась королева.— Все, месьоры и дамы, разговор окончен. Можно расходиться по своим покоям. Рекомендую всем проверить сундучки с ценностями и удвоить охрану. И еще. Обнаружив любую пропажу, криков не поднимайте. Придется проглотить. О возникающих странностях немедленно сообщайте мне или Просперо. Конан, Тотлант, чтобы к закату духа вашего в Бельверусе не было! Езжайте на Соленые озера и выполняйте свой долг!

Чабела резко развернулась на каблучке и вышла прочь, громко хлопнув дверью. Я подумал, как же несладко придется зингарским стражникам, охранявшим комнаты Ее величества. С ума сойти — украсть сокровище короны, редчайший голубой алмаз, являющийся символом династии Зингары! Кто мог на такое решиться?

* * *

Я почувствовал неладное, как только спустился к конюшням. Поскольку замок короны Бельверуса — это целый город в городе, оброс-

ший пристройками, флигелями, складами, до конного двора и манежа пришлось добираться долго: через крытые галереи, зимние сады, анфилады каких-то запыленных и никому не нужных зальчиков, украшенных оружием и доспехами. При мне была только заплочная котомка, которую можно было легко превратить в переметную суму. В мешок влезло все необходимое — несколько волшебных вещей, которые я постоянно таскаю с собой (как говорится, на всякий случай), две смены одежды, кинжал и сверток, в котором находились два перстня принца Ольтена, его митрианский амулет в виде золотого солнышка и платочек, подаренный принцу какой-то безвестной заморийской графиней.

Этих-вещиц вполне хватило бы для того, чтобы определить истинное происхождение человека, выдающего себя за наследного принца Немедии.

А вот оно, неладное. Стража возле конюшенных ворот дворца почему-то резко усилена и составлена только из немедийцев (аквилонцы, зингарцы и охранники других посольств, если быть честным, контролировали только жилую часть дворца, оставаясь в недружелюбном кольце приверженных Тараску гвардейцев и отрядов кофийских головорезов). Суета, какая-то беготня, отдельные команды...

Едва я вошел на конный двор, кто-то из стражей вежливо перекрыл мне дорогу назад — два гвардейца попросту встали у входа в галерею, скрестив пики.

Однако десятник Коннахар Гленлах и набившийся к нам в попутчики Веллан, сын Арта, не унывали. С шуточками и прибаутками седлали лошадей, громко высчитывали дни, которые мы потратим на дорогу до Эвербаха, ничуть не стесняясь, ругали тупых немедийцев, не могущих самостоятельно разобраться, кто у них король, а кто самозванец, и вообще имели крайне непринужденный вид. Конан поверх привычного фейл-брекена набросил безрукавку из медвежьей шкуры и темно-серый шерстяной плащ, Веллан приделался в обычную дорожную одежду из коричневой кожи с меховой оторочкой, и теперь эти двое в точности напоминали двух разбойников с большой дороги.

— О, Тотлант явился! — Веллан поднял палец к небу. — Опаздываете, благородный месьор колдун. Скоро темнеть начнет, а нам нужно до ночи добраться до ближайшего городка к полуночи от Бельверуса. Хоть и весна, а по ночам еще холодно.

— Какой ты несамостоятельный, — ворчал Конан в мою сторону, — тридцать лет по свету брожу, и все удивляюсь, почему нормальные люди должны за волшебников седлать коня, заботиться о еде, о ночлеге... Вот твоя лошадь, вот лошадь для поклажи. Проверь узду и постромки.

Мне достался громадный норовистый жеребец вороной масти с (ну вот, опять! Это становится навязчивым!) белой звездочкой во лбу, весьма напоминающей по форме набивший оскмину символ Роты. На что это Конан намекает?

— Будешь у нас воплощением Роты-Всадника! — рассмеялся Конан. — Вороная лошадь со звездочкой есть, а ты волшебник, считай, полубог. В случае чего начнешь кидаться молниями. И вообще, я надеюсь, по дороге ты мне расскажешь об этом самом Роте хоть что-нибудь вразумительное? Ладно, ребята, на-конь! Время поджигает!

— У тебя оно всегда поджигает, — ядовитенько вставил Веллан, забираясь в седло. — Вперед!

На дворцовых воротах мы мурыжились не особо долго, однако на нас отыгрались за все шуточки по поводу немедийцев и королей, по десять раз перечитали подорожные, подписанные всеми высочайшими персонами — от Чабелы до Тараска — спросили у Конана, не поддувает ли ему под плед и правда ли, что киммерийцы под фейл-брекеном больше ничего не носят, потому что заросли шерстью, и с тем выпустили. Мне только очень не понравился взгляд капитана стражи, провожавшего нас. Холодно-насмешливый и одновременно презрительный. Такие глаза бывают у людей, подстраивающих другому какую-нибудь изрядную пакость.

До городских ворот пришлось ехать по пустынному парку, прилегавшему к замку короны. Мы посторонились, когда нас начал нагонять довольно большой кавалерийский отряд, однако немедийцы, вместо того, чтобы проехать дальше, не обратив на мирных путешественников никакого внимания, неожиданно окружили нас и почему-то выставили вперед легкие пики.

— Назовитесь! — приказал пожилой офицер в форме королевского ликтора.

— Как вы мне надоели! — покачал головой Конан и громко сплюнул. — Ну, я Коннахар Гленнлах, десятник личной стражи его светлости герцога Просперо Пуантенского, еду на Полночь с важным поручением Великого совета семи королей. Подорожная в полном порядке, ее только что проверяли на воротах дворца. Хочешь посмотреть?

Я и Веллан тоже называли имена, но суровый бородатый ликтор не обратил внимания ни на наши титулы, ни на подорожные.

— Из дворца поступил приказ — досматривать любого, кто собирается покинуть столицу. В случае сопротивления, будь ты хоть чужеземный король, хоть золотарь, приказано задержать и препроводить в Башню Висельников.

Мы с Конаном переглянулись. Это что-то новенькое. Очередная выдумка Тараска? Чего он добивается?

— Досматривайте, — пожал плечами Конан. — Что найдете — все ваше.

Первым принялись за меня. И вот тут я мгновенно уяснил, что интрига исходит с самых верхов, из замка. Немедийцы перерыли мой мешок, обожглись о стигийский магический амулет, не допуская, чтобы к нему прикасались чужие, а потом наткнулись на кольца с вензелем «ОНЭ» — «Ольтен, сын Нимеда Эльсдорфа».

— Изъять немедленно! — Не терпящим возражений голосом приказал старший ликтор.

Во дворце орудуют грабители и командир стражи замка приказал перехватывать любые вещи, принадлежащие королевской семье.

— Но... — попытался возразить я, однако мне в спину чувствительно ударили тупым концом древка и отогнали в сторону. Я, однако, остался спокоен — гвардейцы не обратили внимания на платочек Ольтена, видимо, посчитав его ненужной тряпкой. Да и на солнышке Митры тоже не было инициалов. Грязно работаете, господа ищейки, могли бы и досконально выяснить, какие именно вещи Ольтена были взяты мною в поход на Полночь.

Затем наступила очередь Веллана. Оборотень ругался так, что уши закладывало, но позволил перевернуть свои мешки, ощупать одежду и спросил, не нужны ли кому его старые штаны. Оказалось, что никому не нужны.

Начали обыскивать Конана. Конан старательно возмущался в лучших киммерийских традициях, посоветовал поискать что-нибудь у него под фейл-брекеном, утверждая, что в Немедии такого еще не видели, да впредь и не увидят! Как вдруг...

— Твой мешок? — поинтересовался один из немедийцев, развязывая узелки на переметной суме, снятой с лошади Конана.

— Только вчера у Тараска украл, значит, мой, — буркнул король.

— А это тоже твое?

— Наверно, мое, — бросил Конан, не глядя в сторону обыскивающих, которые как раз вытя-

нули из сумы плотный сверток серой шерстяной ткани.

— Свидетельствую перед всеми,— громыхнул ликтор,— Коннахар Гленнлах признал, что эта вещь принадлежит ему!

Он дернул завязки, и я понял, что в науке подлости нам пока еще рано тягаться с Тараском.

Ах, как оно все оттуда посыпалось! Сверкнуло небесной голубизной Океанское Око, фамильный бриллиант королей Зингары, заблестала мириадами граней диадема с огромным красным камнем, принадлежавшая хауранской королеве Тарамис...

Я поперхнулся, увидев церемониальный орден Большого Льва, который носил Просперо. А считать всякие мелкие побрякушки (включая браслет Эрхарда, некогда подаренный нашему королю самим Конаном, и золотую (с бриллиантами и черными рубинами!) чернильницу Халька...) я уже не решился.

Посольство на Полночь провалено!

— Коннахар Гленнлах,— громко и словно бы заучено начал ликтор,— ты обвиняешься в грабеже, оскорблении величеств и попытке вывоза украденных ценностей! Сейчас ты проследуешь в нами в Башню Висельников, где предстанешь перед королевскими дознавателями!

— Сильно,— признался киммериец, даже не пытаясь потянуться к мечу. С четырьмя десятками гвардейцев нам было не справиться, даже учитывая огромный опыт Конана, мои умения в

боевой магии и бесшабашность Веллана. Последний, кстати, вообще потерял дар речи, увидев сцену с поимкой грабителя.— Последний раз на такую уловку я попадался лет в шестнадцать. Что я скажу Аластору!

— Так или иначе, отдай оружие и проследуй за нами.

— А мы? — выдавил я слабым голосом.

— Убирайтесь из Бельверуса,— с омерзением поморщился капитан.— Пока я не решил взять вас, как пособников. Тоже мне, послы Великого королевского совета! Таких послов на воротах вешать надо!

По лицу Конана я понял, что тот быстро перебирает возможные варианты развития событий. Драться невозможно, но в то же время Чабела мгновенно освободит его от всех обвинений. Наверняка Тараск нашел лучших воров Бельверуса, передел их в одежду дворцовых лакеев, за одну ночь ограбил всех до единого королей и герцогов, съехавшихся в гости, чтобы затем подбросить драгоценности Конану, и тем самым обезопасить себя от наиболее опасного противника.

О том, что Конан — это именно Конан, знают только Чабела и прочие монархи, вошедшие в общий комплот, да несколько доверенных лиц. Остальные уверены, что «десятник Коннахар» всего лишь мелкая сопка в охране аквилонского посольства.

Тараск одним, примитивным ударом уничтожил все влияние аквилонцев на ситуацию в

Бельверусе. Если Просперо начнет защищать вора, то Аквилонского королевство будет обеспечено, а если Конан начнет орать, что он король и наши аквилонцы подтвердят это под присягой на алтаре храма Митры, выйдет еще хуже — король Трона Льва обокрал своих «царственных братьев» как последний шадизарский жулик.

Ситуация, однако...

Учитывая все соображения, Конан выбрал правильную стратегию — он перебрал свой драгоценный меч, подаренный гномами Граскаала и королем Эрхардом, Веллану и поехал вслед за немедийскими гвардейцами, крикнув нам напоследок:

— Тотлант, Веллан! Сделайте все, как и уговаривались! А я уж не пропаду!

* * *

Стены Бельверуса остались далеко позади и город теперь казался лишь темным пятном, обрамленным крытыми тающим снегом равнинами и частыми перелесками.

Лошади шли бодро, ветер доносил запахи прошлогодней палой листвы, хвои и отчего-то навоза, я мучительно пытался сообразить, почему меня и Веллана отпустили, а не забрали вместе с Конаном, и не есть ли это часть изощреннейшей интриги Тараска. Молодой оборотень хмуро глядел в затылок своей лошади, неразборчиво ворчал ругательства и вообще имел самый угрюмый вид.

— Тотлант,— наконец позвал меня Веллан,— а положение-то у нас аховое. Кроме нас, никаких свидетелей ареста Конана не было. Может быть, стоило вернуться в замок, рассказать обо всем Чабеле и Просперо?

— Не думаю,— я покачал головой.— Нас чересчур настырно выгнали из города. Сам помнишь, гвардейцы провожали нас до ворот. Попробуйся мы вернуться обратно, нас либо не пустили бы в город, либо отправили вслед за Конаном, в Башню Висельников. И тогда ищи-свищи, куда пропали трое посланников!

— Надо известить Чабелу! Любым способом! — воскликнул Веллан.— ты же волшебник, придумай что-нибудь! Тараск может запросто убить Конана! Ну, допустим, отравить в тюрьме! А потом тело варвара найдут где-нибудь в канаве, в предместьях Бельверуса! Вот, получите, герцог Просперо, вашего десятника — перепился и спьяну захлебнулся в собственной блевотине!.. Тараск Конана узнал, точно тебе говорю!

— А ведь можно его и не убивать,— подумав, сказал я.— Держать в тайной темнице и его именем шантажировать Совет королей. А когда тяжба с престолонаследием закончится в пользу Тараска, Конана отпустят, может быть, даже извинятся... Но представь, сколько вреда может причинить такой оборот событий! А с Чабелой я свяжусь! Нынешним же вечером. Мне нужна только уединенная комнатка в постоялом дворе. Тотлант еще не забыл, как ставить почтовый портал.

— Хоть какая-то польза от мага... — вздохнул Веллан и протянул руку, указывая куда-то вперед: — Еще два всадника! Кого это понесло на ночь глядя? Но если это немедийская гвардия, несущая очередной привет от Тараска, костями лягу, но всех положу!

Веллан хищно потянулся к мечу. У него даже черты лица обострились и слегка вытянулись — так обычно происходит с оборотнями, когда они впадают в ярость.

Ничего опасного, дворянин и благородная дама верхами. Невысокий молодой человек приятной наружности и юная госпожа со светло-голубыми глазами и очаровательной формы носиком, слегка напоминающим топор. Почти как у Аластора. Увидев нас, они остановили лошадей, перегораживая дорогу, а когда мы подъехали всего на несколько шагов, темноволосый дворянин куртуазно прижал руку к сердцу, кивнул и громко сказал:

— Маэль, граф Монброн Танасульский, к вашим услугам. Также к вашим услугам — Цинтия фон Целлиг. Это вы являетесь посланниками Совета королей на Солёные озера?

— Простите, — осведомилась девица по имени Цинтия, — нам известно, что с вами должны ехать еще трое. В их числе некий Коннахар Гленнах, придворный маг Аррас и управитель Заморы Аластор Кайлиени. Может быть, эти господа отстали?

— А вы кто у нас такие умные? — грубо осведомился Веллан. — Ничего не знаем ни про ка-

ких посланников! Едем по своим делам в Пограничье! Освободите дорогу!

— Ты, — темноволосый указал на оборотня, — наверняка из Пограничья. Либо королевский племянник Эртель, либо Веллан, командир порубежной стражи, я читал ваши описания. А ты — Тотлант из Луксура, волшебник при дворе короля Эрхарда Оборотня. Мы вас встречаем. И представляем его величество короля Немедии Ольтена, герцогиню Эрде и Союз полуночных земель, восставших против узурпатора. И все-таки, где король Аквилонии? Нас в точности известили, что он должен приехать!

— За решеткой ваш король, — буркнул Веллан и посмотрел на меня: — Тотлант, тебе не кажется, что о нашей миссии уже знает весь Материк? Придется выяснять, откуда незнакомым людям стали известны наши планы о поездке к Ольтену. Одно хорошо — похоже, нас теперь проведут.

Оборотень оценивающе взглянул на госпожу Цинтию и весьма развязно спросил:

— Милая дама предпочитает пуантенское или либнумское вино? Я готов угостить столь очаровательную девушку любым нектаром, самым сладким из которых является мое дружеское расположение...

— Точно, он из Пограничья, — фыркнула Цинтия. — Милая непринужденность обитателей Полуночи! Может быть, мы доедем до ближайшего постоялого двора и там обговорим возникшие вопросы? Включая политику, магию и при-

страстие благородных немедийских дам к разнообразным нектарам?

Я моментально понял, что путешествие нам предстоит незабываемое.

Глава третья

Повести Дженны Сольскель — I.

«Чужие хлопоты»

Немедия, Бельверус.

Ночь с 14 на 15 день

Второй весенней луны 1294 года

по основанию Аквилонии

ет, просто удивительно, как иногда бывают непредусмотрительны мужчины. Тщатся спасти мир, при этом не желая замечать расставленных прямо у них под носом ловушек. Разумеется, потом начнется крик до небес — мол, их обманули, обвели вокруг пальца! Мне в таких случаях хочется спросить: где были ваши глаза? Чем вы думали? Неужели полагали, что вам так легко все сойдет с рук?

Эта лихая троица так просто попалась на крючок, что мне стало за них слегка обидно. Ну, с Велланом понятно, у него (наравне с лучшим дружкойм Эртелем) в голове бушует не просто

ветер, но настоящий ураган. Сначала делает, потом думает. Или не думает, целиком полагаясь на удачу и везение. Я рассчитывала на сообразительность мага Тотланта и того типа, коего в глаза именуют Коннахаром Гленнлахом, а когда он не слышит — Конаном Аквилонским.

Так нет же! Похоже, в компаниях взрослые и опытные люди незамедлительно уподобляются мальчишкам. Они жизнерадостно дразнили немедийскую стражу, прикидывались «одичавшими варварами» и вовсю резвились. Ни одному не пришло в голову чуть-чуть пристальнее глянуть вокруг. Они непременно заметили бы меня, я же торчала почти на самом виду, совершенно зазря рискуя навлечь неприятности на собственную голову. В конце концов, я не из тех, кто рубит дерево, исправно приносящее золотые плоды. Зачем мне рисковать сомнительным, но выгодным званием королевской фаворитки?

Наконец они выбрались с конюшенного двора и проследовали к дворцовым воротам. Я, прикидываясь скучающим призраком, тащилась следом, прячась за выступами стен. Капитаном стражи на этот вечер поставили Дратхена. Он безукоризненно сыграл свою роль: эдакий рьяный служака, с трудом скрывающий неприязнь к поправшим законы гостеприимства королям стран Заката и их доверенным лицам, в особенности варварского происхождения.

Тотлант при проверке подорожных, кажется, что-то заподозрил. Покосился по сторонам, внимательнее присмотрелся к Дратхену, одернул

своих разошедшихся попутчиков. Я прикусила язык, чтобы не крикнуть им: «Остановитесь! Загляните в свою поклажу!». Вовремя сообразила — издай я хоть звук, и Дратхеновские подчиненные просто заткнут мне рот. И наплевать ему на возможное неудовольствие Его величества Тараска.

Посланцы выехали из дворца. Им предстояло миновать большой, темный и безлюдный Олений парк, затем проехать через два городских квартала — и они достигнут Полночных ворот Бельверуса. Я колебалась, оценивая возможности. Если я смогу перехватить их в парке, то отчасти сорву замыслы Тараска. Если меня прихватят на этой попытке, мое будущее окажется в ба-альшой опасности. Ярость Тараска Эльсдорфа — отнюдь не та вещь, которую я хотела бы испытать на себе.

Я же вообще не собиралась вмешиваться! Конечно, я не против оказать услугу дядюшке Эрхарду и родному Пограничью, однако на большее можете не рассчитывать. Зенобию Сольскель в первую очередь волнует участь единственного человека, сиречь уже упомянутой Зенобии Сольскель.

А вдруг этим сорвиголовам повезет? Удача, говорят, любит смелых...

Вообще-то для меня в королевских конюшнях всегда держат наготове лошадь под седлом. Сегодня эта предусмотрительность дала плоды — я просто заявила к воротам и высокомерно бросила Дратхену, что у меня важное поручение в

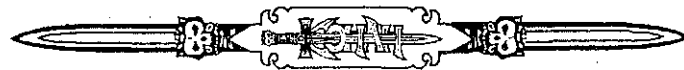
городе. Судя по выражению его физиономии, он не поверил ни единому моему слову, но велел открыть ворота и я рысью помчалась через сумерки по мокрому дворцовому саду.

Коли Дратхен доложит Тараску о моих выходах, я сумею наплести что-нибудь правдоподобное в ответ.

Я не успела. Трое посланцев Великого совета королевей угодили прямоком в лапы давно поджидавшего их отряда и сейчас с крайним негодованием выслушивали известие о том, что все, покидающие замок короны, должны подвергаться досмотру. Мол, во дворце случилось ограбление и стража разыскивает вора.

«Не просто ограбление, кража столетия,— с тоской подумала я.— Океанское Око Зингары, рубиновая диадема из Хаурана, Большой Лев Аквилонии, драгоценные побрякушки Аргоса и Офира... Не понадобилось даже особых ухищрений, чтобы добыть эти сокровища. Часть вынесли лакеи, прислуживавшие во дворце, что-то — люди из посольских свит, не сознававшие, что делают».

Я своими глазами видела, как Аррас преспокойно обстрипывал это грязное дельце: вошел в покои королевы Тарамис, якобы по какому-то делу, отмахнул рукой перед лицом бедной старшей фрейлины, и та послушно вынесла господину магу сундучок с семейными ценностями хауранки вкупе со связкой ключей. Аррас забрал диадему и удалился. Фрейлина ничего не вспоминает.

Не сомневаюсь, идея с похищением драгоценностей и реликвий королевских фамилий родилась именно у Арраса. Он обожает как плести интриги, так и потворствовать не самым высоким замыслам своих покровителей. Покойный король Нимед не раз устраивал изобличенному месьюру придворному волшебнику страшнейшие выволочки, но горбатого исправит только могила.

Досмотр шел полным ходом. У Тотланта нашли и забрали пару колец, некогда принадлежавших младшему Эльсдорфу, Ольтену. Маг, насколько я знаю, намеревался с их помощью доподлинно установить, кто баламутит возле Соленых озер — настоящий принц или самозванец. Тотлант перстни отдал и крика не поднял, значит, у него наверняка запасливо припрятаны другие мелочи из собственности принца. От забористых проклятий Веллана у меня звон в ушах стоял, однако вменить ему в вину оказалось нечего: мешки оборотня заполнял обычный дорожный скарб.

Стражники принялись за «десятника Коннахара». Похоже, вид любых блюстителей порядка, роющих в его вещах, вызывал у него искреннее презрение. Король Аквилонии, совершенно напрасно пытавшийся прикинуться безвестным киммерийским воякой, откровенно хамил и всю задирал немедийцев. Он не почуял неладного даже когда на свет явился извлеченный из переметной суммы угловатый сверток серой шерстяной ткани и ликтор стражников торжествую-

ще помахал им в воздухе, громогласно осведомляясь, признает ли Коннахар Гленнлах эту вещь своей собственностью.

«Скажи — «нет»! — мысленно крикнула я. — Да глянь же, что тебе подсунули!».

— Наверно, моя, — равнодушно отмахнулся Конан.

Сверток развернули. Веллан онемел (впервые на моей памяти). Тотлант, мгновенно смекнувший, что к чему, удрученно поджал губы и сгорбился в седле.

Горсть похищенных сокровищ ослепительно переливалась в свете факелов. Над ними возникало и пропадало радужное облачко.

Столь явственная улика пересиливала и заглушала любые оправдания.

У предводителя гвардейцев даже борода с усами тряслась от праведного негодования, когда он произносил накрепко затверженные слова о взятии под стражу и препровождении злоумышленника в городскую тюрьму.

В глубине души я ожидала, что парочка рубак — Веллан и аквилонский правитель — решится устроить свалку в отчаянной надежде проскочить парк и затеряться в городе. Однако у них хватило ума трезво оценить расстановку сил и понять, что два человека (пусть и с поддержкой мага) ничего не смогу поделать против четырех десятков. Конан решил достойно проиграть: с безразличным видом пожал плечами, перебрросил оборотню свой меч и отбыл вместе с гвардейцами.

Тотлант и Веллана не задержали. Наоборот, приставили пятерых охранников, дабы препроводить до городских ворот. Меня, по счастью, никто не заметил, так что я развернула лошадь головой к замку короны и с досадой пнула безвинное животное каблуками в бока. Посольство на Полночь отменяется. Аррас не тронулся с места. Заморийский управитель, близкий приятель принца Ольтена, который должен был ехать в первую очередь, кукует в дворцовом подземелье за поединок и убийство, учиненное сегодня днем прямо в малой церемониальной зале. Конан, также хорошо знающий Ольтена в лицо, держит путь к Башне Висельников. Стигигец и оборотень, скорее всего, смогут беспрепятственно добраться до Эвербаха на Соленых озерах, ставки мятежников, но чего будут стоить их свидетельства...

Пожалуй, стоит рассказать кому-нибудь о происшествии в Оленьем парке. Только кому?

* * *

Я топала по коридору в сторону полуденного крыла, отведенного под проживание гостивших в Бельверусе царственных особ, и размышляла. На первый взгляд все казалось очевидным: надо идти к Чабеле Зингарской, уверенно захватившей правление Немедией в ожидании того дня, когда точно выяснится: Тараск Эльсдорф — узурпатор, не имеющий никаких прав на Трон Дракона. Тараск, само собой, всеми правдами и

неправдами пытается оттянуть наступление этого рокового мгновения.

Мне нет никакого резона вмешиваться в дела королей, ибо я, говоря откровенно, никто. Нахальная девчонка из Пограничья, сумевшая взобраться на тепленькое местечко подле Трона Дракона. Те, кто распространяют про меня подобные слухи, в чем-то правы. Не вижу причины, с какой стати молодой, привлекательной и толковой особе прозябать в отдаленном, захолустном королевстве далеко на Полуночи? Я не благородная, зато, что куда важнее, богатая. Обучена читать, писать, вести торговые счета и рубиться на мечах — последнее умение дает мне законную возможность чувствовать себя независимо. Дядюшка Эрхард, то бишь король Пограничья Эрхард, называет меня слишком самонадеянной для женщины и ворчит, что я когда-нибудь допрыгаюсь.

Сегодня настал день, когда мне придется применить все добытые знания о дворцовых интригах, чтобы сообразить, кому что сказать и при этом остаться в тени. Я без того сделала больше, чем намеревалась. Предупредила, кого могла. Аквилонского красавчика Маэля Монбронна, полагающего себя опытным лазутчиком. Короля Эрхарда, который хоть и тугодумен, зато, приняв решение, никогда от него не отступается. Я даже постаралась намекнуть кое-что блестящему сборищу Совета королей, но, разумеется, ко мне не прислушались. Конечно, зачем слушать простолюдинку, влезшую в доверие к

претенденту на престол? Та же Чабела, хоть и умнее многих, наверняка считает, что я незамедлительно пересказываю все услышанное Тараску.

Зачем, спрашивается, мне это делать? Он без моей помощи отлично все разузнает. Сообразительный, зараза.

Не пойду я к Ее величеству Чабеле. Во-первых, поздно уже. Во-вторых, она мне не доверяет. В-третьих, ничего с их драгоценным Конаном Киммерийцем за ночь не стрясется. Переночует в Башне Висельников, вспомнит молодость. Тараск, хотя ему с двух сторон зудят в уши ксальтотун и Аррас, не отважится его убить. Его милости несостоявшемуся королю без того забот хватает. Злой он сейчас, словно голодный демон. Корона Немедии, до которой ему было рукой подать, взяла и ускользнула.

А заварушка на Соленых озерах наверняка на совести настоящего Ольтена. И девочки Эрде. Иного я от нее и не ожидала — при таких-то родителях, как Мораддин и Ринга Эрде! Странно только, что герцогская чета позволила столь за просто себя прикончить. Сквозит в моей умной голове гаденькое предчувствие, что Тараск рано-вато посчитал себя избавившимся от этой бешеной парочки. Ручаюсь, они достанут его даже из Страны Теней. Не представляю только, каким образом. И вообще, мое дело — сторона. Не хочу я ни во что вмешиваться. Не хватало, чтобы Тараску доложили о загадочных похождениях дамы его сердца. Он и так на меня косо посматри-

вает, опасаясь, что я непременно проболтаюсь своим приятелям из Пограничья.

Кстати, о приятелях. Не навесить ли дорожку Эртеля? Повод вполне невинный — в далекие времена, лет шесть назад, когда я еще не перебралась в Немедию, девица Зенобия имела сомнительную честь ходить в подружках наследника короны Пограничья. Ничего из этого не вышло. У Эртеля есть куча несомненных достоинств и один серьезный недостаток: ему совершенно неизвестно значение слова «постоянство». Вдобавок, он оборотень, а я, увы, происхожу от самых настоящих людей. У оборотня может быть подруга-человек, но жениться они обязаны только на девицах из своего народа. Не то, чтобы мне позарез хотелось стать принцессой Пограничья, но быть девочкой на пару ночей я тоже не желала.

С тем мы и расстались, предварительно крупно поскандалив, а затем помирившись.

Теперь мы иногда обмениваемся дружескими посланиями, причем зловерный Эртель никогда не упускает случая поинтересоваться, не заполучила ли я какую-нибудь дармовую корону или типа, настолько глупого, чтобы предложить мне венец.

Шепну-ка я Эртелю о том, что его приятелям не повезло. Дальше пусть сам выкручивается, не маленький.

Хоть я не придворная дама, однако за пять лет жизни в Бельверусе усвоила кое-какие правила куртуазии. Например, почти никогда не

вхожу в двери, предварительно не постучавшись.

Из покоев, отведенных посольству королевства Пограничного, не донеслось ни единого звука. Странно. Кто-нибудь обязан быть на месте — не Эртель, так старый король. Ежели они оба умчались на ночь глядя по своим делам, значит, под дверями должны торчать охранники

Я стукнула еще раз, пнула створку и вошла в полутемную комнату, грозно спросив: «Есть кто дома?».

Ответом мне служили приглушенный визг и метнувшаяся в соседнюю комнату тень, за которой волочились развевающиеся тряпки, едва не застрявшие между створками. Прислушавшись, я различила стук торопливо захлопнутой двери и частый удаляющийся топот ног по коридору. Понятно. Вопросов более не имеется. Кто куда, а Эртель — по бабам. Любопытно знать, какая дуручка на сей раз пала жертвой варварского обаяния и обманчиво честных голубых глазок?

— Зенна, ну почему бы тебе не зайти чуток попозже? — тоскливо спросили из темноты. — Нарочно подкарауливала, да? Отомстить хочешь? Ну и вредная ты, хуже дядюшки! Вечно все портишь!..

— Не ной,— безжалостно отозвалась я, на ощупь разыскивая свечи и зажигая их от тлеющих в камине угольков. — Завтра подыщешь другую. Или можешь догнать эту и напелсти ей каких-нибудь сказочек. Вообще-то я по делу. Ты в состоянии меня выслушать?

— Можно подумать, у меня есть выбор,— буркнул Эртель.— Если уж ты вбила себе в голову какую затею, то сдохнешь, а не отступишься. Чего там еще стряслось?

Свечи наконец разгорелись, позволив оглядеться по сторонам. Знакомые приметы — столик с остатками ужина на двоих и уютное гнездышко на широком туранском диване. Теперь его занимал одинокий взъерошенный Эртель, закутавшийся в плед, и недовольно косился на меня, дожидаясь того счастливого мига, когда я уберусь восвояси.

— А где Эрхард? — с невинным видом поинтересовалась я.

— Обсуждает политические трудности в обществе некоей госпожи Клелии Кассианы из Офира,— Эртель не удержался от того, чтобы немного съязвить. Дядюшка и племянник удивительно схожи по характерам и взглядам на жизнь, только Эрхард достаточно умен и никогда не попадает на горячем.

Я понимающе кивнула и уселась на ручку кресла:

— Ты знаешь, что Веллан, Тотлант и Коннахар уехали на Полночь, встречаться с мятежниками?

— Слышал,— Эртель сделал одолжение, выкроив серьезную физиономию.

— Коннахар куда не едет,— я побаивалась, что нас подслушивают, и потому на всякий случай говорила о Конане Аквилонце как о «десятинике Коннахаре».

— Почему? — вытаращился Эртель, забыв о том, что должен испытывать ко мне неприязнь за испорченный вечер.

— Его схватили на дворцовых воротах с полными сумками королевских побрякушек. С Морским Оком и прочими драгоценными вещичками, которые расстались со своими законными хозяевами нынешним днем.

— Ого,— восхищенным шепотом сказал Эртель и заозирался в поисках своего барахла.— Пошли, скажем Чабеле! Она Тараску такой скандал закатит!

— Беги, если хочешь,— я подобрала с пола скомканную рубашу и швырнула ее оборотню.— Только сделай милость, сперва подумай — от кого ты узнал сию потрясающую новость?

— От тебя,— заикнулся Эртель.

— Первый раз слышу! — я сделала круглые глаза.— Да я тебя последний раз днем видела и ничего подобного не рассказывала!

— Тогда... — оборотень задумался и вскоре обрадованно поднял палец: — Во! Я ходил их провожать!

— И тебя не заметили? — недоверчиво спросила я. Королевский племянничек сник. Интриги — не его призвание, ему бы мечом вволю помахать да поволочиться за очередной юбкой.— Слушай умную Зенобию. Известишь Чабелу утром. В открытую вам действовать никак нельзя — если вы спросите у Тараска, куда девался Коннахар, он вполне правдиво скажет: «Понятия не имею!» Чабела, конечно, может потребовать

устроить допрос капитанов стражи, охранявших этой ночью замок короны, но могу биться о любую заклад, никто из них ничего не видел и не знает. Стражники честно-благородно выпустили посольство на Полночь, помахав им на прощание.

— Тогда что же делать? — уныло спросил Эртель. — И где Коннахар?

— Думаю, сидит в Башне Висельников. Посочувствуй Тараску, у него тоже крайне двусмысленное положение — поймал редкую добычу и ничего не может с ней поделаться. Ни шкуру снять, ни отпустить. Пусть Чабела имеет это в виду и пытается сторговаться. Услуга за услугу, глядишь, и договорятся. Главное, что остальных посланцев не тронули. И учти, я тебе ни слова не говорила!

— Конечно, — рассеянно кивнул оборотень и спросил: — Только почему? Тараска боишься?

— Никого я не боюсь! — раздраженно огрызнулась я. — Просто мне глубоко наплевать, чья задница и по какому праву расположится на немедийском троне — Тараска, Ольтена или кого-нибудь еще. Пусть короли ссорятся между собой, сколько влезет, и делают престолы! Всеобщей войны, которой постоянно угрожает Чабела Зингарка, никому не хочется, так что вскоре быстро отыщется способ решить дело миром. Я тебя предупредила насчет Коннахара, дальнейшее — целиком на твоей совести.

— Лучше бы ты дядюшке сказала... — заныл мой бывший приятель.

Я сделала вид, будто страдаю глухотой на оба уха, и с достоинством удалилась, думая, куда бы направиться — к себе, вздремнуть, или к Его неудачливому высочеству Тараску Эльсдорфу?

Дратхен наверняка помчался докладывать своему покровителю об отлично выполненном поручении. Хорошо бы знать, что из этого последует. Так, на всякий случай. Чтобы завтра имелось нечто полезное для ушей Эрхарда и прочей расфуфыренной королевской братии.

* * *

На площадке перед входом в покои Тараска стояла большая бронзовая клепсидра аргосской работы в виде прыгающих над волнами дельфинов. Стрелки показывали третий послеполуночный колокол. Поздновато для визитов, однако скучавшие охранники без возражений распахнули передо мной двери.

Я побрела по высокому коридору, отделанному дубовыми панелями, прислушиваясь, не донесутся ли откуда-нибудь голоса. Ага, слышу Тараска и еще кого-то — сидят в маленькой Зеленой гостиной, прозванной так из-за пузатеньких малахитовых колонн и изумрудного цвета натянутых на стены шелковых полотнищ. Заявиться посреди разговора? Выставят. Будем предусмотрительнее, зайдем в соседнюю комнату и отодвинем якобы прикрывающую уединенную нишу бархатную штору. В нише прячутся стул и маленькое окно. Со стороны гостиной сие потайное

окошко предстает как висящий на стене безобидный пейзаж с горами. Светло-голубая окраска неба над холмистой грядой с внутренней стороны прозрачна, так что расположившийся в нише созерцатель отлично видит и слышит тех, кто находится в гостиной. Дворец, пусть и выстроен лет семьдесят назад, просто напигован такими укромными местечками, замаскированными глазками и встроенными в стены слуховыми трубами.

У Тараска шел ночной совет. Присутствовали личности, обычно старающиеся держаться в тени и делать вид, будто далеки от политических хитросплетений, то есть оба придворных мага: аквилонец Аррас Кийяр и кофиец Ораст из Сарваша. Вдобавок (я невольно поежилась, испугавшись, что он почует мое присутствие) — месьор ксальтотун в своем мрачном пунцово-багряном переливающимся великолепии и неизменной маске в виде драконьей головы. Господа волшебники выглядели крайне обеспокоенными, Тараск — уставшим и задерганным.

Насчет ксальтотуна ничего сказать не могу, ибо пурпурно-атласная маска не обладала способностью выражать чувства своего носителя.

Речь держал ксальтотун, вольготно расположившийся в резном кресле. Поперек бархатных подлокотников возлежал его посох: три локтя лакированного красного дерева, завершающегося опять-таки медной драконьей мордой с темным гранатом в пасти. Внутри камня мерцали искры — или мне померещилось?

— ...Значит, стигиец Тотлант пренебрег моим настоящим советом и отправился в путь, — глуховато доносилось из-под маски. — С ним едет... как его?

— Веллан, глава порубежной стражи Пограничья, — вполголоса добавил Аррас и, пользуясь возможностью высказать свое мнение, продолжал: — Этот тип — оборотень. Вдобавок, как мне говорили, хороший боец. Им понадобится около седмицы, чтобы добраться до Эвербаха или где там околачиваются мятежники, которые наверняка уже начали подтягиваться к назначенному месту встречи, замку Демсварт.

— Ими займутся, — устало пообещал Тараск. — Я выслал людей, которые догонят месьоров посланцев. Беда отнюдь не в этой парочке, будь они хоть трижды волшебники, оборотни и мастера меча...

— Часть бед исходит от Чабелы Зингарской, — высокомерно кивнул ксальтотун. — Хотя теперь у нее прибавится собственных хлопот и она сообразит умерить свой пыл самозванной правительницы Немедии.

— Может, сообщить ей об Океанском Оке? — робко напомнил о себе Ораст, которого, как я догадывалась, вообще никто не принимал всерьез. — Мол, если хочет его вернуть...

— Чабела, мой дражайший юный друг, хоть и женщина, но отнюдь не глупа, — оборвал кофийца ксальтотун. — Упоминание о возвращении Ока Морей повлечет расспросы о том, при каких обстоятельствах его напали. На свет неминуемо

выплывет имя небезызвестного десятника Коннахара, и тогда...

— А ведь это в самом деле Конан Киммериец,— с нехорошей ухмылкой сообщил Аррас.— Почти не изменился за те пятнадцать лет, когда мы виделись в последний раз и расстались заклятыми друзьями. Его узнал не только я, но и многие другие. Тарамис, Ясмела и ее братец, не говоря уж о варварах из Пограничного королевства и заморийце. Кстати, как Ваше величество полагает с ним поступить? Казнить?хлопот не оберешься. Отпустить? Пойдут слухи... Но серьезно проучить не помешает, ибо от месьора Аластора Кайлиени постоянно исходят неприятности. Он частенько забывает, кто истинный правитель его обожаемой Заморы.

— Либо завтра за него явятся хлопотать, либо обнаружится, что его камера давно пустует,— отмахнулся Тараск.— Если Чабела попросит отпустить этого смазливового проходимца, я, так и быть, пойду ей навстречу. Пусть пришьет его к своему подолу. Лучше поразмыслим, как нам быть с Коннахаром, Конаном или как ему угодно себя именовать.

— Я искренне надеялся, что он затеет свару, получит по туповатой голове и избавит нас от лишних хлопот,— пробурчал себе под нос Аррас.— Так нет же! Он оказался достаточно сообщителен, чтобы не лезть на рожон и тихо сдаться.

— Это как держать пойманного тигра за хвост,— без малейшей усмешки заметил Тараск

Эльдсдорф.— Каждый день, проведенный им в столице, опасен для нас. У него полно приятелей, обожающих подсматривать и подслушивать. Я не поручусь, что прямо сейчас кто-нибудь из его дружков, повизгивая от усердия, не несется к Чабеле или Эрхарду Оборотно с радостной новостью о поимке Аквилонца.

«Подслушивающий дружок», то есть я, скривилась. Вовсе я не визжала от усердия. Просто решила, что раз одна сторона позволяет себе хитрости, то и другой позволено действовать по своему усмотрению.

— Положим, у нас есть два или три дня, прежде чем Просперо, Чабела или кто-то еще начнут беспокоиться и расспрашивать,— словно обращаясь сам к себе, заговорил ксальтотун. Меня от его голоса жуть берет. Вроде человеческий, а вроде какой-то... замогильный, что ли? — Варвара нельзя оставлять в городе. Нельзя, чтобы он проболтался или узнал нечто лишнее.

— Мы также не можем заручиться его согласием молчать. В дополнение ко всем совершенным глупостям он носится с мыслью отыскать убийц семейства Эрде,— не преминул добавить Аррас и подвел итог: — Не человек, а сборище неприятностей!

Я неслышно хихикнула. Поймали медведя, теперь выкручивайтесь, как знаете, пока он вас не загрыз!

Мое веселое настроение испортил ксальтотун. Он резко перекинул посох в стоячее положение и звонко пристукнул им по мраморному полу:

— Что сделано, то сделано. Не будем отчаиваться раньше времени. Месьор Аррас, месьор Ораст, Его величество вас больше не задерживает.

По-моему, Тараск остался не слишком доволен, услышав, как ксальтотун лихо распоряжается от его имени. Однако кофиец сдержанно кивнул, отпуская обоих придворных магов. Высоченная орясина в киноварном и малиновом снисходительно наклонила голову, прощаясь, но с места не двинулась, выжидая, пока Аррас и Ораст закроют за собой двери.

— Скоро крысы побегут с корабля,— зло бросил Тараск, когда волшебники ушли. Он выбрался из-за стола и начал бродить из угла в угол комнаты. Эту его привычку я знала: его милость отчаянно изыскивает какой-нибудь неожиданный ход. Частенько ему удастся заморочить головы своим противникам, но, боюсь, однажды он перехитрит сам себя и проиграет.— Аррас уже подыскивает, кому бы продаться подороже.

Драконья голова с обшитыми золотой нитью глазницами качнулась из стороны в сторону.

— Не решится. Я присмотрю за ним и за Орастом. Меня больше беспокоит пропавший Камень. Буду откровенен — если дойдет до стычки между мной и этой чокнутой девчонкой Эрде, я не ручаюсь за свою победу.

— Вот как? — Тараск остановился на полушаге и круто развернулся.

— Именно так,— голос ксальтотуна звучал сухо и, как мне показалось, вымученно-искрен-

не.— Посему нам придется использовать против нее и так удачно избежавшего торжественного погребения в семейной усыпальнице Эльсдорфов принца Ольтена любые доступные средства. Я полагаю, ты сделал, что мог. Преданные нам люди, затерявшиеся среди мятежников, никогда не окажутся лишними. А еще у нас есть настоящий подарок судьбы — сидящий в Башне Висельников Конан Киммериец.

Тараск откровенно фыркнул:

— Что с того? Если бы у варваров существовали девизы, этот тип выбрал бы что-то наподобие: «Пусть мир катится своим путем, а я пойду своим». Аррас прав: невозможно договориться с тем, кто желает все делать по-своему.

— Нам нет нужды договариваться с ним,— ксальтотун понизил голос, и Тараску пришлось подойти ближе.— Нам нужно его использовать. Не-ет, мы не станем запихивать его в глубочайшее из подземелий Башни и угрожать десятью страшными казнями, если он не выполнит наших условий. На следующий день после его гибели нас ждет неизбежная война с Аквилонией. Наоборот, мы отпустим его.

— Отпустим? — недоуменно переспросил Тараск.

— Конечно. Только он получит свободу не нынешним утром, а где-то через седмицу. Пусть встретит своих приятелей-мятежников возле стен Демсварта. Пусть поведаст им захватывающую сказочку о том, как его держали в пристрашном узилище злобного колдуна и как он удачно от-

туда сбежал, проломив десяток голов. Никто не усомнится, ибо каждое слово короля Аквилонии будет истинной правдой.

— Гм,— сказал Тараск, и беззвучно повторила я, пытаясь сообразить, что затевает жутковатый приятель почти состоявшегося правителя Немедии. Тараск оказался догадливее простоватой девочки из Пограничья, медленно проговорив:

— У мятежников его примут с распростертыми объятиями. Он — старый знакомый Эрде. Девчонка и Ольтен ничего не заподозрят.

— При удачном стечении обстоятельств мы получим их живыми и вместе с Камнем,— подхватил маг.— Можно даже устроить показательную казнь самозванца и его приспешницы. При неудачном — демон с ними, пусть подышают. Главное — заполучить обратно Талисман.

— Любопытно будет глянуть, как вытянутся физиономии у аквилонцев, когда они прослышат о новых похождениях своего обожаемого короля,— с расстановкой произнес Тараск. Этот его тон мне чрезвычайно не понравился. Он означал, что в скором времени кому-то придется очень и очень худо. Таких игрищ я не понимаю и не принимаю. Все имеет свои границы, в том числе политические интриги. Иначе мы станем похожи на свору бешеных собак, носящихся по городским окраинам и нападающим на все живое.— Как ты собираешься это сделать? И где? Здесь, в городе?

Маска отрицательно повернулась влево-вправо.

— Можно привлечь ненужное внимание. Мне нужно кое-что предпринять, и тогда завтра... то есть уже сегодня днем я выведу нашу добычу из Бельверуса. Я отправлюсь в Лемату. Местечко уединенное, почти безлюдное и как раз неподалеку от Демсварта. Оттуда Конан волен бежать на все восемь сторон света.

— Рискованно,— сказал Тараск, но я поняла, что в душе он давно согласился со всеми предложениями своего жутковатого покровителя.

— Мы с самого начала знали, что придется рисковать,— бесстрастно отозвался колдун, поднимаясь с кресла.— Вряд ли нам представится второй подобный случай. Справимся — никто больше не посмеет даже заикнуться о незаконности твоего восхождения на престол. Этот вопрос станет запрещенным для любых обсуждений. И Чабела вкупе с ее сторонниками лично принесут тебе все положенные извинения...

Неразборчивое окончание разговора донеслось до меня уже из коридора. Я сидела, точно привязанная к стулу, и впервые в жизни ощущала пугающую растерянность. Я не знала, что мне делать. Нарушить мои неписанные правила жизни и вмешаться? Но ксальтотун и Тараск затевают такую игру, в которой проигравший или проболтавшийся незамедлительно отправляется на кладбище. Я не настолько дорога Тараску, чтобы его огорчила безвременная кончина девицы Дженны во цвете лет. С другой стороны, Конан Аквилонец мне никто. Я, конечно, уважаю человека, пробившегося с самых низов к коро-

левской короне, но мое уважение совершенно не означает, что я должна мчаться спасать его шкуру. Это не мое дело! Я не желаю иметь ничего общего с замыслами Тараска!

«Чего ты хочешь, в конце концов? — раздраженно поинтересовалась я у самой себя. — Всегда оставаться в стороне? Не выйдет! Ты увязнешь все глубже и глубже. Тони или выкарабкивайся, Зенобия Сольскель, только делай хоть что-нибудь!»

15 день Второй весенней луны.

Целый день во замке короны царило удивительное спокойствие и благолепие. Никаких скандалов, никаких происшествий, всеобщая любезность и торжество хороших манер. Похищенные драгоценности вернулись к владельцам: с положенными кургузными распаркиваниями было объявлено, что грабитель изловлен бдительной стражей Бельверусского дворца и препровожден в Башню Висельников для последующего суда и надлежащего возмездия.

Заморийца Кайлиени отпустили по настойчивой просьбе Просперо Пуантенского и двух благородных дам — Чабелы Зингарской и офирской графини Клелии Кассианы дия Лаурин, приговорив к уплате изрядного выкупа семейству убитого барона Лорето и намекнув, что стоит впредь вести себя потише, ежели он не желает лишиться титула протектора. Месьюр Кайлиени с нарочито смиренным видом выслушал приго-

вор и принялся собираться в дорогу, намереваясь догнать уехавших в направлении Края Соленых Озер Тотланта, Веллана и Коннахара.

Все занимались чем-то полезным. Лишь бедная Дженна маялась дурными предчувствиями и бродила по замку с таким лицом, будто страдала разлитием черной желчи. Его высочеству Тараску я старалась на дороге не попадаться, опасаясь, что вид моей скорбной физиономии приведет к расспросам о моем душевном и телесном. Я колебалась. Пару раз подходила к дверям покоев Эрхарда, намереваясь все ему рассказать, но удирала.

Я даже не решилась узнать у Эртеля, говорил ли он с Чабелой. Зато выследила дворцовых магов: Ораст торчал в своих комнатах, потом уехал в город, Аррас копался в библиотеке, ксальтотуна с самого утра никто не видел.

Я начала впадать в тихое отчаяние. Придумала лихой и совершенно невыполнимый план: наведаться к Тараску, стянуть или выпросить у него разрешение на посещение Башни Висельников, съездить в главную городскую тюрьму и предупредить Конана. Толку от подобного героического поступка — совершенно никакого, зато совесть чиста.

Тихий голосок совести упрямо повторял, что я пытаюсь добиться двух противоположных вещей: не повредить Тараску и одновременно помочь его пленнику.

Нужно выбрать что-нибудь одно. Я же отлично знаю, что право Тараска Эльсдорфа на Трон

Дракона — весьма и весьма призрачное. Знаю, что сам он не убивал никого из семьи покойного Нимеда, однако распорядился, чтобы с ними расправились и вкупе с ксальтотуном содействовал распространению недовольства королевской династией среди горожан. Знаю, что между мной и Тараском не существует никакой особой привязанности.

Я — редкостное украшение, варварка при цивилизованном дворе Немедии. В конце концов, я в силах устроить свою судьбу и без Тараска Кофийца! Очень он мне сдался!

Дело решил случай. Торча на открытой галерее второго этажа, я бездумно гладела на благородное общество, прогуливающиеся по разбитому во внутреннем дворе цветнику. В дальнем конце галереи мелькнуло нечто стремительное, ярко-алое и развевающееся, что могло быть только причудливым одеянием ксальтотуна. Отлично, колдун в замке. Теперь — не останавливаться и не задумываться. Любое сомнение ведет к гибели. Пока я действую быстрее Тараска и компании, я неуловима. Будем надеяться, что пока никому не известно о вступлении в сражение за немедийскую корону нового человека — девицы Дженны из Пограничья.

Представителям Заморы и Коринфии не выделили, как аквилонцам, зингарцам или свите хауранской королевы, отдельных покоев в замке короны — они ночевали где-то в городе, то ли у близких знакомых, то ли в посольствах. Однако днем Аластор Кайлиени постоянно болтался ли-

бо поблизости от Чабелы, либо там, где проводились общие советы — в комнатах Эрхарда.

Я не ошиблась, но слегка опоздала. Несший караул стражник буркнул, что заморийский протектор недавно прошел мимо, направляясь к дворцовым конюшням. Пришлось вприпрыжку нестись по лестницам, стараясь не замечать удивленных взглядов: гости и обитатели замка короны уже привыкли, что варварке Дженне несвойственна поспешность.

Столь необходимый мне человек успел оседлать коня, миновать преграду в виде крайне бдительной охраны, проверявшей бумаги у всех, покидающих замок, и ожидал, пока ему откроют большие ворота в стене, окружавшей дворец.

— Стойте! — завопила я. Проскочила между изумленными гвардейцами, оглянувшимися на мой крик, и спала лошадь заморийца под уздцы. — Погодите!

— А в чем дело? — сверху на меня вопросительно-иронично глянула пара черных лукавых глаз. — Госпожа Зенобия? Что-то случилось?

— Случилось, — я огляделась по сторонам, пытаюсь сообразить, сколько доверенных личностей моего приятеля Тараска болтаются поблизости, и соврала: — Его величество просил тебе кое-что передать, прежде чем ты уедешь.

— Я внимательно слушаю, — Аластор соскользнул с лошадиной спины и предусмотрительно встал так, чтобы топчущиеся на месте кони отгородили нас от чрезмерно любопытных глаз и ушей.

— Коннахар попался,— быстро проговорила я.— Можешь не верить, но это так. Ксальтотун и Тараск затеяли нечто, в чем я не могу разобраться и чего опасаясь.

— Не говори больше ничего. Ты сумеешь покинуть дворец? — протектор Заморы в самом деле очень быстро соображал, что к чему.— Я подожду тебя в парке.

— Идет! — обрадовалась я.

— Передайте Его величеству мою признательность,— это прозвучало как можно громче, для тех, кто желал подслушать, о чем Дженна Сольскель болтает с заморийским гостем.

Хвала всем богам, у меня не стали требовать ни подорожной, ни разрешения наведаться в город.

Фаворитка я или нет? Если фаворитка, значит, могу ездить куда хочу и когда хочу. В глубине души я понимала, что вернуться на прежнее теплое место королевской подружки мне не позволят. Да я и сама не хочу. Хватит с меня.

Огромный Олений парк тянулся почти до самых городских стен. Сегодня выдался теплый денек, приманивший желающих совершить конную прогулку, поэтому никто не обратил внимания на еще одну пару всадников, торопливо свернувшую на дорожку к парковым воротам.

Мой сумбурный рассказ о виденном и слышанном, как ни странно, уложился всего в десяток коротких фраз. Выслушав, Аластор засвистел, весьма похоже изобразив мелодию немецкого гимна.

— Хорошо задумано,— одобрил он.— Какой-нибудь из этих планов да исполнится, как бы мы ни старались помешать. Что ты собираешься делать?

— Не знаю,— честно призналась я.— Могу только сказать, что соваться в Башню Висельников и пытаться вытащить заключенного — бесполезно. Последний удачный побег оттуда случился лет пятьдесят назад, и при условии, что устроители подкупили почти всех стражников. Мне известна дорога в королевскую крепость Лемату, там стоит крохотный гарнизон и больше никого. Еще я недавно заметила во дворце ксальтотуна и поэтому рискнула действовать. А как бы поступил ты?

— Смотря по обстоятельствам,— мы проехали мимо старинных арочных ворот, охраняющих вход в дворцовый парк и, не сговариваясь, повернули налево, к Башне.— Согласен, штурмовать тюрьму не имеет смысла. Зато можно попытаться разузнать, кого из узников сегодня перевезли в другое место заключения. Если среди них окажется,— замориец ехидно ухмыльнулся,— десятник Коннахар или похожий как две капли воды на него человек, мы последуем за ним и посмотрим, нельзя ли учинить по пути какое-нибудь маленькое злоумышление.

Предприимчивым и боги помогают. Только-только мы свернули к Цепному проезду и узрели вдалеке красновато-черные стены мрачной городской достопримечательности под названием «Башня Висельников», как навстречу нам по

булыжникам прогрохотал крытый фургон, запряженный двумя боссонскими тяжеловозами. За фургоном следовала охрана — четверо деловито-угрюмых громил и... И мой старый знакомый, королевский маг Ораст дие Сарваш! Озабоченный, настороженно зыркающий по сторонам и старательно прикидывающийся очень грозным.

— Это они,— не спросил, подтвердил Аластор и торопливо повернул лошадь в ближайший переулок. Мы подождали, когда повозка минует нас и двинулись следом, держась на почтительном отдалении.— Четыре человека, возница и Ораст как представитель ксальтотуна. Им нужно проехать всего пару кварталов, и они укатят за ворота. Дадим покинуть город или устроим засаду?

— За городом мы можем их потерять или окажется, что им в поддержку прислали с десяток головорезов,— высказалась я.— Только... Только у нас хватит сил справиться с пятеркой мордovorотов и колдуном?

— Посмотрим,— беспечно отмахнулся замориец.— Ты знаешь город? Тогда веди!

Ораст и прочие, видно, не ожидали подобной нахальной выходки. Случилось все до чрезвычайности просто: возница старался избегать людных улиц и ехал через тихие проулки. Тут его и обогнали двое спешивших по своим делам молодых людей. Возчик сердито крикнул, чтобы мы не загромождали лошадям дорогу, получил черенком меча по затылку (от меня) и послушно

рухнул вниз. Ораст выпучил глаза, собираясь заорать, но его лошадь внезапно сделала свечку и рассталась со своим седоком (по-моему, Аластор приласкал бедное животное монетой или камешком по храпу). Четверку охранников мы поделили между собой. Я никого не убила, предпочтя ограничиться нанесением ударов, надолго погружающих жертву в состояние дремоты. Хриплый вскрик с другой стороны повозки доказал, что заморийский протектор верен правилу: «Лучший свидетель — мертвый свидетель». Я успела как раз вовремя, чтобы удержать его от намерения перерезать горло Орасту.

— Не надо!

— Почему? — недоуменно поинтересовался Аластор.— Он же нас узнал! Хочешь потягаться силами с его хозяином?

— Просто не надо,— упрямо стояла я на своем. Ораст разевал и закрывал рот, словно вытасченная на берег рыба, всем видом показывая, насколько ему хочется жить и что он будет немее камня.

— Как знаешь,— замориец крутанул между пальцами длинный нож и небрежно ткнул месьора волшебника рукояткой за ухом. Ораст сник, послушно шлепнувшись на пыльную мостовую.

Я подобрала булыжник и попыталась сбить замок с дверей повозки. Тот стойко не поддавался. Аластор отодвинул меня в сторону и завертел в замочной скважине вытасченными откуда-то странно изогнутыми проволочками, быстро

добившись успеха. Замок шелкнул, двери открылись. Заглянув внутрь, мы узрели на полу нечто крупное, завернутое в толстый войлок и многократно перетянутое цепями. Сверток издавал неразборчивые, но свирепые звуки, настойчиво дрыгался и ерзал.

* * *

Настроение у «десятника Коннахара», когда мы извлекли его наружу, было скверным и кровавым. Он желал кого-нибудь убить — просто так, чтобы прийти в себя и обрести душевное равновесие. Заодно досталось и нам вкупе с отсутствующими Тотлантом и Велланом: где мы шлялись целую ночь и почему столько возились? Влетело и королеве Чабеле Зингарийке: почему не побеспокоилась и допустила такое безобразие?

Под выяснения, кто виноват и что делать, мы покидали в фургон стражников — вперемешку оглушенных и мертвых. Последним забросили Ораста, закрыли створки и снова заперли. Конан поймал одну из лошадей охранников и забрался в седло. Мы неспешно поехали дальше по притихшей улице (я не сомневалась, что из окон нас провожают десятки любопытствующих глаз), а киммериец продолжал возмущаться, пока Аластор не предложил:

— Дженна, давай скрутим этого неблагодарного варвара и запишем обратно! Мы его спасаем, а у него еще хватает совести нас упрекать!

— Потом разберетесь, — кажется, я единственная сохранила серьезность. — Фургон наверняка скоро найдут. Нам нужно выбираться из города, потому что теперь у нас в противниках не только Тараск, но и маг-ксальтотун. Предложения? Я сама могу беспрепятственно уехать из Бельверуса в любой миг дня и ночи, но вряд ли мне позволят кого-то провезти с собой.

— У меня есть разрешение на выезд, — замориец похлопал по висевшей на бедре плоской кожаной сумке. — Остается наш друг Малыш, приметный, равно ярмарочный столб.

— Малыш? — удивилась я. Конан Аквилонец превышал меня на добрую ладонь, а я — создание довольно долговязое. — Почему это «Малыш»?

Киммерийца перекосило. Он украдкой показал старому приятелю кулак. Аластора это не остановило:

— В давние времена его называли еще Медвежонком и Синими Глазками, но это только между нами...

На это я невольно фыркнула и покачала головой:

— Месьоры, довольно трепаться о ерунде. У нас трудности, если вы пока не заметили. Боюсь, что если мы открыто сунемся к городским воротам, нас остановят и попытаются задержать. Допустим, мы прорвемся, но за нами бросится в погоню половина дорожной стражи. Другая половина понесется в замок, оповещать Тараска и ксальтотуна.

— Тогда уезжайте. Я выберусь сам,— несколько стгоряча предложил Конан.— Назначим место встречи и съедемся туда.

— А если тебе не повезет? — Аластор озадаченно прикусил губу.— Госпожа Дженна права — нам не нужен шум.

— Вот протащить мимо караулов оборотня — раз плюнуть,— вырвалось у меня. Мужчины глянули в мою сторону с искренним недоумением, затем Аластор понимающе кивнул:

— Да, конечно. На собаку никто не обратит внимания. Только, к сожалению, никто из нас не обладает этим полезным умением — перекидываться в иное существо. Знаете что? Рискнем сунуться в торговый дом семейства Игдир, который заодно служит заморийским посольством. Там живет мой приятель, способный вывезти из города что угодно, от похищенных сокровищ короны до беглого преступника...

— Я могу,— чуть смущенно произнес киммериец. Мы с Аластором не поняли, что он имеет в виду, и королю Аквилонии пришлось нехотя пояснить: — Могу стать оборотнем.

— Да, если встанешь на четвереньки и натянешь медвежью шкуру,— отмахнулся Аластор.— Придумай что-нибудь получше!

— Я серьезно,— упрямо повторил Конан. В голове у меня что-то звякнуло, вспомнилась беспечная болтовня Эртеля и Веллана, посвященная живописным описаниям их невероятных подвигов во времена бунта Бешеного Вожака. Среди неумеренной похвалы и героических

воспоминаний, как они поодиночке одолевали по десятку бешеных оборотней зараз, мелькнула история о том, что киммерийский варвар получил возможность не то три, не то пять раз в жизни уподобиться народу Карающей Длани. Я тогда не поверила ни единому слову, но вдруг случилось чудо: оборотни не соврали и ничего не приукрасили?

— Капище Фреки,— вполголоса произнесла я.— Это правда?

— Ты откуда знаешь? — подозрительно сощурился Конан.— Эртель проболтался?

Я кивнула.

Аластор настойчиво потребовал объяснений: какое такое капище, при чем тут древний зверобог Фреки и способность менять облик с человеческого на звериный?

Выслушав краткое изложение событий, происходивших в Пограничье и Бритунии лет восемь назад, замориец не слишком удивился, заявив, что всегда ожидал от Конана чего-то подобного, и спросил, много ли времени займет превращение. Выяснилось, что оно продлится с полколокола, тогда как прирожденным оборотням требуется не больше десяти-двадцати ударов сердца. Еще необходимо найти уединенное место...

Последнюю трудность мы разрешили, проникнув на задний двор брошенного дома. Замориец и я забрались на полуразвалившийся колодезный сруб — следить, не появится ли случайных прохожих, и ждать.

По моему разумению, минул гораздо больший срок, чем половина оборота клепсидры. Я начала опасаться, что кто-нибудь из запертых в брошенной повозке стражников очнулся и начал вопить, зовя на помощь. Вдруг Ораст давно выбрался на свободу и отправился доносить своему покровителю, и теперь у всех семи городских ворот нас поджидают посланные Тараском гвардейцы?

Аластора, похоже, осеняли схожие мысли. Он отвечал невпопад, ерзал на месте, украдкой быстро оглядывался через плечо, хотя Конан взял с нас слово, что мы не будем этого делать. Мое терпение иссякало, словно вино в прохудившемся бурдюке. На дне оставались последние жалкие капли, когда из зарослей прошлогоднего жухлого бурьяна, осторожно переставляя широкие лапы и с опаской косясь по сторонам, вышла огромная псина. От неожиданности я ойкнула, а Аластор сверзился вниз.

Зверюга получилась замечательная, явная помесь волка и охотничьих собак Пограничья. В холке пес доставал мне до середины бедра, густая шерсть — смолянисто-черная с белыми подпалинами, уши торчком, вытянутый хвост мелко подрагивает.

— Кораннон, — растерянno сказала я. — Всегда представляла их именно такими.

Я думала, что замориец немедля захочет уточнить смысл непонятного слова, однако ему, похоже, были известны кое-какие легенды полуночных народов. Сказания о кораннон, псах Ди-

кой Охоты, безлунными ночами мчащихся по небесам и земле, частенько рассказывают в Нордхейме и в Киммерии. Я сама слышала эти страшноватые сказки от бабушки. Она была родом из клана Дайрех, так что я на четверть тоже киммерийка, хотя предпочитаю об этом не распространяться.

Черный пес сел и выжидательно уставился на нас, нетерпеливо подметая землю хвостом. Совершенно справедливо намекал, что пора действовать.

— Кхм, — я откашлялась. — Значит, вот что я придумала. Месьор Аластор выедет из Бельверуса через Королевские ворота, я и...

— И Кораннон, — с готовностью подсказал замориец. Попытался погладить зверюгу за ухом, та отодвинулась и глухо заворчала.

— Ладно, пускай Кораннон, — согласилась я. — Мы — к Полуночным, потом свернем на полдень, в обход крепостных стен. В полулите от города, на Дороге Королей торчит большой постоянный двор, называется «Предмestье». Встречаемся там. Отставшего или замешкавшегося ждем в течение колокола, потом оставляем весточку и уезжаем. Держимся проселочных дорог, направление — к Нумалии. Согласны?

Аластор прикрыл глаза, видимо, мысленно представляя окрестности немедийской столицы, и размашисто кивнул. Пес, получивший имя Кораннон, тоже кивнул. Все верно, оборотень и в зверином облике сохраняет часть человеческого разума, понимая обращенные к нему слова. Эр-

тель и Веллан утверждали, будто в состоянии даже мысленно переговариваться друг с другом или с другими волками своей стаи, но предупреждали: самое большое искушение для племени Карающей Длани — остаться зверем навсегда. Мол, жизнь животного намного приятнее и проще, нежели человеческая.

Стража Полуночных ворот Бельверуса не обратила на девицу в мужском наряде и бежавшую рядом с ней большую черную собаку никакого внимания. Мы благополучно миновали подвратную арку барбикена следом за тяжело груженой повозкой с тисненым на пологе гербом Оружейной Гильдии, и я невольно оглянулась. Что ж, я хотела действий и приключений — я их получила. Полной мерой. Теперь бы еще сохранить голову на плечах, и все будет просто замечательно.

Крутившийся под ногами у лошади черный пес басисто гавкнул, поторапливая.

— Раскомандовался,— беззлобно огрызнулась я. Кораннон гавкнул еще раз и убежал вперед.

Глава четвертая

Записки волшебника — II.

«Накануне перемен»

*Город Даларна, Немедия.
18 день Второй весенней луны.*

Все маленькие немедийские городки своеобразно очаровательны. Они не обносятся крепостной стеной, находясь под защитой главенствующего на холме или скале баронского замка. Домики (не выше двух-трех этажей) чистеньки и аккуратны, обшиты белыми или коричневыми деревянными панелями, черепичные крыши, палисаднички... А знаменитый немедийский «порядок» старательно поддерживается даже во времена смуты.

Бургомистр Даларны оказался человеком изумительно предусмотрительным. Город находится между двух враждующих лагерей: на Полуночи бунтовщики, объявившие Рокод королю Тара-

ску, на Полудне — сам Тараск вместе с конными тысячами и легионами щитников, оставшихся верными правителю. Даларна — ровнехонько посередине и пока не приняла ничью сторону. Точнее, барон Даларна, на землях которого находится город, поднял свою дружину и увел на Полночь, присоединившись к мятежу. Городской совет из осторожности доселе не принял решения, кого поддержать. Посему месьор бургомистр, балансируя на грани между двумя изменами — изменой Ольтену и изменой Тараску — принял своеобразный нейтралитет, выразившийся прежде всего в городской символике. Со всех знамен, украшавших Даларну, за одну ночь спороли золотого немедийского дракона, однако пришивать Звезду Роты-Всадника, превратившуюся в символ мятежников, не стали. Обычное черно-бело-красное знамя Немедии. И патриотично, и никому не обидно.

Однако на следующий день по нашему с Велланом прибытию в Даларну, где мы решили пару дней передохнуть от бешеной гонки по дорогам Срединной Немедии, по городу зашелестели слухи, что не такое уж крохотное войско принца Ольтена и герцогини Даны Эрде находится всего в двадцати пяти лигах пути. Господин бургомистр поднял тихую панику — граф Монброн, наведывавшийся в городскую управу сделать отметку в своей дипломатической подорожной, выданной аквилонским посланником, с хохотом рассказывал, будто канцеляристы ныне перекапывают горы пергаментных свитков и подшивок

с законодательными уложениями государства, выискивая закон о Рокоде. Мол, бургомистр приказал немедленно таковой отыскать и действовать согласно древним традициями. Главное, найти в законе лазейку, которая не позволит армиям враждующих сторон разорить город.

Ближе к вечеру мы вчетвером — очаровательная баронесса Целлиг, Веллан, Мазль Монброн и я — отправились погулять. Последствия законодательных изысканий управителя Даларны присутствовали налицо: над городской управой развевалось знамя Рокода (красное квадратное полотнище и четыре языка — два белых и два черных соответственно). Сие означало, что город, управа, гильдейский совет и собрание ремесленников согласились с законностью требований принца Ольтена и присоединились к освященному традициями мятежу против власти Бельверуса.

Постановление о поднятии Рокода прибито к дверям ратуши и оглашено городскими герольдами. Городское ополчение (не собиравшееся, наверное, лет двести) муштровалось на рыночной площади срочно отысканным для такого дела отставным полусотником гвардии (кстати, хромым на одну ногу). Городской страже и дознавательной управе строжайше предписано блюсти нейтралитет и подчиняться лишь законам — только чьим, непонятно.

Одно слово, провинция. Даже мятеж должен быть обставлен с соответствующей церемонностью и соблюдением старинного права.

На въездах в Даларну, кстати, установили деревянные рогатки. Раз город в Рокоде, то необходимо строжайше следить за проезжающими и не пускать подозрительных, особенно если таковые подозрительные держат сторону Тараска. Дабы не на шпионили.

Единственный присутствующий в городе настоящий шпион, сиречь граф Монброн, смеялся в го-лос и настоятельно предлагал всей компании пойти что-нибудь разведать. Скажем, когда в последний раз чистились мечи у стражи, какими именно вилами вооружены ополченцы, трех или четырехзубыми, и как давно сделан самый новый из имеющихся в городе арбалетов — десять лет тому или двадцать?

— Я устала! — поморщилась Цинтия, которую мы по ее же личной просьбе называли весьма легкомысленным имечком Цици. — Месьор граф, остроумие прекрасно, но уже поздний вечер, скоро стемнеет. Мазль, будь столь любезен, проводи меня в комнаты...

— А я для такого дела не гожусь? — немедленно возмутился Веллан. Я лишь ухмыльнулся. Ехали мы уже полных четверо суток, и за минувшее время Веллан с графом Монброном наперебой куртуазничали с молодой баронессой, которая делала вид, будто сомневается, кому отдать предпочтение — прекрасно воспитанному аквилонскому графу или голубоглазому варвару из Пограничья, очаровывавшему своей непринужденностью в манерах. Меня Цици как мужчину не воспринимала, видимо, полагая, что вол-

шебники — особый сорт людей, наподобие митрианских монахов, у которых мужское естество давно отсохло и отвалилось за ненадобностью. Посему баронесса Целлиг постоянно прибегала ко мне жаловаться на обоих героев, «не дававших ей проходу». Кажется, Цици сама к этому стремилась, напропалую раздавая авансы обоим, но, как приличная немедийская дворянка, обязана была возмущаться мужским нахальством и благородно лицемерить. Я, бедный, покорно выслушивал ее излияния, обещал серьезно поговорить с графом и сделать суровое внушение Веллану, но тем и ограничивался. Это была своего рода затянувшаяся игра.

— Не годишься, — небрежно отмахнулась Цинтия и высокомерно посмотрела на Веллана. — Твои манеры...

— Что такого стряслось с моими манерами? — неискренне удивился оборотень. — Вчера нравились, а сегодня вдруг испортились? Во, кажется, понимаю! Тебе не понравилось, что на постоялом дворе я ел рябчика руками, а не вилочкой? Так это же неудобно!

— Проводите меня, граф, — сквозь зубы процедила Цици. Монброн виновато глянул на меня, протянул даме руку и сказал:

— Баронесса ляжет спать, а я спущусь в обеденную залу. Хочу поплотнее перекусить на ночь. Тотлант, Веллан, если вы собираетесь еще погулять...

— Собираемся, — бросил оборотень. — Идите-идите. Воркуйте, голубочки.

Проводив взглядом Маэля и надутую, будто гусыня, Цици, я потянул Веллана за рукав, увлекая за собой.

— Куда пойдём? — осведомился оборотень. — Возле ратуши мы уже были, на ополченцев посмотрели. Говорят, на окраине города — то есть через две улицы — есть отличная таверна, где подают густейший чёрный эль. Я у нашего хозяина-узнавал.

— Интересно, оборотни вообще думают о чем-нибудь, кроме выпивки, драки и баб? — походя спросил я, вздыхая.

— В том-то и дело, что люди нас серьезно не воспринимают, потому что уверены — для оборотня на первом месте в жизни стоят выпивка, драка и общение со сговорчивой девицей, — заявил Веллан, настойчиво направляя меня к тому самому кабаку, где подавался вожаемый чёрный эль. — Когда кого-то не принимают всерьёз, у названного «кого-то» появляется множество преимуществ перед остальными. Тотлант, между прочим, ты тоже не дурак выпить. Так что не понимаю суть претензии!

Заведение именовалось в полном соответствии с содержанием — «Бездонная бочка» — и было оформлено в надлежащем стиле: длинные, почти бесконечные столы, факела в железных кольцах, бочонки у дальней стены. Чуть мрачновато, однако уютно. Вкусно пахнет копченой свининой. Посетителей не очень много, хотя, на мой взгляд, мирным обывателям надлежало забить «Бездонную бочку» до отказа, обсуждая по-

следние события за кружечкой пива. Наверное, горожане решили отсиживаться дома в столь беспокойные времена.

Нам немедленно поднесли эль, Веллан потребовал ветчину и сыр, я попросил рыбы (старая привычка, ещё со времен жития в Стигии), и мы приступили к немудреному ужину, хотя вполне могли покушать и на постоялом дворе. Веллан громогласно рассуждал о ветрености женщин, особенно благородных, я уныло жевал, обдумывая, как поступать во время скорой встречи с Даной Эрде, обладающей удивительным магическим сокровищем, не принадлежащим миру людей. Словом, обычный вечер в таверне. На остальных посетителей мы не обращали внимания.

— Тотлант? — на мое плечо сзади легла чья-то рука, и я вздрогнул от неожиданности. Откуда у меня могут быть знакомые в захолустном немедийском городишке? — Хвала Иштар, мы вас нашли!

Я обернулся. Невероятно! Она-то что здесь делает?

На меня в упор смотрела дочурка главы торговой управы Пограничья Стеварта — знаменитая Зенобия Сольскель.

* * *

— Дженна? Ты уехала из Бельверуса?

— Дженна! — это уже Веллан. Узнал. — Ты садись, чего стоишь! Эля с нами хлебнешь? Густой, как мед!

— Хлебну,— легко согласилась Дженна. Потеснила Веллана на лавке, запросто взяла его кружку, отпила и вернула хозяину.— А мы приехали в город только на шестой полуденный колокол. Я уже отплатила Конана и месьора Аластора разыскивать вас по постоянным дворам или хотя бы узнать, не появлялись ли вы тут. Четыре дня за вами гонимся!

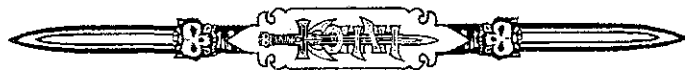
— Конана? Какого Конана? Откуда Конан? — заахал я.

— У тебя очень много знакомых Конанов? — съязвила Дженна.— Того самого, единственного и неповторимого. Откуда Конан? На мой взгляд, из Киммерии. Или из Аквилонии... Хватит шутить!

— Ничего не понимаю,— нахмурил лоб Веллан.— Киммериец сбежал из Башни Висельников? Или Чабела помогла?

Чабела вполне могла помочь варвару избежать долгой отсидки и малоприятногo общения с Тараском — в тот самый день, когда мы покинули столицу, я через почтовый портал отправил зингарской королеве письменное сообщение о происшествии на окраине города, когда нас остановила немедийская гвардия и нашла в мешке киммерийца сокровища, принадлежащие королем Заката. Уверен, денеша попала в руки Чабеле и она сумела вытащить Конана из неприятностей. Однако Дженна мою уверенность развеяла:

— Что вы носитесь с этой Чабелой, как дядушки с любимой племянницей? — чуть громче и раздраженнее, чем следовало, спросила Джен-

на.— Я его вытащила! Я и никто более. Вкупе с Аластором. Правда...

— Что — «правда»? — немедленно насторожился я, услышав в голосе Дженны непривычные для нее растерянные интонации.

— В общем, это надо видеть,— пряча глаза, сказала дочка Стеварта.— Иначе не поверите. Давайте-ка я закушу вместе с вами, Аластор так или иначе придет сюда.

— Понял! — гоготнул Веллан.— Вы перекрасили Конану шевелюру в ярко-рыжий, выбили один глаз, а из фейл-брекена сшили длинную юбку. И вывезли из города под видом старой асирской бабушки Зенобии! Блестяще! Я хочу это видеть!

— Увидишь,— мрачно буркнула Дженна и злобно откусила ветчины, позаимствованной, между прочим, с моей тарелки.— Впрочем, волосы у него остались черными. Тотлант, прошу тебя как старого друга, расскажи, что происходило с вами по дороге? Не упуская ни одной странной детали! Понимаешь ли, я не верю, что Тараск так просто мог выпустить и вас, и нас из своих когтей. Мы, то есть Конан, Аластор и я сама, изрядно нашумели в Бельверусе во время бегства.

— За вами даже не следили всю дорогу от Бельверуса до Даларны? — изумился я.— Ни одного нападения? Никаких отрядов гвардии или тайной службы, отосланных на поимку? Не верю!

— Правильно делаешь, что не веришь,— более спокойно ответила Зенобия, попутно разже-

ывая жесткое мясо.— Следить-то следили. Но не трогали. Два каких-то типа вцепились нам в хвост на следующий день после побега из столицы. Тотлант, сам знаешь, я выросла в Пограничье, а мой отец далеко не всегда был купцом. Начинал с простого охотника. И уж поверь, я умею замести следы. Мы обманывали погоню, как могли, но бесполезно! Идут за нами, словно пришитые. Держатся на расстоянии лиги, ближе не подходят. Мы с Аластором совсем было хотели взять мечи да разобраться, но, едва мы поворачиваем назад, соглядатаи удирают. Боюсь, мы привели их и сюда, в Даларну. Вот и все новости.

— А у нас вообще никаких новостей,— грустно вздохнул Веллан, будто сожалел об отсутствии приключений по дороге.— Приехали в этот провонявший пивом городишко, теперь отдыхаем. Ждем, пока подойдут мятежники или сами поедем к ним навстречу. Если очень приспичит. Ах, да! Единственная странность: нас встречали. Какой-то граф Монброн из Аквилонии и баронесса Цинтия фон Целлиг. Сказали, будто заранее знали о плане Семи королей отослать срочное посольство на Полночь, к мятежникам. Интересно, кто их осведомил? Сами не рассказывают...

— Знакомые люди,— кивнула Дженна.— Если эти двое на самом деле те, за кого себя выдают, то я знаю обоих. Малютка Цици постоянно ошивалась при дворе в свите принцессы Аманты, жены Зингена, а с Монброном я разговаривала в

столице. Неужели он проявил хоть капельку ума и благополучно исчез из города до того, как за него принялась бы тайная служба Тараска? Ага, вот и Аластор!

Мы с Велланом дружно обернулись к дверям таверны. Действительно, на пороге красовался великий протектор Заморы, чем-то неуловимо похожий на Цинтию. Только Цици — рыжеватая блондинка, а у господина Кайлиени волосы черные, как смоль. Зато такое украшение лица, как нос, совершенно одинаково — не просто с благородной горбинкой, а ужасающе горбатый. Весьма характерный профиль для обитателей побережья Шема или степей Хорайи.

Веллан вдруг привстал и буквально уронил челюсть на стол. То есть раскрыл рот до ширины зевка — еще чуть пошире, и туда вполне могла бы залететь довольно упитанная ворона. Оборотень во все глаза уставился на огромного, черной масти пса, стоявшего рядом с Аластором. Здоровенный, в холке почти с теленка, зверь явно произошел от волка и горского пастушьего пса — уши острые, пасть розовая, вид чрезвычайно независимый.

— Э-э... Приветствую господина великого протектора,— я, в соответствии с правилами этикета, поднялся с лавки и изобразил куртуазный поклон.

— И вам того же,— махнул рукой Аластор, подходя и запросто присаживаясь.— Тотлант, будь проще. Я нынче не при делах. Вероятно, после громкого исчезновения из Бельверуса Та-

раск немедленно выпихнет меня в отставку, несмотря на мнение всех Семи королей. Ничего, переживу. Если Ольтен вернет трон, то жезл и мантия протектора Заморы снова ко мне вернутся.

— Постой-постой,— Веллан настолько возбудился, что застучал кулаками по столу, не сводя глаз с громадного черного волчищи.— Это что? Вернее, кто?

— Это? — картинно изогнул бровь Аластор.— Моя собачка. Или Зенобии, смотря как посмотреть. Мы его кличем Коранноном. Изредка — Малышом.

Клыкостое чудовище, усевшееся рядом со столом, вывалив из пасти длинный мокрый язык, неприязненно покосилось на Аластора. Боги, да у него же васильково-синие глаза!

Я немедленно произнес заклинание Ключа — видел, что передо мной оборотень. Хотел докопаться до истинной сущности.

Обычно эта магическая формула помогает мне тотчас различить очень похожих друг на друга Веллана и Эртеля, когда они находятся в зверином обличье. Я и сейчас различил — человеческий облик оборотня был мне до крайности знаком, но...

— Конан? — выдавил я, падая на скамью и попутно опрокидывая безвольно повисшей рукой недопитую кружку с элем. Густая темная жидкость вылилась на штаны недовольно зашипевшей Зенобии.— Конан? Это вы его так замаскировали? Но каким образом?..

— Я напомним, каким,— слабо проговорил Веллан, тяжелою плечах рядом со мной.— Забыл Пайрогию? Бешеного Вожака? Мы же вместе были в капище Фреки! Но я не думал, что заклятие древнего зверобого подлинное! Человека нельзя превратить в настоящего оборотня, равно и наоборот! С ума сойти можно! Вот тебе и воля древних богов! Привет, Конан! И как тебе нравится в нашей шкуре?

Судя по довольному виду черного пса-волка (украшенного ярко-красным ошейником с серебряными накладками), Конан ничего не имел против пребывания в зверином виде.

— Он сам принял такое решение,— бесстрастно сказала Зенобия.— Иначе мы не смогли бы покинуть Бельверус. Конан чересчур приметен. Но теперь он не желает превращаться обратно!

— В каком смысле «не желает»? — я подался вперед, пронзенный чувством опасности, будто небольшой молнией.— Не может или не хочет?

— Не знаю,— покачал головой Аластор.— Мы с Зенобией ему говорим: «Давай, возвращай себе обличье человека, опасность, мол, миновала», а он знай машет хвостом да скалится. Так и едем: два всадника и громадная черная псина. Ошейник вот третьего дня купили, чтобы за волка не приняли.

Я ошеломленно замер. Удивлял отнюдь не факт истинности заклятия Фреки (вернее, не заклятия, но подарка, сделанного зверобогом Конану), которое должно было подействовать трижды в течение жизни киммерийца, а странность

поведения самого варвара. Ему всегда нравилось быть человеком, ибо только человеческое существо (как сам Конан и утверждал) может получить от жизни все радости, так как суть существования — радость. Заклятие Ключа вдобавок показало: звериная сущность сейчас настолько преобладает над человеческим обликом варвара, что подавляет ее... Может быть, за минувшие девять лет, со времен охоты за Бешеным Вожаком, варвар уже пользовался подарочком Фреки? Подарки от богов, знаете ли, чреватые большими неприятностями...

— Веллан,— я повернулся к нашему оборотню,— можешь превратиться?

— Что, прямо сейчас? — скривился Веллан.

— Не обязательно. Попозже. Дома. В смысле, на постоянном дворе. Ты же способен в волчьем облике общаться с другим оборотнем при помощи мысли?

— И зачем это надо? — нахмурился Веллан.

— Спросишь Конана, какого демона он валяет дурака! Или ему настолько понравилось носить облик зверя? В таком случае у нас появилась исключительно сложная проблема. Сам понимаешь, какая.

Веллан кивнул: знаю, мол. Если звериная половина одолеет человеческую, оборотень навсегда останется четвероногим, клыкастым и хвостатым. А в Аквилонии больше не будет короля. И, что характерно, наследника, благо киммериец доселе не удосужился жениться и завести законных детей, мотивируя это одним словом: «Успе-

ется!». Вот тогда история закатного Материка поплывет по новому руслу — смена тысячелетней династии в Немедии, киммерийская династия в Аквилонии даже не успела пустить корни... Королем по нынешнему завещанию Конана становится Просперо, который отнюдь не желает взваливать на плечи такую невероятную ответственность и сам не имеет детей... Мрачноватое будущее.

А эта черномазая тварь с редкими седыми подпалинами сидит и ухмыляется! Косточку ему, что ли, дать?

Я рассеянно взял со стола самый большой кусок ветчины и сунул его в пасть черному волку. И тут же отдернул руку, ибо Его величество изволили задеть меня по ладони клыком. Хорошо, не поранил.

Конан прожевал ветчину, чересчур громко даже для животного рыгнул, почесал задней лапой шею и улегся возле ног Аластора. Причем специально подошел к заморийскому протектору, всем видом показывая, что ему он доверяет больше всего. Почему — неясно.

Своим чутьем волшебника я ощущаю, как в душе Аластора бьется маленький золотистый факел неприсущей обычным людям Силы. Наверное, у заморийца прирожденный талант и унаследованные способности к волшебству, но Аластор никогда при мне (а знакомы-то мы всего несколько дней!) эту силу не проявлял. Может быть, он сам не осознает дарованных свыше способностей? Но уж если этот человек — один

из стариннейших друзей киммерийца, то ему действительно можно доверять.

Забегая вперед, скажу: если бы я тогда знал, кем именно является Аластор, то подобные размышления никогда и не посетили бы мою голову...

— Вот что,— решительно заговорила Женна, отвлекая всю честную компанию от созерцания развалившегося на полу аквилонского короля, который вяло мел пушистым хвостом по доскам.— Нечего тут сидеть и любоваться на ихнее величество! От него только неприятности да блохи! Первое. Из города пока сниматься не будем. Я слышала, будто войско Ольтена на подходе. Второе. Селимся по отдельности. Аластор, Кораннон и я остаемся в «Бездонной бочке», а ты, Тотлант, вместе со своими приспешниками сидишь на вашем постоялом дворе.

— Да кто ты такая, чтобы здесь командовать! — возмутился Веллан.— Походила годик в подружках Эртеля и зазналась?

Женна, не долго думая, съездила оборотню локтем пониже грудины, да так, что Веллан пискнул и согнулся едва не вчетверо.

— Иногда женщина,— процедила ретивая купеческая дочурка, даже не глядя на кашляющего оборотня,— соображает лучше и быстрее, нежели компания из троих мужиков и одного кобеля.

Она недвусмысленно кивнула в сторону лениво наблюдавшего за нами Конана. Волк зевнул и утвердил большую остроухую голову на нос-

ках начищенных до матового сияния сапог Аластора.

— Третье. Если нас с Аластором не поразила мания преследования, то соглядатаи, посаженные нам на хвост незнамо кем, рано или поздно объявятся в городке,— преспокойно вещала Зенобия, а замориец согласно кивал.— Хорошо бы нам с ними вдумчиво пообщаться.

— Каким, интересно, образом? — прохрипел Веллан, который доселе не мог отдышаться после удара острым, но сильным локотком Женны.

— Самым незамысловатым,— усмехнулась Зенобия.— Взять за шиворот да потрясти. Компания у нас неплохая — два оборотня, волшебник, и вдобавок девица из Пограничья, умеющая развязывать чересчур туго связанные языки.

— Женна, ты меня пугаешь,— попытался усмехнуться Веллан.— Кстати, учти: в компании еще состоит аквилонский граф, утверждающий, будто он конфидент Латераны, и нежнейшая немедийская баронесса, госпожа Целлиг.

— Целлиг? — вздохнул Аластор.— Милейшая дочурка Хэлкарса-Хисса? Яблочко от яблони... Зенобия, я полностью согласен с твоим планом действий. И все наши дружба тоже согласны. Давай мы тебя назначим нашим десятником.

Волк, валяющийся под столом, тихонько заскулил. С подвываниями.

— Значит, сотником,— фыркнул Аластор.— Конан тоже согласен. Эй! Еще раз укусишь — посажу на цепь! Итак, возражающие найдутся?

— Я чего, я только пошутить... — уныло ответил Беллан. — Что за жизнь! Повсюду власть захватили женщины! В Бельверусе — Чабела, у мятежников — госпожа Долиана, у нас — Дженна!

— Ты чем-то недоволен? — с ласковостью очковой кобры спросила Зенобия. — Тотлант, твое мнение?

Я подумал и изрек:

— Слушаюсь, господин сотник!

— Госпожа сотник, — хмыкнула Зенобия. — И смотрите у меня!

* * *

Конан меня изрядно озадачил. Ну, во-первых, как вульгарно, но емко выразился Беллан: «Его аквилонское величество совсем оскотинился!» и тем самым дал мне повод в очередной раз запаниковать.

Во-вторых, я никак не ожидал, что Конан когда-нибудь рискнет прибегнуть к дару Фреки — варвар относился к другим расам, в том числе и оборотням, с уважением, однако полагал, что ежели тебе дана твоя собственная человеческая сущность, с ней и живи.

Конечно, в Бельверусе сложилось отчаянное положение — стража, ищейки Тараска, гвардия, громкий побег! — но наверняка можно изыскать обходные пути и тайно покинуть город, не влезая в волчью шкуру, которая, как известно, прилипчива. И в-третьих: изумляет полнейшее нежелание Конана превратиться обратно. Может

быть, подарок Фреки имел некий подвох? Один раз превратишься в волка, а обратно — никак? Бессмыслица! Фреки не стал бы обманывать киммерийца настолько жестоко, ибо Фреки — звериный бог, а божества животных выгодно отличаются от богов людей отсутствием тяги к мести и незамысловатой честностью. Сказано: «Три раза в жизни станешь волком, а потом обратно человеком», значит, так и произойдет.

Поздним вечером мы решили, что Аластор и Дженна останутся в комнатах таверны «Бездонная бочка», а я, Беллан и Конан (то есть, простите, не сам Конан, а его новая ипостась по имени Кораннон...) прогуляемся до нашего постоянного двора «Синяя луна», обрадуем новостями графа Монбронна и малышку Цици. Заодно Беллан попытается «поговорить» с варваром на языке оборотней. Дженна заявила, что устала и хочет спать, Аластор отправился играть в кости с немедийскими стражниками, а мы вдвоем вернулись домой.

— С собаками нельзя! — немедля рывкнул вышибала «Синей луны», критически осмотрев здоровенное черное чудовище. — Ведите псину на задний двор! Хочешь, устраивай в конюшне, только у хозяина спроси. Где такого купили?

— В Киммерии, — фыркнул Беллан. — Особенная горская порода. Киммерийская бойцовая, на медведей ходить. Хочешь, я ему растолкую, что ты — медведь, и он на тебя пойдет?

Вышибала зло засопел, а я, пытаясь предотвратить ссору, полез в кошелек.

— Вот тебе два аурея, — я сунул монеты в руки хозяйскому помощнику, — и ты не видел никакой собаки. Понял?

Вышибала отошел, что-то насвистывая. Два золотых аурея — большие деньги.

Поднялись на второй этаж, Веллан открыл запертую дверь своим ключом, бурча под нос что-то насчет куртуазных аквилонских графов, не упускающих своего от любой юбки. Явно имел в виду Монброна и Цици.

Оказался глубоко не прав: госпожа баронесса и Мазль восседали в потертых креслах большой комнаты, попивали вино, закусывая засахаренными фруктами, причем Цици жеманно хихикала, а сам граф, размахивая руками, излагал занимательную историю из своего пиратского прошлого.

— А мы коврик купили! — жизнерадостно сообщил Веллан. — Ходячий.

— Какая прелесть! — Цици немедленно сложила ладони над грудью и уставилась на Конана. — Собачка! Только какая-то она... очень крупная. Немного напоминает Бриана, волкодава герцогов Эрде. Погладить можно?

Поскольку мы не успели остановить Цинтию, баронесса выпорхнула из кресла и запустила руки в густейшую шерсть на шее «собачки». Зверюга не возражала, лишь вяло помахала хвостом.

— Тотлант, зачем он нам? — Монброн подозрительно воззрился на Конана. — Где вы его добыли?

— Стигиец тебе объяснит, — бросил Веллан, отстранил Цинтию и взял пса за ошейник. — Идем-ка со мной. Побеседуем.

Они исчезли за дверью соседней комнаты, а Веллан плотно затворил дверь. Цици и Монброн вопрошающе уставились на меня.

Пришлось объясняться. Рассказывать о побеге из Бельверуса, о Зенобии, Аласторе, превращении варвара, воспользовавшегося даром Фреки...

Потом меня немедленно забросали вопросами о том, кто такой Фреки и не останется ли Конан навсегда в четвероногом мохнатом облике — в этом случае Цици обещала взять собаку к себе домой и заботиться о ней.

Скрипнул тяжелый притвор из гладко обструганных сосновых досок, в проеме показался высокий темный силуэт не то собаки, не то волка. Конан прошествовал к столу, улегся на соломенную циновку и сделал вид, что засыпает. Цици немедленно побежала к Веллану за новостями и тотчас вылетела обратно с визгом:

— Чу.. Чудовище!

— Это не чудовище, это Веллан, — пояснил я. Вероятно, Цици застала нашего оборотня в момент обратного превращения — в эти краткие моменты представители рода Карающей Длани выглядят, мягко говоря, жутковато. — Надо немного подождать.

— Оно!... Оно такое! — не переставала верещать Цинтия, картинно падая в объятия графа Монброна.

— Да-да. Большое, страшное и волосатое,— на пороге возник Веллан, затягивавший тесемки на штанах.— Учтите, это моя истинная натура. В общем так, месьюры и дамы. Общаться со мной Конан не пожелал. Не хочет разговаривать, и все тут!

— То есть как? — недоуменно спросил я, раскрывая рот.— Куда же это делся ваш знаменитый обмен мыслями, доступный каждому оборотню?

— Для этого надо, чтобы мысли были! — хмуро ответил Веллан.— У него же мыслей нету! Как у самого настоящего волка! Такое впечатление, что перед нами не оборотень, а просто дикий зверь, прижившийся у людей.

— Ты хочешь сказать...— у меня перехватило дыхание.— Будто звериная натура, звериный облик взяли верх над человеческим?

Граф Монброн устремил взгляд на мирно дрыхнувшего волка и я прочел в его глазах легкий ужас. Правильно, перед Маэлем сейчас не просто угольное мохнатое создание с клыками и когтями, а король Аквилонии. Отлично понимаю графа.

— Да ничего я не хочу сказать! — отмахнулся Веллан, устраиваясь на табурете возле стола.— Никогда ничего подобного не встречал. Бесспорно, он думает, понимает, но его душа для меня полностью закрыта. Будто стенку построили. Я не в силах пробиться в его мысли, а на мои он отвечать не желает. Я ему толкую: «Превращайся обратно!», а он... Это не мысль, это ощущение,

но ощущение можно разгадать так: «Не хочу». Тотлант, сделай что-нибудь!

— Какой ужас...— пискнула Цинтия, закатывая глаза.— Бедный король!

— Чудовищно! — схватился за голову Монброн.— Тотлант, ты же волшебник! Помоги ему!

— И как, вы думаете, я ему помогу?

— Поколдуй! Заклинание прочитай!

— Вам легко говорить «поколдуй!»,— искренне возмутился я.— Я учился человеческой магии, а не звериной! Я вам не какой-нибудь пиктский друид и не лесной знахарь! Магия Карающей Длани отличается от людской настолько же, насколько волшебство Равновесия от темного колдовства!

— Прощу слова! — поднял руку Веллан.— Может быть, один мой знакомый стигиец припомнит, кто именно целых девять лет таскает под полую Книгу Бытия, которую он как бы временно позаимствовал почитать у короля Эрхарда? Кто нам каждый раз взмахивает твердит, будто в Книге Бытия расписываются любые особенности звериной магии? Да я за девять лет любую книжку наизусть бы выучил!

— Ты в книжках только картинки рассматриваешь, и то ищешь неприличные,— огрызнулся я, барабанив пальцами по подлокотникам. Теоретически Веллан прав — Книга Бытия, оказавшись таковая у меня под рукой, позволила бы вернуть Конану человеческий облик за несколько мгновений. Но беда в том, что Книга осталась в Бельверусе, в обозе короля Эрхарда. На память

я подобные заклинания воспроизводить не рискну, ибо никогда их не заучивал. Зачем? Все мои знакомые оборотни отлично превращаются из зверя в человека и обратно самостоятельно, без помощи магии.— Нету у меня Книги Бытия с собой! Стигийским языком вам говорю — ик ней гибба мис боока!

— Чего? — вытаращился Монброн.— Здорово... А я по-стигийски знаю только «Сет такие ралл», сиречь «Да будешь ты добычей Сета...»

— Умники,— вздохнул я, не сводя глаз с Кораннона-Конана.— Конечно, я могу попробовать вернуть его обратно заклинанием Истины, но оно предназначено только для человеческих существ. Я могу повредить Конану, а если превращение пойдет неправильно, он навсегда застрянет в форме какого-нибудь чудища, рядом с которым ты, Веллан, будешь казаться белокрылым голубем.

— Тогда лучше не надо,— серьезно изрек оборотень.— Дождемся Эрхарда. Старик обязательно поедет на назначенную встречу между Ольтемом и Тараском и привезет Книгу.

— А как же король? — подался вперед Монброн.— Ему так и бегать на четвереньках?

— Не на четвереньках, на четырех лапах,— наставительно поправил аквилонца Веллан.— Судя по всему, Конана это ничуть не тяготит. Тьфу, не жизнь, а расстройство одно! Хоть бы кто-нибудь меня пожалел! Цинтия, пожалеешь бедного Веллана?

— Потом как-нибудь,— прохладно ответила молодая баронесса.— Слышите, на ратуше бьют полночь? Я отправляюсь спать. И прошу ночью в мою комнату не ломиться! Веллан, ты меня расслышал?

— Расслышал,— грустно вздохнул оборотень.— Тотлант, пошли по бабам, а? Надеюсь, в этом пропащем городишке отыщется хоть одна заслуживающая моего внимания куртизанка?

— Иди-иди,— закивал Монброн.— Потом поделишься впечатлениями. Надеюсь, Конана с тобой брать не будете?

— Не будем,— согласился я, поднимаясь. Сон не шел и поэтому я предпочел бы спуститься в залу для гостей, заказать приличного вина и как следует поразмыслить над всем происходящим. А Веллан пусть топает куда угодно и ищет приключений на свою тощую задницу!

* * *

Так вот, о судьбах мира... В любом случае эти пресловутые «судьбы» меньше всего зависят от действий отдельных людей, будь они хоть какими диктаторами, тиранами и колдунами. Наш мир существует долгие тысячелетия, случались и великие катастрофы, и времена, ныне именуемые «всеобщим благоденствием», человек рождался, взрослел и умирал, а история шла по дорожке, изначально проторенной Создателем или Создателями. Пройдет еще полгода, год, заинтересованные стороны благополучно разберутся в

причинах и следствиях свалившейся на Немедию напасти, кто-то станет королем, кому-то отрубят голову, кто-то женится, кто-то вернется домой, благополучно доживать свои дни (надеюсь, последняя участь выпадет именно мне). Люди побушуют, помашут мечами, затем успокоятся и станут жить дальше в ожидании нового чудесного развлечения наподобие Зеленого Огня, большой войны или долгого спора о престолонаследии. Судьбы мира интересуют меня только, когда течение истории оказывает влияние на меня самого или моих ближайших друзей. Я никогда не понимал, к примеру, известного колдуна Тот-Амона, с которым был знаком еще в юности. Тот-Амон, наверное, сумасшедший. Скажите, какому нормальному человеку, а тем более уважающему себя магу, взбредет в голову совать свой длинный нос в любое мало-мальски значимое событие в политике и магии Материка, когда главная задача волшебника — самосовершенствование и помощь человечеству в устроении наилучшего уклада жизни?

Вот я — тридцать два года, из них двадцать я жил и учился в Стигии, еще двенадцать провел в Пограничье, сделал (признаюсь честно!) недурную для волшебника карьеру: все-таки быть придворным магом при захудалом, но настоящем короле гораздо лучше, чем до старости таскаться в подмастерьях у более известного мага. Никого не трогаю, охочусь за древними трактатами, осваиваю новые области магии, помогаю, чем могу, Эрхарду. Наконец, я наверняка един-

ственный волшебник, у которого есть настоящие друзья, а не ученики, слуги или прихлебатели. Не жизнь, а сказка, клянусь хвостом Сета! Правда, сказка какая-то унылая...

Почему унылая? Да потому, что я чувствую, что начинаю покрываться плесенью. Спокойная, уравновешенная жизнь — это прекрасно, но я давно забыл, как радоваться чему-то новому. Новым знаниям, новым приключениям. Конечно, скажете вы, а это тебе, Тотлант, не приключение? Загадочный Алый Камень, созданный неизвестно когда и неизвестно кем, великая авантюра с немедийским тронном... Да, в конец концов, еще и Конана надо как-то спасти! Чего ж ты дурью маешься и страдаешь от тоски?

О-о-о! Побывали бы вы хоть раз в шкуре настоящего мага, терзающегося неумемной тягой к познанию окружающего мира! Думаете, я не хочу узнать тайну Алого Сияния? Хотеть-то хочу, но здраво оцениваю свои силы. Вокруг этого несчастного рубина суетится огромное количество претендентов на владение, и среди них не только обычные люди — возьмем хотя бы ксальтотуна. Если я прикоснусь к Камню хоть одним пальцем, ксальтотун меня попросту растопчет. Найдет и сердце вырвет голыми руками! Маги такого высокого посвящения не могут быть для меня противниками, ибо котенок не в состоянии сражаться со львом. Котенок — это я. А вокруг бродит целая стая рыкающих львов.

Уверен, руку даю на отсечение: рано или поздно Красным Камнем заинтересуются такие

хищники, как Тот-Амон, Пелиас, Озимандия, или печально известная Лоухи, Ведьма Туманов из Похьелы, претендующая на главенствующую роль в гиперборейском Круге Белой Руки. Хорошо, что Тсота-Ланти недавно отдал Нергалу душу, а то Маг Алой Цитадели не упустил бы случая вмешаться.

Да мало ли в мире волшебников, стократно превосходящих меня силой и умениями? Здесь я упомянул только знаменитостей, обитающих по нашу сторону Кезанкийского хребта и в Стигии, и то не всех. А вспомним, что волшебство процветает в Туране, и за Вилайетом, и в Кхитае... Магиков не так много, но они представляют в нашему миру весьма ощутимую силу. И что же, мне бороться против всех? Нет уж! Пусть Камнем владеет госпожа Эрде, пока его не отнимут более сильные и более зубастые. Или пока молодая герцогиня сама не перегрызет горло претендующим на ее сокровище магам. А я постою в сторонке.

Обидно, конечно. Какой волшебник не хочет заполучить в свою сокровищницу столь могучий артефакт! Мне неважно, как он действует. Заполучу — разберусь. Только вот беда: у меня нет сокровищницы и за красивые глаза Алый Камень мне никто не отдаст...

Ф-фу! Нет, нельзя так напиваться! Особенно в одиночестве. После второго кувшина шемской «Золотой лозы» я немедленно начинаю жалеть самого себя и уныло философствовать. Веллан, как и обещал, отправился провести единствен-

ный на всю Даларну бордель, а я сижу за столом, чертя пальцем на винных лужицах норд-хеймские руны и магические символы вперемешку с непристойными картинками. Дошел уже до того, что заставляю эти рисунки двигаться и уныло пляжусь на них. Над столом висит темно-фиолетовое облачко, периодически превращающееся в различных туманных зверюшек самого непотребного вида.

Маг в тоске — жуткое зрелище. Хорошо, хозяин и двое вышибал, бодрствующих посреди ночи, относятся ко мне со сдержанным спокойствием. На их лицах же ясно читается: «Шли бы спать, господин хороший». Правда, тот вышибала, что поменьше ростом, наблюдает за моим произвольными фокусами с интересом ребенка — наверное, никогда не видел настоящего волшебника.

— Хозяин! — неблагозвучно воззвал я. — Еще кувшинчик «Лозы»! И... ик!.. апельсины есть?

— Апельсины ему посреди ночи подавай, — проворчал владелец постоянного двора, протиравший кружки за стойкой. — Проснись, любезный! Весна на дворе, а мы на Полночи Немедии! Какие апельсины? Хочешь свежих фруктов, так поезжай в Зингару. И вообще, убрал бы ты свое непотребство.

Хозяин указал взглядом на фиолетовый туман над моей головой, сейчас принявший форму какого-то невообразимого пучеглазого монстра, потрошащего другого монстра, столь же пучеглазого и противного.

— Изволь,— пьяно кивнул я, шелкнул пальцами. Монстр, которого терзали, приобрел явные черты сходства с хозяином.— Где мои апельсины и вино?

— Ларс, принеси ему,— поморщился владелец «Синей луны» и кивнул вышибале.— Пусть подавится.

— Б-благодарю,— я потянулся к возникшему на столе кувшину и плеснул себе в кубок.

Пролил, конечно. Вместо апельсинов принесли моченых яблок в сиропе. Гадость, конечно, но надо себя заставить. Еще надо сделать хозяину что-нибудь хорошее. Спать меня всегда тянет на добродейство. Давайте причинять добро людям!

Я мысленно составил заклинание, материализовал замысел и толстяк хозяин, выругавшись, шарахнулся в сторону.

Над стойкой возникла настоящая синяя луна, точь-в-точь по названию таверны. Небольшой шарик размером с дыньку и рисунком, копирующим облик луны — той, которая на небе. Шарик неторопливо вращался, светился ярким сине-голубым огнем и плевался беззвучными искорками.

— Красиво,— оценил вышибала Ларс, созерцая мое произведение.— Вместо вывески приспособим, пускай горит. И фонаря над входом больше не надо вешать.

— Эх, магики,— вздохнул хозяин.— Несчастные вы люди. Впрочем, благодарствую. Долго оно гореть будет?

Я отмерил срок заклинания и проворчал:

— Триста дней. Считаю, почти год.

— Хорошо хоть не триста лет... Ларс, смотри, кто-то пришел! И кого носит по кабакам среди ночи? Да еще во время Рокода?

Точно, сквозь винный туман я различил, как открылась дверь наружу, пахнуло прохладным весенним воздухом и через порог перешагнул совершенно незнакомый человек в простой дорожной одежде. Меч на боку. Наверняка либо гонец, проезжающий через город и забежавший на постоялый двор пропустить стаканчик, либо праздный местный житель, ищущий отдохновения от ревнивой супруги или шумного выводка детишек. Единственно, обитатели Даларны, люди в основном мирные, не таскают с собой клинки.

Человек преспокойно обогнул столы, подошел к стойке и наклонился к хозяину, попутно бросая ему монету — судя по блеску, золотую.

— Любезный, не скажешь, не у тебя ли оставился путешественник, обычно именуемый себя Тотлантом из Стигии? Среднего роста, смуглый, голова бритая. Носит черный балахон с золотой вышивкой.

Я наострил уши. Какое до боли знакомое описание! По-моему, смуглого бритого и одетое в черное с золотом человека я знаю. Кажется, это я. Правильно, меня еще Тотлантом зовут. И я даже родился в Стигии. Если быть точным, в Луксуре.

— Тебе нужна вон та пьяная развалина,— не раздумывая, ответил владелец «Синей луны».—

Только умоляю, не пои его больше. Месьору Тотланту на сегодняшнюю ночь вина хватит.

— Мне кружку пива,— коротко распорядился незнакомец и уверенным шагом направился к моему столу. Встал прямо передо мной, внимательно осмотрел и уселся напротив.

— Ч-чем могу служить? — осведомился я. Человек был абсолютно непримечателен. Высокий, лет под сорок, начинающие седеть усы, выдубленная ветрами кожа на лице.— Заклинания простые и сложные, поиск утерянных драгоценностей, приворот, отворот, истребление монстров?.. В твоей фамильной гробнице поселился вурдалак? Двадцать аквилонских кесариев, половину авансом. За уничтожение вампиров беру дороже. Только я слегка... ик!.. не в форме.

— Приказано передать,— человек полез за пазуху и бросил передо мной на стол (прямо в лужу вина) запечатанный пакет.— Я должен дожидаться ответа. Читай прямо сейчас.

— Сет-Змееног! — простонал я, выуживая пакет из шемского вина. Благодаря этому же вину у меня не возникло и тени подозрений — почему вдруг кто-то посылает мне письмо, направляет гонца, способного отыскать старину Тотланта в захолустнейшем немедийском городишке и отчего послание столь срочно, что гонец является по мою душу после третьего полуночного колокола?

— До утра не подождет? — уныло спросил я, с отвращением глядя на подмокший пергаментный конверт.

— Нет,— отрубил усатый и погрузился в созерцание живых картинок над моей головой, попутно прикладываясь к доставленному Ларсом пиву. Сделал вид, будто его здесь вообще нету.

Придется свершать подвиг и читать. Только сначала... Боги, опять забыл! Забыл самое полезное заклинание для обитателя Пограничья, которое может прояснять пьяную голову. Как же оно начиналось? Ага, вспомнил! Десять слов, два пасса правой рукой. Ох, а я так хорошо напился...

Протрезвел я ровно наполовину. Для того, чтобы прочитать письмо, вполне хватит. Для того, чтобы написать ответ — сомневаюсь.

Отряхнув пакет от винных капель, слегка смазавших надпись под красной печатью... Так, печать!

Странно знакомое изображение. Драконья морда, повернутая ко мне, рисунок окружен повторяющейся стигийской буквой «м», перемеженной (о боги, снова! Это становится навязчивым!) малюсенькими восьмиконечными звездочками.

Надпись же такова: *«Тотланту Луксурскому от Менхотена, сына Птеоса»*.

Скользнув взглядом по знакомым символам стигийского алфавита, я почему-то не придал им никакого значения, сорвал печать, развернул пергамент и с туповатым видом приступил:

«Возлюбленный сын мой! Было бы нелепо и далее продолжать глупую игру, делая вид, будто мы друг друга не узнаем. Тогда, в библиотеке замка короны Бельверуса, я не нашел в себе сил признаться, что я

— это я, а ты, вероятно, был чересчур озабочен своими собственными делами.

Итак, Менхотеп, сын Птеоса из Луксура, твой родной отец, с которым ты расстался более двадцати лет назад, некогда являвшийся магом Стихий Пустыни, и есть тот самый ксальтотун, которого твои друзья наверняка именуют «жутким колдуном» и «великой тайной короля Тараска».

Надеюсь, теперь я перестал быть для тебя тайной. Да, я достиг высшего посвящения и имею право именоваться ксальтотуном — магом, обладающим верховенствующей силой.

Именно поэтому я покинул родину, ибо для Черного Круга настоящий ксальтотун — как бельмо на глазу. Даже Тот-Амон, наш старый знакомец, не удостоился этого звания. Читай книги, сын мой, и овладеешь...

Нет нужды расписывать здесь историю последних двух десятилетий моего существования, благо она будет тебе мало интересна. Важно лишь то, что в некий, не столь отдаленный момент времени мои извилистые пути пересеклись с ровной и ясной дорогой известного тебе Тараска Эльсдорфа, ныне претендующего на корону Немедии. У меня имелись знания и величайший титул ксальтотуна, у Тараска — стремление к величию и вещь, с которой он не мог совладать. Мы заключили союз. Могу тебя утешить — временный союз. У меня хватило влияния, чтобы запретить Тараску идти к трону через чужие жизни, но кое-кем так или иначе пришлось пожертвовать. Меня можно осуждать. Однако нельзя не принимать в расчет.

Не стану объяснять сути и подоплеку последних событий. Ты всегда был умным мальчиком и наверняка сам все понял. Перейдем к обоюднo волнующему нас делу.

Я и только я владею тайной Каримэнона — Алого Камня древности, вышедшего из рук божества, именуемого в наши времена Ротой-Всадником.

Я не утверждаю, что могу распоряжаться заключенной в Каримэноне Силой с совершенством его истинного хозяина, но, как известно, Рота покинул наш мир восемьдесят столетий назад и впредь не вернется. Я не раскрою тебе в этом письме (которое могут перехватить недруги, пускай это почти невозможно) всех секретов Каримэнона, ибо надеюсь на скорейшую встречу и твоё понимание.

Предложения таковы.

Первое. Либо ты вообще не вместишься в мои дела, оставляешь даже мечты о владении Камнем — а я уверен, что в тебе, как во всяком человеке, несущем в себе дар волшебства, такие мечты лелеются! — и уезжаешь в столь любезное твоему сердцу Пограничье, зная, что в Немедии у тебя остается не только отец, но и верный друг, способный дать совет или оказать помощь в тяжёлые дни.

Второе. Я остаюсь владельцем Каримэнона вплоть до моей смерти, затем же Камень по праву наследования переходит к тебе. Ты остаешься единственным владельцем одной из величайших драгоценностей нашего мира и мира волшебства. Мне жаль, что молодая герцогиня Эрде сотоварищи похитила у меня эту вещь, предназначенную отнюдь не к разрушению, но к созиданию, а если быть более точным, к сохранению

Великого Равновесия меж Черным и Белым. Попав в неразумные людские руки, Каримэнон способен причинить великие бедствия, по сравнению с которыми самые невероятные катастрофы прошлого покажутся лишь невинным дождем.

Если ты попытаешься убедить госпожу Долиану Эрде вернуть Камень мне — точнее, нам — я не только сохраняю ей жизнь, но даже постараюсь способствовать восхождению на Трон Дракона принца Ольтена. Я уже упоминал, что Тараск — лишь временный союзник. Делай выводы.

И третье. Возможность, на которую я не рассчитываю, но которая не исключается. Ты, Тотлант, сын Менхотепа, сам вступаешь в борьбу за Каримэнон. В таком случае мы начинаем открытое сражение, где победитель получает все.

Думай, сын мой. Ответ, изустный или письменный, передай через человека, принесшего тебе данное послание. В любом случае, мы все, каждая заинтересованная сторона, встретимся в двадцать пятый день Второй весенней луны у замка Демсварт, дабы раз и навсегда решить судьбу Каримэнона.

Менхотеп, сын Птеоса из Луксура,
милостью богов — ксальтотун.

15 день Второй Весенней луны
1294 года по счету Аквилонии и Заката».

— Отец? — прошептал я, когда чтение письма было закончено. Теперь картина выложенной алым мозаики начинает вырисовываться куда отчетливей. Отец всегда грешил излишним чес-

толюбием, я это отлично помню. Но как он сумел получить Высшее Посвящение? Давным-давно мой батюшка Менхотеп входил в Черный Круг, а теперь неожиданно сменил Тьму на Равновесие. Решил возвыситься над остальными, ибо многими учеными мужами предполагается, будто Алое стоит выше Белого и Черного? С ума сойти! Ксальтотун — мой родитель! Как же мы были правы тогда, в Бельверусе, когда Конан предположил, что таинственный маг в алом одеянии и драконьей маске может быть отцом Тотланта!

В этот самый миг плотный тяжелый пергамент распался в прах прямо у меня в руке. Новый знак — письмо содержало частицу самого ксальтотуна, Менхотеп узнал, что депеша попала в руки именно того, кому предназначалась и прочтена.

Теперь ксальтотун ее уничтожил, не оставив следов и доказательств.

— Ответ будет? — бесстрастно спросил голец. — Кстати, на словах приказано передать, что я пользуюсь доверием... Вот подтверждение. Сказано, будто ты все поймешь.

Человек в дорожной одежде протянул мне раскрытую ладонь с перстнем — серебряное кольцо и печатка в виде Звезды Роты. Как только металл коснулся моих пальцев, из перстня, содержащего в себе заклинание, в мою голову передался образ гонца. Да, действительно, Менхотеп ему доверяет. Этот человек верно служит моему отцу.

— Я подумаю,— что еще прикажете сказать? Кстати, чтение депеши меня напрочь протрезвило. Не каждый день получаешь столь любопытные послания, да еще не от друзей и знакомых, а от человека, произведшего тебя на свет.— Так ему и передай. Я буду думать и не поеду в Пограничье.

— Твои слова, Тотлант...— кивнул гонец и сразу же встал.— Хозяин будет оповещен немедленно.

— Эй! — крикнул я вдогонку.— Запомни — я буду думать! Пока никаких решений!

— Запомнил,— бросил он уже от двери.— У меня очень хорошая память.

Я кликнул хозяина «Синей луны», у которого явно спалились глаза, он с тяжелейшим вздохом поставил на стол новый кувшинчик «Золотого», плюнул и ушел спать. Остались только скучающие вышибалы-охранники.

— И что теперь делать? — громкоголосо воззвал я к небу, которое здесь замещалось бревенчатым потолком.— Как прикажете поступать, после эдаких-то новостей?

— Давайте в кости сыграем, господин хороший,— усмехнулся Ларс, подсаживаясь ко мне.— Ночь — время спокойствия. Забудь тяготы, их днем хватает. Ставлю серебряный талер на кон!

Той ночью я бездумно проиграл четырнадцать ауреев и семь талеров. А к утру принял решение.

Глава пятая

Взгляд со стороны — I.

«Сонм искушений»

Даларна, Немедия.

Утро 19 дня Второй весенней луны.

Маэль, граф Монброн

о времен ранней молодости Маэль просыпался очень тяжело. И в эпоху юношеского жития в фамильном замке Монбронов, и в захватывающие дни приключений на Полуденном Побережье, да и позже, в Латеране, он предпочитал ложиться спать на рассвете, а подниматься (если позволяют обстоятельства) не ранее полудня.

Из-за этой досадной, но в общем-то обычной для многих людей привычки, молодой граф не раз попадал впросак — все давно проснулись, бегают, суетятся, а Маэль — извольте взглянуть! —

дрыхнет без задних ног. На «Вестреле» и «Крылатом змее» лет восемь-девять назад Монброн поднимали самым простым способом: полное кожаное ведро забортной воды выливалось на голову месьёру второму помощнику капитана под отчаянные вопли «Тонем!» и «Пожар!»

Маэль зевал, с трудом продирая глаза, осоловело оглядывал злых шутников, снова зевал, но все-таки пробуждался. Пиратская жизнь требует от корсара Его величества короля Зингары действия, действия и еще раз действия. Посему за все годы морских путешествий Монброн ни разу как следует не высыпался.

В Латеране стало проще. Во-первых, еще не настали те блаженные времена, когда основная работа конфидента тайной службы будет заключаться в разборе бесчисленных пергаментов и трудах более умственных, нежели связанных с путешествиями и приключениями. Кинжал, маска, черный плащ, стилет в сапоге, на небе полная луна, в отдалении раздается зловещий вой волков, переписка туранского визиря и кофийского герцога выкрадена, под утро (после бегства от погони) можно вернуться в свое тайное пристанище, завалиться спать, а следующим вечером, ближе к закату, оседлать горячего коня и на галопе уйти в сторону ближайшей границы...

Чрезвычайно романтическое представление, не имеющее почти ничего общего с действительностью.

Даже теперь, когда граф Монброн выполнял личное поручение Его величества короля Акви-

лонии, когда загадка громоздилась на загадку и тайна прорастала из тайны, когда соседнее великое королевство стремительно погружалось в омут хаоса и безвластия, Маэль не изменил своим привычкам.

— Проснись, граф! Тебя ждут великие дела!

— Бу-бу-бу... — очень недовольно донеслось из-под шерстяного пледа. — Веллан, отцепись! Не видишь, я занят! Я сплю!

— Скоро полдень будут звонить, — сообщил оборотень и потыкал шерстяной сверток, возлежавший на широкой лавке, ножами от меча. — Мы с Тотлантом заказали обед.

— Я потом покушаю... — невнятно прогудел Монброн. Надо же, его не соблазнило даже магическое слово «обед». — Ты иди, иди... Короля накормите!

— Твой король, — хохотнул Веллан, — уже задрал курицу на дворе. Вся пасть в крови и в перьях. Озверел! Кстати, Зенобия с Аластором пришли. Вот они о Конане и позаботятся. Как знаешь, дрыхни. Я пошел.

Хлопнула дверь. Маэль перевернулся на другой бок и через несколько мгновений вновь оказался на зыбкой грани снов и яви, когда человека уже начинают посещать видения. Из сероватого тумана выплыл силуэт большого черного зверя, не то собаки, не то волка, но чудовище отчего-то носило на голове золотой венец о пяти зубьях и могло разговаривать по-человечески...

— Да что такое? — Монброна подбросило с лавки, будто катапульты. Весь плед был усеян

осколками битого толстого стекла, благо лежанка стояла как раз под окном. Какой-то мерзавец попросту запустил со двора камнем прямиком в раму, расщепил тонкие деревянные рейки и вдребезги разнес редкое, почти бесценное стекло, которое варили в мастерских стран Полудня.

Орудие преступления оказалось крупным, с два кулака булыжником — если бы он упал прямиком на Маэля, не миновать синяков. Но камень откатился по полу к дальней стене, а сам граф, выглянув в окно, увидел только пустой двор, по которому важно ходили грязно-белые гуси под ленивым надзором валяющейся в луже жирной хрюшки.

— Ну и шутники живут в этой Немедии,— проворчал месьор граф.— Да таким камнем убить можно! Придется попенять хозяину...

И вдруг Монброн застыл. Валявшийся в углу камень выглядел несколько необычно. Обычные камни, которыми мальчишки швыряются в окна, никогда не перетягивают тонкой бечевкой и уж тем более не заворачивают в пергамент. Причем в дорогой пергамент, белый с тонкими бежевыми прожилками. И не закрепляют веревочку красной сургучной печатью.

— Интере-есно,— протянул Маэль, подошел к странному булыжнику, нагнулся и поднял. Да, тяжеловат. Чтобы добросить эдакое письмецо до второго этажа, требуется изрядная сила.— Письмо, что ли?

Да, именно письмо. Граф сорвал печать, развернул пергамент и аккуратно отложил округ-

лый булыжник на стол. Заново протер глаза и всмотрелся в ровные строчки, написанные чуть угловатыми аквилонскими буквами.

Прочел. Перечитал еще раз, будто не пове-рив. Снова выглянул во двор, безосновательно надеясь обнаружить хоть какие-то следы отправителя. Вернулся к столу, бросил на него депешу, потянулся к кувшинчику, в котором должно было оставаться вино, обнаружил, что сосуд пуст и медленно уселся на свою лавку.

— Граф, сколько можно ждать? — дверь отворилась, и в комнате появился Тотлант.— Все давно собрались! И вообще, масса новостей! Войско мятежников принца Ольтена подойдет к городу ближе к вечеру! К бургомистру уже прибыли нарочные принца! Городской управитель вовремя поддержал Рокод.

— А, это ты, Тотлант...— слабо выговорил Маэль.— У меня тоже новости. Посмотри на столе.

Волшебник взял широкий и измятый пергаментный лист. Пробежался взглядом по тексту.

— Кто такой Амори, барон Данвил Коринфский? — сразу же спросил стигиец, глянув на подпись.— Твой знакомый?

— Хуже,— выдохнул Маэль.— Я понимаю, что не могу раскрывать такую важную тайну, но в свете последних событий... Данвил — личный представитель в Немедии главы Латераны, его светлости барона Гленнора. Он самый главный. Точнее, сейчас самый главный — я... Был.

— Самое время зарезаться,— бесстрастно по-кивал Тотлант, изучая письмо.— Похоже, тебя с

треском выгнали из Аквилонской тайной службы, лишили всех наград и настоятельно советуют в Аквилонии больше не появляться. Что ты натворил в Офире?

— Глупейшая история,— простонал Монброн, закрывая лицо руками.— Год назад когда я охотился за бумагами владельцев золотых рудников, я скрыл от барона Гленнора четыре векселя. Так, мелочь. Всего-то на сумму четырех с половиной сфинксов...

Тотлант присвистнул:

— Ничего себе мелочь! Четыре с половиной тысячи офирских талантов, сиречь четыреста пятьдесят тысяч денариев! На такие деньги можно купить большое баронство в центре Аквилонии, с замком, полями и десятком деревень. Куда ты дел векселя?

— Спрятал дома, в тайнике... Хотел, что называется, обеспечить безбедную старость... И кто-то пронюхал! Позорище! Граф в сорок втором поколении уличен в банальной краже!

— Четыре с половиной сфинкса,— ошеломленно покачал головой Тотлант.— Не сказал бы, что это банальная кража. В казне Пограничья в общей сложности и трех сфинксов не наберется. С размахом работаете, месьор граф. И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю...— севшим голосом пролепетал Монброн.— Наверное, утоплюсь.

— Топись в вине,— посоветовал волшебник.— Не расстраивайся. Объяснишь все Конану, он поймет. Сам таким был. Подумаешь, выгнали из

Латераны! Жизнь-то не закончена! Одевайся и спускайся в обеденную залу. Потом придумаем, как поступать.

Тотлант вышел, а Монброн продолжал восседать на лавке и пораженно созерцать валяющийся на столе жеванный пергамент, который принес ему наихудшее известие в жизни. Ладно, потеряны должность конфидента и деньги (очень небольшие, скажем прямо...). Но какая пощечина! Какой удар по чести дворянина! Причем удар вполне заслуженный...

Зенобия Сольскель и Аластор Кайлиени

Дочь почтенного Стиварта Сольскеля, в отличие от изнеженного аквилонского графа, просыпалась рано. Две комнатки, которые они с Аластором сняли у хозяина «Бездонной бочки», славной на всю округу изумительным черным элем, более напоминали каморки, предоставляемые в богатых домах нищим родственникам или самым нерадивым служанкам. Четыре шага в длину, три в ширину, жесткая лежанка, тонкое попертое одеяло и набитая соломой подушка.

Другая женщина после многолетнего жития в замке короны Бельверуса восприняла бы столь неудобное помещение как тюремную камеру, однако Зенобия не стала возмущаться. Она отлично помнила детство и юность, проведенные в одном из глухих поселений в Граскаальских пред-

горях, старый дом деда, выстроенный в асирских традициях — длиннющий сруб, наполовину вкопанный в землю. Там действительно было тесно, ибо обширная семья дедушки Рагнариса насчитывала восемнадцать голов без учета его наложниц.

Аластор, наоборот, морщил нос, громко заявлял, будто в Шадизаре даже клетки в зверинцах просторнее, в щелях и матрасе полным-полно клопов, а дышать попросту нечем, ибо окно не открывается. В итоге его светлость великий протектор Заморы отбыл на всю ночь в нижнюю залу — играть в кости.

Если бы владелец «Бездонной бочки» вел летопись то нынешняя ночь вошла бы в нее с каким-нибудь запоминающимся названием, наподобие «Ночь золотой реки» или «Время великого жульничества».

К рассвету Аластор обчистил двенадцать игроков, включая самого хозяина (долг последнего обменяли на бесплатные проживание и обед для самого Аластора, Зенобии и их любимой собачки по кличке Кораннон). Игроки расходились недовольные проигрышем, но счастливые от того, что поучаствовали в самой запоминающейся игре их жизни — буря страстей, две драки (одна со смертельным исходом), разоблаченная попытка со стороны капитана городской стражи подменить кости утяжеленными и торжественное изгнание жулика из-за стола, а также проигранный заезжим наемником клинок замечательной офирской работы, который великодушный Ала-

стор вернул прежнему владельцу — в знак признательности за проявленный азарт.

— Ты как хочешь, — хозяин распылил рот в широчайшем зевке, — а я пошел спать. Светает. Мне работать полный день, не то, что некоторым...

— Благодарю, — величественно кивнул Аластор. У дверей гудела шайка игроков, обсуждая перипетии недавнего сражения. — Я еще посижу.

Вскоре человек, носивший титул великого протектора Заморы, Шадизара и Арэнджуна, остался в одиночестве. Однако Аластору не пришлось скучать. Он с видимым удовольствием раскладывал монеты по достоинству.

Двенадцать ауреев Немедии и к ним сорок два серебряных талера. Медь можно не считать, просто отодвинуть в сторону большой неопрятной кучей. Шесть аквилонских кесариев, к ним три монеты, именуемых в королевстве Конана «Двойным львом». Офирские денарии, кофийские абердары и орты, шемские сикли с изображением шестилучевой звезды и верблюда. В пеструю коллекцию затесались даже два редких стигийских тилля и туранский империял времен начала правления почившего государя Илдиза. Конечно, у Аластора случались выигрыши и покрупнее, но придется признать, что сегодняшняя ночь принесла без того обеспеченному заморийскому протектору маленькое состояние.

— Считаешь добычу? — чуть хриловатый, но красивый женский голос донесся со стороны лестницы, ведущей наверх. — В этом городе ос-

тался хоть один человек, чей карман ты бы не обчистил?

— Хочешь, обрцу это золото в новый охотничий костюм для тебя? — невинным тоном предложил Аластор. — Тонкая кожа с тиснением, замша лучшей выделки, удобные сапоги... А то разгуливаешь, словно последняя оборванка.

— Кто оборванка, я? — грозно спросила Зенобия, подходя к столу и с некоторой завистью оглядывая аккуратные столбики и горки монет. — Не забываетесь, ваша милость, Зенобия Сольскель — дочь самого уважаемого купца Полуночи! А костюмчик купи, пригодится.

— Договорились, — согласился Аластор. — Ты, судя по всему, уже проснулась и готова действовать? Замечательно. Я, наверное, сегодня спать уже не буду.

— А это что такое? — Дженна разгребла завал из разнообразной меди, из-под которого торчал уголок плотного конверта. — Небось, какого-нибудь бедолагу заставил расплатиться векселем?

— Беру только наличные! — возмутился Аластор, но мигом притих. Такого конверта он не припоминал. — Наверное, кто-нибудь забыл.

— Нет, не забыл, — прозвучал новый голос. Управитель Заморы обернулся и обнаружил, что в обеденной зале он остался отнюдь не один. Человек, бывший одним из игроков, втихомолку пересел в самый темный угол залы и оттуда следил за Аластором и Зенобией, посверкивая из-под капюшона невозмутимыми светлыми глазами. — Это мой конверт. Точнее, ваш. Еще точнее

— он предназначен месьору Аластору Кайлиени. С тобой, Дженна, у меня будет отдельный разговор.

— Рагбе? — изумленно ахнула Зенобия. — Ты откуда?

— Оттуда, — слегка усмехнулся незнакомый месьор. — Сколько лет знакомы, а я все удивляюсь: почему за тобой постоянно приходится бегать через всю страну?

Аластор украдкой дернул Зенобию за рукав, прошепев: «Что сие за птица?»

— Эйрик Рагбе. Мое прошлое, — туманно отозвалась Дженна. — Легат гвардейской тысячи, которую именуют «Немедийским драконом».

— Ах, лега-ат... Тогда я, может быть, пойду? — Аластор с любопытством оглядел подошедшего молодого человека в дворянской походной одежде. — Кажется, ты проиграл мне два аурея и четырнадцать талеров?

— Тринадцать, — дотошно поправил месьор Рагбе. — Уходить не обязательно. Разговор деловой, а не личный.

— Все-таки, кто он такой? — Аластор лукаво покосился на Зенобию. — Хотя, по-моему, и так все ясно...

— Конечно, ясно, — кивнула Дженна и невозмутимо пояснила: — Два года назад он был моим любовником. Потом мы друг другу надоели и расстались друзьями. Эйрик, признаться, я не ждала этой встречи.

— Я сюда не рвался, — пожал плечами немедийский военный. — Меня отправили с поруче-

нием. Тот, кто отдал приказ, знал, что мы друг другу люди не чужие.

— Случайно это не вы за нами скакали все дорогу от Бельверуса? — поинтересовался Аластор.

— Случайно мы. Господин управитель, прочитай письмо, а я пока побеседую с Зенобией. Подслушивать не обязательно, можно просто слушать.

— Чтобы я, да подслушивал? — искренне возмутился Аластор, однако взял пакет и разорвал его по шву. — Ну, что у нас тут? Посмотрим, посмотрим... Ах, какие подписи, какие имена! Дженна, полюбуйся! Именем короля Тараска мне даровали новый титул. Оказывается, с сегодняшнего утра — то есть немедленно по прочтении письма — я становлюсь великим протектором не только Заморы, но и Коринфии. Старик Сальвикс — помнишь седого дедушку с герцогской короной на гербе? — оказывается, умер! Причем, заметь, помер в тот самый вечер, когда мы покинули Бельверус. Бедняга, я знал, что у него слабое сердце... Ничего себе подарочек. Значит, теперь я становлюсь вице-королем территорий, равных по размеру самой Немедии? Хорошее занятие для бедного мальчика из Шема...

— Поздравляю, ваша светлость, — натянуто улыбнулся Рагбе. — Коронную грамоту на право титула вице-короля Коринфии и Заморы ты получишь немедленно по прибытии в Керкиру, столицу Коринфии, куда теперь переносится твоя резиденция.

— Не возгордиться бы... — усмехнулся Аластор. — Надо же, сколь щедр Тараск! Что сказала бы моя бедная старая мамочка, увидев, до каких высот взлетел ее несмышлениш Альс! Не просто протектор, вице-король! А начинал с того, что кошельки резал на базарах... Зенобия, поздравь! Я второй человек в империи после Тараска. Теперь надо подыскать достойную королеву. Выйдешь за меня замуж?

— Ни за что! — решительно ответила Дженна, слегка опешившая от подобных новостей. — Неужели серьезно? Неужто правда? А ну, покажи бумагу!

Аластор показал. Все чин по чину, гербовый пергамент с золотым обрезом, большая и малая государственная печати, подписано Тараском Эльсдорфом, королем Немедии, и великими канцлером Эрдриком фон Греем. И что самое удивительное, заверено подписью Чабелы Зингарской, главы совета Семи королей. С ума сойти! Как же они Чабелу-то охмурили? Или она сама была не против даровать милейшему Альсу столь высокое положение, благословив его на регентство над двумя крупнейшими протекторатами от имени всех монархов Заката?

— Приписочка интересная, — сказала Зенобия, внимательно прочитав документ. — Ты обязан выехать немедленно, в противном случае лишаешься всех титулов. Даже имеющихся на сегодняшний день. И как Чабела такое подписала?

— Предположим, я валяюсь в белой горячке. Не в силах тотчас оседлать коня и мчаться на

Полдень. Что тогда? — с ядовитой вежливостью осведомился новоиспеченный вице-король у месьора Рагбе.

— Причина уважительная, — поморщился немедиец. — В таком случае тебе выделяют охрану и сопровождают до Керкиры.

— Это вряд ли, — заметила Дженна. — Даларна, город, в котором мы находимся, поднял знамя Рокода. Никакой охраны тебе, как представителю Тараска, бургомистр не даст.

— Мне и не нужно, — пожал плечами Эйрик. — Я привел своих людей. Верных королю и закону.

— Понятно, — размахисто кивнул Аластор, пробормотав вполголоса: — Стало быть, к трону меня потащат на золотой цепи... Чем будешь покупать Зенобию?

— Покупать? — оскорбился Рагбе. — Я, благородный месьор, не торговец, а такой же дворянин, как и ты! И говорю от имени первого среди равных дворян королевства!

— Маленькая поправочка, — зло процедил Аластор, подаваясь вперед. — К сожалению — или к счастью? — я не дворянин. У меня нет титула, только звание протектора. Я рожден даже не в бедной шемской деревеньке, а на стоянке каравана, который шел то ли из Асгалуна в Эрук, то ли из Шушана в Арэнджун. Посему я — самый настоящий торговец. Чистых шемских кровей. Мы все-таки не закончили нашу познавательную беседу. Что попытаются всучить Джене?

Месьор Рагбе остался спокоен, будто каменная статуя.

Покопавшись в кошельке, он извлек оттуда не слишком дорогой с виду, но явно старинный серебряный перстень с крупным ярко-розовым аметистом, ограненным в форме сердечка, и со стуком положил на столешницу.

— Король Тараск, — ничуть не торжественно, скорее деловито проговорил Эйрик, словно глядя в затверженный наизусть текст, — предлагает Зенобии Сольскель, дочери купца Стеварта Сольскеля, немедленно вернуться в Бельверус и разделить с ним Трон Дракона. В доказательство серьезности своих намерений Его величество шлет девице Зенобии обетное кольцо династии Эльсдорфов, освященное на алтаре столичного храма Иштар, покровительницы любви и брака.

— Ой, — громко сказал Аластор и восхищенно зажмурился. — Жаль, Клелия не видит! Она просто обожает такие романтические ситуации! Ладно, я ей потом изображу в лицах... Дженна, ты понимаешь, что ты — почти королева Немедии? Достаточно пройти соответствующие ритуалы в храмах Митры и Иштар. Теперь мне тебя поздравлять?

— Дела-а... — Зенобия бессильно опустила на лавку рядом с Аластором. Осторожно подняла со стола обетный перстень, который уже не одну сотню лет вручался венценосным женихом, занимавшим трон Немедии, своей невесте накануне свадьбы, и изучила тщательно выгравированные древние руны, означающие недвусмыс-

ленное предложение брака. Примерила на безымянный палец правой руки. Колечко оказалось чуть мало.

— Эйрик, когда давать ответ?

— Немедленно.

— Немедленно не могу. Я не шадизарская шляха.

— Фу, Зенобия! — возмущенно поморщился Аластор. — Не обижай моих девочек. Они трудятся, как могут.

— Заткнись, фигляр, — огрызнулась Дженна. Подумала и решительно заявила: — В общем, так! Я должна посоветоваться с отцом. И с дедушкой. И... и вообще с семьей. И с Эрхардом, он мой король.

— Немедленно, — холодно повторил немедийский легат. — Тебе понятно это слово?

— Ух! — выдохнула Зенобия. — Пропадай, мое счастье! Если немедленно, тогда ответ короткий — нет! И вообще, Тараск мог бы сам объяснить-ся! Без посредников!

— Верно, верно, — поддержал Дженну Аластор. — Такие решения за один момент не принимаются. Пойдем, Зенобия. Я тоже не хочу быть вице-королем. Нет, я не против этого звания, но не так быстро. У меня пока слишком много иных дел. Месьор Рагбе, мы позволим себе откланяться. Если что, заходите, всегда будем рады. А ежели Тараск хочет нас купить, пусть поднимает цену, поторгуемся. Кстати, ты вроде проигрался нынешней ночью? Два аурея, тринадцать талеров?

Несостоявшийся вице-король тщательно отсчитал надлежащую сумму и придвинул горстку монет к сидевшему напротив немедийцу.

— Это за труды, — любезнейше пояснил Альс. — И на обратную дорогу до Бельверуса. Мы уходим. Всяческие хлопоты, понимаешь ли. Мятеж, опять же.

— Я буду ждать еще сутки, — тяжелым нехорошим голосом ответил Эйрик Рагбе. — А потом... Потом вы сами определите свое будущее.

Аластор обернулся и снисходительно бросил через плечо:

— Что до меня, то я всегда был хозяином своей судьбы. Да и Зенобия тоже.

Цинтия фон Целлиг и Веллан, сын Арта

Уже седмицу юная баронесса Цинтия из семейства Целлигов, она же Цици, пребывала в необычайном, крайне восторженном и изумленном состоянии духа. Настоящее приключение, какое наверняка выпадает раз в жизни! Сколько громких имен! Сколько тайн и политических секретов! К тому же раньше на благосклонность Цинтии никогда не претендовали столь интересные и интригующие поклонники, наподобие аквилонского графа Мазля Монброна или нахального Веллана из Пограничья, который, вдобавок, самый настоящий оборотень! Втайне Цинтия надеялась, что кто-то из них сделает попытку на-

нести ей ночной визит. Конечно, вслух она будет возмущаться и всячески порицать мужскую распущенность, но на самом деле так приятно быть предметом чьих-то мечтаний!

Поэтому Цици проснулась в прекрасном настроении. Позвала служанку, узнала, что господа Тотлант и Веллан уже давно сидят в обеденном зале, потребовала кувшин горячей воды и занялась приведением себя в пристойный вид. Матушка Лиа частенько повторяла: благородная девица всегда обязана блистать. Невзирая на трудности и обстоятельства. Пускай вокруг грохочет мятеж, война или смена власти, правильно воспитанная молодая дама не позволит себе выйти к завтраку с мятым лицом!

Приспособив на столе маленькое серебряное зеркальце, Цинтия, вполголоса напевая, приступила к туалету. Причесалась, соорудив из песчано-рыжих кудряшек эдакий лихо развевающийся хвост. Разворошила невеликий запас одежды, захваченной в дорогу, выбрала ярко-зеленое платье с шафранными кружевами. Местные провинциалы должны просто валиться к ногам утонченной столичной дамы. С сожалением потрясла почти опустошенный хрустальный флакончик с ароматной лавандовой водой, вздохнула и использовала остатки по назначению. Надо непременно намекнуть Маэлю, чтобы он разорился на приобретение нового. Не то аквилонец тут же окажется в немилости!

Цинтия знала, что многие не без оснований полагают ее чрезмерно легкомысленной. Однако

она не видела причин для беспокойства и паники. У нее есть достойные защитники, так что с ней ничего не случится.

Цици только немного скучала по семье и побаивалась за судьбу Даны Эрде. Старинная, с времен детства, подруга ввязалась в нечто страшноватое.

Конечно, Дана всегда отличалась настойчивостью и твердым характером, но, по мнению Цинтии, затеявая мятеж против короля, герцогиня Эрде-младшая перегнула палку.

Ужасно, что родители Даны и ее брат погибли, однако разве стоило ради мести за них повергать в хаос всю страну?

Долиана Эрде считала, что стоило. Ее подруга Цинтия придерживалась иного мнения и надеялась переубедить Дану. Только бы встретиться с ней и поговорить!

— Доброе утро, Ваше величество! — скрипнула дверь, отодвигаемая в сторону длинной собачьей мордой. Огромный, смоляного цвета пес вошел, дружелюбно помахивая хвостом.

Об этой трудности Цици печалилась больше всего. Она искренне надеялась, что Тотлант придумает какой-нибудь способ вернуть все на законные места. Как же так, превратить человека в собаку! Это жестоко!

Судя по виду пса, он был вполне доволен нынешним существованием. И уже успел позавтракать хозяйской курицей, о чем красноречиво свидетельствовали мелкие перья, застрявшие в шерсти вокруг пасти.

— Нет-нет, так ходить нельзя ни в каком случае нельзя! — удрученно покачала головой баронесса Целлиг. — Кораннон, стой смирно!

Путем уговоров Цинтия заставила собаку не вертеться и старательно вымыла черную морду теплой водой. Пес чихал, когда капли попадали ему в нос, но стойчески терпел.

Убедившись, что зверюгу теперь можно пускать в приличное общество, Цици схватила Кораннона за ошейник и вывела в коридор. Заперла дверь, сунулась в комнату своих попутчиков: никого нет, только Маэль безмятежно похрапывает на широкой лавке.

Почувяв вкусные запахи из обеденного зала, пес, стуча когтями по полу, решительно свернул туда.

Цинтия хотела последовать за ним, задержавшись на миг, чтобы поправить прическу.

— Баронесса Целлиг, полагаю?

От неожиданности Цици уронила гребешок. Никто в этом городе ее не знал, а друзьям совершенно не требовалось звать ее высокопарным «госпожа баронесса».

Она слотнула и растерянно кивнула, глядя в человека, державшегося в тени и старательно прячущего лицо.

— Давайте выйдем отсюда, — предложил незнакомец. Цици боязливо попятилась, соображая, не закричать ли. Загадочный тип, хмыкнув, добавил: — Всего лишь на улицу. Не пугайтесь, я не собираюсь причинять такой хорошенькой девушке никакого вреда.

— Я не боюсь, — дрожащим голосом пролепетала Цици и бочком двинулась по коридору в сторону двери таверны.

Снаружи было пустынно, тихо и солнечно. Городок и его обитатели, видно, еще толком не проснулись. Цинтия огляделась по сторонам и присела на ступеньку крыльца, смахнув с нее коричневатый песок. Неизвестный остался стоять, прислонившись к каменной стене постоянного двора. Теперь девушка его рассмотрела и озадаченно сдвинула брови, припоминая, не встречала ли когда-то этого угрюмого молодого человека с острым носом и поджатыми узкими губами.

— Мы отчасти знакомы, — подсказал он, не дожидаясь вопросов. — Я Кефью. Кефор Тиннер. Бывшая ищейка разогнанного Вертрауэна.

— Ты бывал у моего отца с поручениями от Мораддина Эрде! — Цинтия облегченно всплеснула руками. — Ну конечно! Почему ты сразу не сказал! Я же перепугалась до смерти!

— Извини, — Кефью переступил с ноги на ногу. — Я уже пять дней несусь вслед за тобой и твоими спутниками. Вообще-то меня послал твой отец...

— Папа? — Цици встрепенулась. Ее отец, барон Хэлкарс фон Целлиг, оставался в Бельверусе, по возможности принимая живейшее участие в событиях вокруг Трона Дракона. — Что-то случилось?

— Пока ничего, — месьор Тиннер сделал ударение на слове «пока». — Барон Целлиг беспоко-

ится. Говорит, что чувствует запах опасности. Просил передать, чтобы ты не старалась излишне прославиться.

— Я? Прославиться? — искренне удивилась девушка.

— Не совершай поступков, за которые король может потребовать строжайшего ответа у твоей семьи, — жестко пояснил Кефью. — Пусть Тараск в самом деле узурпатор, но власть над страной и людскими душами находится в его руках. У твоего отца нет ни высокопоставленных покровителей, ни громкого имени, ни влиятельных друзей. Вдобавок известно, что барон Целлиг всегда держал сторону Эрде и покойного Нимеда-младшего.

— О-о... — Цинтия умела быстро соображать в случае необходимости. Она побледнела и прижала ладонь к губам. Почему она была столь непредусмотрительной? Ей даже в голову не пришло, что своим решением отправиться вместе с Монброном и прочими в лагерь мятежников она подвергает опасности пребывающего в столице отца. Хорошо, что мать и младший брат в безопасности, в далеком фамильном имении! Хотя как сказать, ведь поместье Альстейн тоже расположено в краю Соленых Озер, охваченном Рокодом...

— Ты знаешь принца Ольтена? — внезапно заинтересовался Тиннер. Цици уныло кивнула. — Хочешь совет? Возможно, ты окажешься среди тех, кого призовут удостоверить истинность личности принца. Не торопись с ответом.

— Но если я буду твердо уверена, что этот человек — Ольтен Эльсдорф? — вскинулась молодая баронесса.

— Уверенность — это одно. Благополучие твоей семьи — совсем иное.

Громыкнула дверь «Синей луны». На крыльцо выскочил обеспокоенный Веллан.

— Госпожа Цинтия? Все в порядке? — оборотень резко повернулся к подпиравшему стену таверны мрачноватому Кефору. Тот не обратил на устрашающие манеры посланца королевства Пограничного никакого внимания, хотя Веллан намного превосходил его и ростом, и силой.

— Это друг. Кефью Тиннер, один из людей Мораддина, — быстро вмешалась Цинтия, опасаясь истинно варварской привычки оборотня сначала затевать драку, лишь потом выясняя, что к чему. — Он приехал с весточкой от моего отца.

— Да? — Веллан недоверчиво обзрел месьора Тиннера с головы до ног. — И что хотел передать твой почтенный батюшка?

Цинтия промолчала, не зная, как ответить. Кефью бесстрастно осведомился:

— Тебя, случаем, зовут не Велланом из Пограничья?

— Даже если так, тебе-то какая радость? — не слишком любезно буркнул оборотень.

— У меня имеется пара слов и для тебя. Считай, что они произнесены от лица герцога Эрде, — Веллан изумленно склонил голову набок, но перебить не решился. — Незадолго до своей гибели его светлость поручил нам порываться в

библиотеках, найти какие-нибудь сведения о разновидностях древнего колдовства. Мы выполнили его приказ, отыскав среди прочего записи, недвусмысленно утверждающие: народу Карающей Длани... Ты ведь из них, из оборотней, верно? Да не строй изумленную физиономию, я знаю правду. Так вот, существам, подобным тебе, лучше держаться подальше от старой магии.

— Почему? — Веллан, кажется, справился со своей подозрительностью.

— Потому что ты рискуешь всю оставшуюся жизнь пробегать по лесам, махая хвостом и охотясь на зайцев,— растолковал Кефор.— Ты этого хочешь?

— Не-ет,— протянул оборотень.

— Тогда трижды подумай, прежде чем соваться в заварушку,— Тиннер оттолкнулся от стены и поклонился безмолвной Цинтии.— Желаю удачи, госпожа Целлиг. Я отправляюсь дальше, в Коринфию. Теперь, когда Вертрауэна не существует, его конфидентам опасно задерживаться в Немедии. Тараск, похоже, дал зарок извести всех, кто имел отношение к герцогу Эрде или Королевскому Кабинету Хостина Клеоса. Счастливого, месьор Веллан. Постарайтесь серьезно отнестись к моим словам. Стоят ли немедийские трудности того, чтобы ради них навеки расстаться с человеческим обликом?

Кефью Тиннер коротко кивнул и зашагал вниз по безлюдной улице. Веллан присел на ступеньки рядом с девушкой, озадаченно смотря вслед уходящему человеку.

— Чего он тебе наговорил?

— Предупредил, чтобы я не ввязывалась в лишние приключения, и помнила: отца всегда могу сделать заложником моего хорошего поведения,— неохотно ответила Цици и вдруг жалобно выкрикнула: — Веллан, мне страшно! Я запуталась! Если из-за меня пострадает отец, как я буду жить?

— Не отчаивайся раньше времени,— убежденно посоветовал оборотень и покровительственно обнял Цинтию за плечи. Та не возражала, наоборот, придвинулась ближе и виновато зашмыгала носом.

Так они и сидели, пока из близлежащей улицы не вывернули и не зашагали к постоялому двору «Синяя луна» двое: решительного вида черноволосая девица в охотничьем костюме и привлекательный молодой человек шемитской наружности.

Глава шестая

Голос очевидца — I.

«Союзники и соперники»

Бельверус, Немедия.
18 день Второй весенней луны.

Ворота Бельверусского замка короны, выходявшие на полуденные кварталы столицы, звались Орлиными — из-за огромных бронзовых голов хищников, украшавших тяжелые, высокие створки. Орлы мрачно созерцали городскую суету выпуклыми металлическими шариками глаз, равнодушные и ничему не удивляющиеся.

В отличие от бронзовых птиц, стража ворот обладала способностью удивляться, хотя случалось подобное нечасто. Сегодня, похоже, выдался именно такой день — невозмутимые и почти ко всему привыкшие немедийские гвардейцы оше-

ломлено переглядывались, соображая, как поступить и что предпринять.

Источником загадочных неприятностей послужили всадники, подъехавшие к воротам незадолго до перезвона полуденных колоколов. Остановили лошадей шагах в пяти, предоставив страже отличную возможность вволю глазеть на странноватых визитеров, и принялись совещаться. По отдельности каждый из троицы казался не то, чтобы вполне обычным человеком, однако не слишком бросался в глаза. Вместе же они представляли настолько удивительную картину, что прохожие сбивались с шага и недоуменно косились в их сторону.

Двое мужчин и женщина. Запыленная дорожная одежда, выдающая уроженцев Полуденного Побережья, устало фыркающие кони да пара заводных лошадей, груженных вьюками с поклажей. Один из мужчин и девица смахивали на дальних родственников или соотечественников: ладные, темноволосые, с острыми чертами лица и порывистыми движениями. На вид им можно было дать не больше двадцати — двадцати пяти лет, хотя в прядях толстой косы женщины мелькали серебристые нити.

Третий компаньон, восседавший на крупном долговязом жеребце пепельного окраса, превышал своих приятелей на добрых три ладони. Серо-зеленый плащ топорщился на широченных костлявых плечах, лицо пряталось под низко надвинутым капюшоном. Из притороченных к седлу ножен вызывающе торчала посеребренная

рукоять длинного меча, откованная в виде лунного серпа. Его облик и поведение неоспоримо указывали на военное ремесло, начиная от манеры держаться в седле и заканчивая надменно выпрямленной спиной.

— Слушайте, ничего у нас не выйдет,— хмуро повторял черноволосый парень.— Нельзя явиться к воротам королевского дворца и потребовать, чтобы тебя пустили! Я, конечно, попробую, но...

Не договорив, он шлепнул чалую кобылу поводьями по шее, приблизился к створкам и, привстав на стременах, сердито дернул за толстую железную цепочку. Высоко наверху, в глубинах островерхой надвратной башенки-барбикена, призывно зазвонил колокол. Почти сразу из окна высунулась голова блюстителя в ослепительно надраенном шлеме и устрашающе рявкнула:

— Кто, к кому, по чьему вызову?

Лошадь посетителя, точно выполняя надоевшую обязанность, устало присела на задние ноги, прикидываясь испуганной. Всадник пожал плечами и отозвался, не повышая голоса:

— Я — Рейенир Морадо да Кадена из... из Зингары. Они,— Рейе, полуобернувшись, махнул в сторону терпеливо ожидавших женщины и верзилы в плаще,— госпожа Меланталь Фриерра и господин Астэллар. Мы бы хотели... — он на миг замялся, чувствуя себя чуточку неловко, однако твердо закончил: — Мы бы хотели повидать вашего правителя, принца Тараска.

Наверху завопили и ничего не ответили. У Орлиных ворот происходило всякое, но пока не случалось, чтобы какой-то приезжий зингарец так запросто требовал встречи с королем Немедии. Хотя в последние седмицы в замке и городе творилось столько вещей, никогда не бывавших ранее...

Стражник поразмыслил и крикнул:

— А бумаги у вас какие имеются, господа хорошие? Ну, прошение об аудиенции, послание там какое важное или еще чего?

— Нет,— безмятежно развел руками Рейенир.

На звон колокола и голоса пожаловало высокое начальство — гвардейский капитан, распорядившийся охраной ворот. Выслушал доклад подчиненных, поглядел вниз, убедившись, что трое странных всадников не намерены исчезать. Сунулся в толстенную потрепанную книгу; прикованную цепочкой к столу в караульном помещении, поворочил страницы, выискивая надлежащее уложение.

— Может, гнать их отсюда к зеленой демоновой матушке в три шеи? — с надеждой предложил кто-то из охранников. На него зашикали, растолковав, что в замке короны гостит королева Полуденного Побережья и негоже, ежели до ушей Ее величества дойдет, как обращаются с ее поданными. Нрав у Чабелы — не приведи боги!

— Тогда подержать под воротами, а Хуго пусть сбегает до зингарцев,— осенила стражей новая идея.— Ихние земляки, пусть они и разбираются!

Офицер наконец разыскал требуемую страницу и при свете трещащей свечки прочел выплывшие строки. Прикрикнул на гвардейцев, поднялся на площадку и выглянул в тесное окно-бойницу.

— Месьоры! Ага, вы самые! Его величество сейчас никого принимать не изволит! Так что ступайте на улицу Вепря, где ваше зингарское посольство. Представитесь честь по чести, выправите разрешение на проживание в городе, а потом уже уговаривайте его милость посла хлопотать, чтобы вам дозволили посетить дворец и предстать пред Его высочеством... или величеством?.. В общем, его высокородной светлостью Тараском Эльсдорфом. Ежели это вам в самом деле необходимо. Поняли?

— И сколько времени тянется подобный церемониал? — невозмутимо осведомился Рейенир.

— Как повезет. Может, седмицу или луну. Может, полгода.

В барбикене кто-то оглушительно заржал. Рейе обернулся к своим спутникам:

— Убедились? Таковы нынешние упадочные времена и людские нравы! Едем искать таверну.

Меланталь Фриерра смерила неприступную крепость холодным взглядом и сердито процедила:

— Мы вполне могли бы заставить немедийцев приветствовать нас исполнением гимнов и всеобщим коленопреклонением...

— Учинив вопиющее нарушение правил гостеприимства, — ехидно заметил Рейе, разворачи-

вая лошадь хвостом к королевской цитадели. — Мы же договорились — будем вежливы и постараемся не нарушать здешних традиций. Неприлично заявляться в гости, вышибая двери хозяйского дома. Мир не рухнет, если мы навестим замок не прямо сейчас, а ближе к вечеру... Эллар, нет! Не делай этого!

Предания Зингары и Аргоса наперебой утверждают, что нет существа, нападающего быстрее рабирийского гуля. Однако Рейенир опоздал. Молча созерцавший происходящее спутник Меланталь выпростал руку из складок плаща, коротко и сухо щелкнув пальцами. Женщина ойкнула, поспешно хватая его за кисть и опасливо косясь на деревянные, обшитые железными полосами створки с крюконосыми птичьими головами позеленелой бронзы.

Рейенир скорбно вздохнул, возвел глаза к серо-голубоватому весеннему небу в редких облачках и коротко скомандовал:

— Едем отсюда. Быстро! Эллар, скажи честно: чего ты добиваешься? Моей скорой гибели, неизбежно последующей из-за непрестанных расстройств, вызванных твоими выходками? Или своей мучительной смерти от моей руки? Эти бедолаги все лишь выполняют свой долг!

— Зато их манеры оставляют желать лучшего, — глуховато донеслось из-под капюшона. — Вдобавок эти ворота нуждаются в маленьком ремонте.

На башне возникла суетливая беготня. Кто-то из охранников почти до пояса высунулся в бой-

ницу, размахивая руками и указывая на створки. Капитан гвардейцев проследил за жестами своего подчиненного и внезапно онемел, вытаращив глаза и беззвучно раскрывая рот.

Ворота изменялись. Мелко дрожали, словно при сотрясении земли. Их четкие контуры размывались, будто рядом полыхал огромный костер и теплый воздух от него потоком стелился вдоль каменных стен арки, оседая желтоватым туманом.

Когда превращение завершилось, прежних Орлиных ворот Бельверусского замка не существовало. На их месте красовалось жутковатое сооружение, напоминающее застывшие в падении снежные хлопья, выкованные из сизоватой полированной стали. Во все стороны торчали острейшие сверкающие шипы и пики, между ними просовывались вытянутые человеческие руки и демонического вида морды. Кое-где на железных снежинках мерцали красноватые огоньки, быстро перебегавшие с места на место.

— Может, стоило их впустить? — растерянно спросил стражник Хуго, чей сапог волею обстоятельств оказался намертво припиленным изогнутой когтистой лапой к изгибу арки. Блеститель извернулся, заглянув в просвет между стальными полосами и убедившись, что загадочная троица поспешно отбыла по своим делам. Вместо них подле ворот торчала быстро растущая кучка горожан, увлеченно обсуждавших новый вид барбикена. Кто-то уже рискнул подобраться ближе и ненавязчиво поскрести высту-

пающие стальные иглы ножиком, дабы убедиться в их осязаемости.

* * *

Присутствие в Бельверусе Меланталь Фриерры объяснялось двумя причинами: ее собственным желанием и непоколебимой уверенностью Рейе в том, что никогда не помешает иметь поблизости красивую женщину.

— Согласно людским представлениям, гули Рабирийских холмов — чрезвычайно коварные, жестокие и распутные существа, — заявил он в ответ на упрек Эллара. — Я просто изо всех сил стараюсь поддерживать сложившуюся репутацию. Кроме того, бывают случаи, когда без помощи женщины не обойтись. Меланталь — именно та попутчица, которая нам необходима. Единственная сложность кроется в том, что Йестиг опять обвинит меня в стремлении увести его подружку. Кстати, обвинение совершенно безосновательное.

Дорога от холмов на побережье Хорота до немедийской столицы заняла ровно четыре суматошных дня. Путники избегали посещения любых городов — разве только для приобретения новых лошадей, держались в стороне от наезженных торговых трактов и почти не останавливались на отдых, продолжая путь и днем, и ночью. Они проскочили пограничный Рамсбекк, задержавшись только затем, чтобы узнать на постоялом дворе последние новости. Известия зву-

чали тревожно: в Бельверусе происходит нечто странное, коронование нового правителя не то перенесено, не то вообще отложено, мятеж на Полуночи Немедии разгорается все сильнее, к нему присоединяются новые и новые сторонники, а еще поговаривают, будто зингарская королева, приехавшая на церемонию, тишком подбивает немедийцев выступить против законного короля, Тараска Эльсдорфа...

Идея немедленно по прибытию в Бельверус отправиться в королевский дворец принадлежала в равной степени Меланталь, не слишком хорошо знавшей порядки сословной лестницы людей и прочие условности, и Эллару, в таковых условностях не разбиравшемуся вовсе. Попытки Рейе разубедить спутников ни к чему не привели, и, отчаявшись, он решил предоставить им убедиться на собственной шкуре, насколько они заблуждаются.

Убеждение вышло действенным: упрямая девица и старый вояка безропотно признали Рейе-нира да Кадену за самого опытного и знающего, и более возражать не отваживались. Смирно ехали следом, с любопытством глазели по сторонам, как положено провинциалам в огромном городе, только что пальцами не тыкали в столичные достопримечательности. Рейе на всякий случай озаботился, чтобы никто из дворцовых стражников не смог внятно описать таинственных гостей, сделавших из обыкновенных ворот нечто неусветное. Он не сомневался в способностях самого себя и Меланталь отвести глаза одному-

двум, самое большое — трем служителям закона одновременно, однако решил понапрасну не рисковать. Прежде чем прорываться с боем в замок короны, нужно отдохнуть, разведать положение дел, определить союзников и противников, и лишь затем седлать коня и отправляться в бой. Торопливость, как известно, не приводит к хорошему, а в любой стене отыщется лазейка.

Все это Рейенир растолковывал своим попутчикам в уютной обеденной зале таверны «Синий амфитеатр», перемежая объяснения расправой над отлично приготовленным тушеным кроликом и уничтожением содержимого бутылки дорогого темно-желтого стекла, и убеждаясь, что его почти не слушают.

Меланталь восседала за столом с видом наследной принцессы, решившей снизойти до общения с простыми смертными, и украдкой проверяла — глазек на нее присутствующие мужчины или нет. Удостоверившись в собственной неотразимости, госпожа Фриерра рассеянно осведомилась:

— Рейе, мы должны здесь с кем-то встретиться?

Эллар, седеющий мужчина средних лет, малопочтительно фыркнул. Он все-таки стянул с головы свой огромный капюшон, из-за чего примчавшийся выслушать пожелания новых посетителей слуга немедля с грохотом уронил поднос, извинился, поднял, снова уронил, и приобрел непреходящие заикание с косоглазием, ибо старательно пялился в сторону, мимо гостей.

— Не хотелось бы никого обидеть... — очень вежливо начал Рейе, когда служка отошел.

— Можно обойтись без лишних намеков, — грустно сказал Эллар. — Говори прямо: вид моей физиономии оскорбителен для стороннего взгляда.

— Я хочу сказать, что мы-то к тебе давно привыкли, но прочие не виноваты, что их поневоле бросает в дрожь...

Утверждение Рейе соответствовало истине, ибо правая половина лица их с Меланталь спутника являла из себя страшноватую красно-лиловую мешанину плохо заживших шрамов, оставленных не то касанием языков огня, не то когтями животного. Уцелевшая левая часть с ярко поблескивающим серым глазом когда-то наверняка нравилась женщинам, но половина, к сожалению, решительно не в состоянии заменить целого. Однако Эллар с величайшей неохотой соглашался носить закрывающую пол-лица кожаную маску, утверждая, что ему нечего стыдиться и таков уж он есть. Вот и теперь он раздраженно мотнул головой, спрятав пугающую правую сторону за длинными прядями некогда черных, но выцветших до серо-пегого волос, и буркнув:

— Кому не нравится, разрешаю отвернуться.

— Мы ждем человека, с которым я недавно познакомился, — Рейенир, вспомнив о цели поездки, положил вилку с ножом и с задумчивым видом соединил перед собой кончики пальцев. На среднем пальце правой руки поблескивало золотое кольцо с агатовой печаткой: силуэт ле-

тучей мыши над зубчатой линией гор. — В Рамсбекке, когда отправился искать мою дорогую сестрицу. Поскольку я рассчитывал все-таки добраться до Бельверуса, то мы условились о месте встречи. Каждый день, пока королевские посольства остаются в городе, он будет наведываться сюда к третьему послеполуденному колоколу. Этот человек служит при аквилонском дворе, ему многое известно и он — из числа приятелей Рингилиан. Полагаю, он не откажется провести нас сквозь все решетки и преграды в замок короны.

Рингилиан, младшую сестру Рейе, многие из обитателей Закатного Материка знали как Рингу, герцогиню Эрде, супругу главы Немедийского Вертрауэна и лучшую из ищеек тайной службы Трона Дракона. В начале зимы Рингой овладело Сумеречное безумие, сделавшее из нее одержимую охотницу на людей и безмерно усугубившееся после нападения на особняк Эрде, приведшее к гибели почти всего семейства — самого Мораддина Эрде, его сына и двух доверенных служащих дома Эрде. Ринге и ее телохранителю удалось бежать, они направились в Аквилонию — уцелевшие обрывки воспоминаний герцогини подсказали ей, что в Тарантии она найдет помощь. В Рамсбекке, крепости на границе Офира, Немедии и Аквилонии, на Рингу наткнулся ее брат, получивший отправленную еще в конце минувшего года тревожную весточку и решивший лично разобраться, что происходит. Теперь госпожа Эрде находилась в безопасности

— на своей родине, в Рабирийских горах, ожидая под надежным присмотром, когда к ней возвратится рассудок. Рейе, всполошив сородичей рассказами о беспокойствии в мире людей, поспешно вернулся обратно — искать уцелевшую племянницу, Долиану Эрде, и попавший к ней в руки могущественный Талисман, Алый Камень, звавшийся Каримэнон. Заодно он приволок с собой приятелей: предсказательницу Меланталь и Эллара, единственного на весь Материк знатока древних магических предметов и заклинаний, обладавшего вдобавок кое-какими способностями, недоступными нынешним магам, колдунам и волшебникам любых мастей.

— Вон он идет, — при виде очередного посетителя «Амфитерна» Рейенир встрепенулся и оторвался от стула, призывно махнув рукой.

Вошедшему на вид можно было дать лет тридцать или слегка побольше. Среднего роста, плотного сложения, прищуренные карие глаза, выдающие любителя корпеть над книгами, темно-русые волосы, сбившиеся от ветра и быстрой ходьбы на сторону, добротная одежда коричневых и зеленых тонов, вышитый на плаще золотой аквилонский лев. Человек, склонный к легкой язвительности, наблюдательный, уверенный в себе и добившийся не последнего места в жизни. Заметив Рейе и его компаньонов, гость на миг нахмурился, вспоминая. Узнал, удивленно приподнял бровь и подошел к столу.

— Рейенир? Какими судьбами? И что с Рингой?

— Теперь есть кому позаботиться, чтобы она не причинила вреда ни себе, ни другим, — Рейе звонко щелкнул пальцами, подзывая службу, быстро распорядился: — Накройте еще на одного человека, — и вновь повернулся к незнакомцу: — Я обещал, что приеду, и приехал. Садись. Давайте знакомиться. Месьор Хальк, барон Юсдаль из Гандерланда, его светлость тайный советник, личный библиотекарь и летописец Его величества короля Аквилонии Конана Канах. Вроде я ничего не перепутал?

— Все верно, это я и есть, — аквилонец опустился на свободный табурет, с нескрываемым интересом разглядывая приятелей Рейе, явно не в силах решить, кого считать более любопытным и загадочным. Вид Эллара, как обычно, заставил нового знакомого на миг отвести взгляд, но, очевидно, придворный короля-варвара привык к подобным странным встречам. Он сумел взять себя в руки и в следующий раз уже смотрел с предписываемой законами куртуазии спокойной вежливостью.

— Госпожа Меланталь Фриерра, — названная особа приветственно кивнула, взмахивая длинными ресницами и озорно поблескивая изжелта-серыми глазами. — Моя соотечественница. Любимые занятия — предсказывать наступление скверных времен и разбивать сердца.

— Мое уже разбито, — удрученно признался Хальк. — В двадцати с лишним местах. Месьор Рейе, похоже, в ваших зловещих Рабирах обитают самые красивые женщины Материка. Вы их

там прячете и только иногда выпускаете погулять?

— Под строжайшей охраной,— с готовностью подтвердил Рейе.

— Рейенир, как всегда преувеличивает,— серебристо засмеялась Меланталь.— Он прав только в одном: мне действительно иногда удается предвидеть будущее. Только из-за сего полезного умения эти двое авантюристов согласились терпеть мое общество.

— Астэллар, а если покороче — Эллар,— представился одноглазый. Поколебался, но все же протянул руку для пожатия. Хальк, привыкший запоминать различные мелочи, касающиеся обширного круга его друзей, знакомых и приятелей, отметил, что у странного типа сухая и холодная ладонь с длинными узловатыми пальцами.— Рейе наверняка станет утверждать, будто я — маг. Не совсем верное название, однако для простоты сойдет.

Хальк вопросительно покосился на Рейенира, требуя разъяснений.

— Все очень просто,— гуль соорудил самодовольную физиономию.— Я благополучно доехал до Хорота, рассказал, как и что, и мы отправились вас спасать. Или помогать. Или просто мешаться под ногами, в зависимости от ситуации. Чем там занимается моя дорогая племянница, по-прежнему командует мятежом на Полуночи?

— Вовсю,— подтвердил аквилонский барон.— Только теперь у них не мятеж, а объявленный соответственно древним традициям Рокод — за-

конное восстание дворян против неугодного им правителя страны. Коронацию Тараска отложили до двадцать пятого дня Второй весенней луны.

— Почему именно до этого дня? — поинтересовалась Меланталь.— Он какой-то особенный?

— Нет. Просто Ольтен, Долиана и их сторонники прислали в Бельверус чрезвычайно учтливое и вместе с тем крайне дерзкое послание с предложением переговоров. Тараску ничего не оставалось, как согласиться. Переговоры будут проходить в Демсварте. Есть такой небольшой замок на берегу реки Нумалии, лигах в двадцати к полудню от одноименного города. Там должно окончательно выясниться, настоящий ли Ольтен или самозванец, имеет ли Тараск право на трон, кому править Немедией и кто в ответе за резню в столице?

— Сражение,— озабоченно протянул Рейе.— То, что начинается как мирные переговоры, обычно завершается бойней... Кто-нибудь уже отправился к этому Демсварту?

— Посольства Пограничья и Офира. Туранский визирь почтительнейше откланялся и заявил, что возвращается на родину в ожидании перемен и новостей. Кофийцы поспешно удрали в Хоршемиш, Балардус решил постоять в стороне и подождать, чем все кончится,— Хальк иронически фыркнул.— Многие поговаривают, будто Его величество Балардус вовсю поддерживал замыслы своего младшего родича Тараска, а теперь струсил. Чабела Зингарская со свитой, ар-

госсы, королева Тарамис и ее соседи из Хорайи еще здесь. Тараск тоже в городе, но сегодня оставшиеся представители Совета Семи королей вовсю собирают багаж, дабы завтра с утра проследовать к месту переговоров.

— Повезло. Вовремя мы успели,— заметил Рейенир и уточнил: — А твой король? Он тоже уехал? Госпожа Фриерра, наслушавшись всяких рассказней, возжелала познакомиться со столь удивительной личностью.

Девушка-гуль с нарочитой скромностью опустила глаза:

— Рейе, прекрати сплетничать! Месьор Хальк подумает обо мне невесть что!

— И будет совершенно прав,— вполголоса проворчал молчаливый доселе Эллар.

— Конана нет в Бельверусе,— сухо и коротко ответил аквилонец, не поддержав обмена игривыми замечаниями.— Глава нашего посольства, герцог Пуантена Просперо, покидает город завтра, вместе с Чабелой и прочими.

— Прошу прощения, совсем забыл! — Рейе да Кадена виновато потупился.— Я хотел спросить о десяtnике Коннахаре...

— Его тоже нет,— покачал головой Хальк.— Думаю, он где-то на полпути к Демсварту. Мы наверняка встретим его там,— он поднял свой бокал, почтительно качнув им в сторону дамы, отпил и спросил: — Чем я все-таки могу вам помочь? Или хотя бы расскажите толком, что вы намеревались делать, раз с такой поспешностью прибыли в столицу Немедии?

— Нам нужно попасть ко двору,— честно признался Рейенир.— Побеседовать с Тараском. Еще желательно повидаться с кем-нибудь из власти предрежащих. Скажем, с Ее величеством Чабелой. Я не заблуждаюсь, полагая, что именно она заправляет в этом шумном сборище коронованных особ?

— Она,— согласился аквилонец.— Устроить вам аудиенцию я могу, но с какой целью...

— Дело в красном камешке, коим завладела Долиана Эрде,— нетерпеливо перебил гуль.— И в колдуне, именуемом ксальтотуном. Мы обсудили все, что мне удалось услышать и узнать в Рамбсекке, и пришли к безрадостному выводу: Долиана стала очень могущественной. Ксальтотуну с ней не справиться, а она, при всей своей неумелости и неопытности, способна натворить таких дел, что спустя столетие люди будут вздрагивать в ужасе при упоминании ее имени. Именно поэтому я попросил Эллара поехать со мной. Он — лучший знаток древней магии на весь Восход и Закат. Другого такого нет. И нам необходимо,— голос Рейе стал чрезвычайно убедительным, ибо сей сложный вопрос участниками компании обсуждался не раз, и не два, но почти всю дорогу от Рабиров до Бельверуса,— необходимо как можно скорее заключить союз с Тараском и ксальтотуном. Все равно, на каких условиях. Мы должны иметь законное право присоединиться к вам по дороге в Демсварт. А добравшись до места встречи, попытаться остановить Долиану.

— Но... — Хальк Юсдаль непонимающе глянул на своих собеседников. — К чему такая спешка?

— Объединение сил, — произнес новый голос, звучавший так, будто его владелец подавлял скучливый зев. — У одного из участвующих в охоте на Алый Камень магов есть влияние при дворе Немедии и кое-какие способности, у второго — знание и благие намерения, заводящие всем известно куда. Зато сведений о наиболее важной на сегодняшний день персоне, то бишь о герцогине Эрде-младшей, нет ни у кого. О чем она думает, чего добивается, что хочет от жизни?

Столь бесперемонно вмешавшийся в чужой разговор незнакомец явился в «Синий амфитерн» почти одновременно с Хальком Юсдалем, заняв стол неподалеку. Сопровождала его крупная собака кофийской бойцовой породы, рыжая, с короткой шерстью и выпученными красноватыми глазами на плоской черной морде.

— Пытаясь сохранить свои тайны, не обсуждайте их в полный голос, — лениво посоветовал хозяин страховидной псины и облокотился на высокую спинку стула Меланталь. Рабирийка оглянулась, с легким удивлением оглядев нахального молодого человека. Кричаще-желтые, ярко-синие и оранжевые цвета одежды, в изобилии украшенной кружевами с золотой нитью. Лицо было бы привлекательным, перестань незнакомец строить гримасу презрения ко всему миру. Яркие зеленые глаза обежали сидящих за столом

людей, изучающе задержались на Элларе и остановились на аквилонце.

— Хальк Юсдаль, свита герцога Просперо Пуантенского, — уверенно определил неизвестный, мотнув каштановыми локонами. — Отчасти мы знакомы. Мой младший родич — твой приятель. Маэль, граф Монброн из Танасула, слышал такое имя?

— Тогда ты можешь быть только Райаном Монброном, — медленно проговорил аквилонец. — Ну да, Маэль так тебя и описывал: держит кофийскую собаку, одевается так, что в глазах рябит, и обожает лезть в дела, его не касающиеся, — он повернулся к недоумевающим гулям и одноглазому магу, пояснив: — Это старший родственник одного из моих друзей, также подвигающегося при аквилонском дворе. Утверждает, будто является волшебником.

— Маэль, как всегда, точен и беспристрастен, — хмыкнул Райан. — Поскольку я уже влез в вашу преинтересную беседу, разрешите продолжить? Мои скромные способности во владении магией мы обсудим как-нибудь потом, сейчас же я прошу ответа — верно ли мое предположение о возможном объединении сил?

Эллар и Рейенир переглянулись. Рейе чуть заметно пожал плечами. Эллар решительно кивнул.

— Да, верно.

— Тогда я прошу разрешения вступить в ваш комплот единомышленников, — сдержанно заявил Райан. — Мне не слишком нужен ваш бес-

ценный Камень, но я хотел бы посмотреть, чем закончится эта развеселая карусель. Кроме того, — он доверительно понизил голос, — каких глупостей не совершишь ради очаровательных женских глаз?

Рейе издал резкое свистящее шипение и начал подниматься. Эллар уронил ему руку на плечо, заставив гуля сесть. Меланталь, быстро смекнув, что речь идет именно о ней, польщенно улыбнулась, не разжимая губ — этой привычкой обладали все обитатели Рабиров.

— Я не возражаю, — медово проворковала она. — Почему бы и нет?

— Потому что Маэль Монброн настоятельно советовал держаться подальше от его не в меру предприимчивого родственника, — раздраженно бросил Хальк. — Впрочем, дело ваше, — он озадаченно почесал переносицу: — Только как же я протащу во дворец целых четырех человек? И кого вы все-таки хотите сперва повидать?

— Ее милость Чабелу, — рассудил Рейе. — Она, как говорят, женщина мудрая, прозорливая и способная предвидеть на два шага вперед. Пусть выслушает то, что мы хотим сказать, и решает, как поступить дальше. Вдобавок мы, рабирийцы, если придерживаться законов — в какой-то мере ее подданные. Бывшие. Или несостоявшиеся.

— Тогда идем, — обреченно сказал барон Юсдаль, выбираясь из-за стола. У него появилось пугающее предчувствие, что с вмешательством в интриги вокруг немедийского престола еще и этой удивительной компании положение дел

станет крайне запутанным. Подобного следовало ожидать: там, где замешан какой-нибудь магический артефакт, неизбежно появятся желающие им завладеть. Сперва ксальтотун, потом Долиана фон Эрде, теперь еще Райан Монброн и пугающий одноглазый колдун из Рабиров. Глядишь, в скором времени пожалуют новые претенденты. Скажем, Пелиас Кофийский или кто-нибудь из Черного Круга Стигии.

* * *

В покоях Бельверусского замка, отведенных Чабеле, царила суматоха — шли приготовления к отъезду. Зингарская королева созерцала творившуюся вокруг кутерьму с видом меланхоличным и чуточку разочарованным. Слуги торопились перетаскивали во двор многочисленные сундуки с нарядами, ящики и тюки, а Ее величество одиноко сидела в пустующей гостиной и рассеянно изучала обширный список трат и невыплаченных долгов, наделанных ее свитскими за пять дней пребывания в Бельверусе. Попутно Чабела прикидывала, удастся ли ей благополучно довести начатое дело до конца, кто из ее союзников надежен, а кто — не очень, и что может сейчас поделявать Конан Канах, таинственно исчезнувший из дворца три дня назад.

Зингарка получила отправленное ей через магический портал послание от Тотланта, извещавшее о благополучно начатом путешествии двух участников посольства Совета королей и

присоединившихся к ним друзей на Полночь, но спокойнее ей не стало. Тотлант, правда, написал, что с королем Аквилонии все в порядке, но Чабела в этом сильно сомневалась. Сколько она знала Конана, у него никогда ничего не было в порядке.

Он постоянно во что-то вступал, пытался кого-то спасти или обмануть, хитрил и сам попадался на приманки — в общем, жил полной жизнью. Королева Побережья от души надеялась, что ко дню начала переговоров Конан изволит прибыть в Демсварт и поможет ей навести порядок.

Чабела не ждала посетителей, зная, что сейчас гости коронного замка Бельверуса озабочены сборами в дорогу. Поэтому она слегка удивилась появлению старшей камеристки Фланы и переданной просьбе о немедленной встрече, исходившей от Халька Юсдаля, которому совершенно не требовалось обставлять свои посещения куртуазными расшаркиваниями. Его светлость Юсдаль — доверенное лицо аквилонского короля и человек, уже давно с искренним удовольствием принимаемый при дворе Зингары.

— Он просит дозволения представить Вашему величеству нескольких своих знакомых, утверждая, будто это очень важно, — чопорно добавила Флана и уточнила: — Троих мужчин и деву.

«Не самое подходящее время для знакомств, — подумала Чабела. — Однако вряд ли барону Юсдалю пришло бы в голову отвлекать меня по

пустякам. Раз он сказал — «очень важно», значит, в самом деле важно».

— Проси, — разрешила королева Моря и Суши, как иногда именовали Чабелу на Полуденном Побережье.

— ...Из Рабиров? — растерянно повторила она спустя четверть колокола, выслушав несколько сбивчивые и на редкость путанные объяснения Халька Юсдаля и произнесенные с надлежащей учтивостью приветствия загадочных визитеров. — Вы — из Рабирийских холмов?

Мысленно Чабела перебирала летописи, в которых говорилось о таинственном народе гулей с побережья Хорота, вспоминала слышанные когда-то пугающие легенды. Предания, однако, не имели ничего общего с действительностью, то есть с двумя молодыми людьми, стоявшими перед креслом Чабелы. Мрачно-красивые и необычные, они выжидающе смотрели на зингарскую правительницу, воспитанно помалкивая. Наконец, молодой человек не выдержал:

— Это так, Ваше величество. Похоже, настали времена, когда даже среди нашего племени начинают ходить разговоры о том, что негоже отсиживаться в лесах. Особенно когда престол Зингары перешел к королеве сколь разумной, столь и прекрасной.

Голос у него был мелодичный и ясный, слова он произносил с акцентом коренного уроженца Полуденного Побережья, а в бархатисто-черных глазах прыгали веселые золотые искорки, словно в душе Рейенир Морадо да Кадена посмеивался

над своей чрезмерно откровенной лестью. Чабела вздохнула и решила впредь считать легенды о гулях изрядно искажающими правду. Либо же ей сегодня встретились не самые типичные представители этого народа. Интересно, они в самом деле пьют человеческую кровь? Зачем им это нужно? Но каких недостижимых высот достигнет ее, Чабелы Зингарской, авторитет и репутация среди прочих королей Заката, если она сумеет договориться с этими удивительными созданиями! Еще никто из правителей Зингары не мог похвалиться тем, что заключал договоры с рабирийцами! Узнать бы о них побольше... Надо расспросить Халька, он, как библиотекарь Тарантийского замка, наверняка располагает какими-нибудь сведениями... Но зачем они привели с собой этого жуткого человека с половиной лица, который упрямо держится позади всех? Он пугал Чабелу, хотя она не могла даже мысли допустить о том, чтобы кто-то заметил ее потаенный страх.

— Благодарю,— зингарка улыбнулась: вроде бы всем присутствующим сразу и никому в отдельности.— Однако мне чрезвычайно любопытно узнать, чем вызван столь необычный визит? Насколько я поняла из слов месьора Юсдаля, вы намерены предложить Тараску свои услуги в грядущем сражении между ним и участниками Рокода?

— Скорее, попытаться не допустить этого сражения,— проговорил одноглазый, представившийся Элларом из Рабиров. Ни семейного име-

ни, ни места рождения, ни хотя бы наименования колдовского сообщества, которое он представляет — всего лишь безликое прозвище «Эллар из Рабиров». — Либо же добиться того, чтобы оно велось без привлечения магии. Вашему величеству известно, что Долиана Эрде, предводительница мятежников, располагает талисманом, который иногда называют Алым Камнем?

— Известно,— подтвердила Чабела. Теперь, когда речь шла о вещах, ей знакомых и понятных, она чувствовала себя гораздо увереннее.

— Общее свойство характера женщин нашего рода — доходить в стремлении отомстить до пределов разумного,— извиняющимся тоном произнес Рейе и пояснил, не дожидаясь расспросов: — Поскольку Ринга Эрде — моя младшая сестра, то ее дочь Долиана по всем законам доводится мне племянницей. Я ее ни разу не видел, а хотелось бы глянуть, какой она выросла. У нас редко рождаются дети, поэтому мы очень дорожим теми, которым все-таки удастся появиться на белый свет.

Окончание фразы он пробормотал быстрым шепотом, так что ее расслышала только стоявшая рядом и незаметно кивнувшая Меланталь. Гуль сказал совершеннейшую правду: обитатели холмов над Хоротом в большинстве своем не имели наследников. У самого Рейе и у Меланталь детей тоже не было, хотя и тот, и другая прожили на свете две с лишним сотни лет.

— Подлинное название этого кристалла — Каримэнон,— размеренно и спокойно продолжал

Эллар.— Он очень древний. Настолько, что порой трудно всерьез представить такой отрезок времени.

— А хотя бы приблизительно? — уточнил дошный Хальк.

— Восемь с небольшим тысячелетий.

— Когда миром правил пресловутый Рота — Черный Всадник, — зловец продекламировал Райан, вызвав у гулей легкий смешок, а у рассказчика — кривую гримасу, отчасти похожую на попытку улыбнуться. — Я так и знал! Значит, это действительно уцелевший артефакт Роты! Подлинный кристалл из легендарной Равновесной Цепи! Бедная Долиана... вернее, бедные те, кто с ней столкнется. Сила Равновесия — палка о двух концах, способная ударить посильнее Светлых и Темных сил. Равновесию безразлично, на кого направлен удар.

— Погодите, погодите! — вмешалась Чабела. — Мне отчасти знакомы сказания о Всаднике Полуночи. Он ведь погиб? Вернее, был изгнан из мира, потому что невозможно убить бога. Его цитадель разрушили, остатки его подданных бежали...

— На Полдень, к Закатному Океану — мягко продолжила девица-гуль. — Обосновавшись на берегах великой реки и став с течением времени. Бывшие темные альбы из крепости Астахэнна теперь зовутся гулями Рабирийских гор, — она чуть смущенно пожала острыми плечами, добавив: — Так получилось. Мы сохранили кое-что из того, что знали — книги, предания, маги-

ческие умения — но вот избавиться от своего проклятия не сумели.

— Какого проклятия? — почему-то шепотом спросила Чабела.

— Мы же вампиры, — любезно объяснил Рейенир и оскалился, показав четыре острых, влажно поблескивающих клыка. — Против очевидного, к сожалению, не попрешь. Когда-то мы проиграли свою войну, а с побежденными и их потомками церемониться не принято. Потому мы и взяли себе такое название. «Гуль» — от альбийского слова «гхуле» — «зачарованные».

Хальк Юсдаль обескуражено замотал головой, будто старался поплотнее уложить в ней все уз-нанное.

— Теперь понятно, отчего ксальтотун назвал Дану Эрде ублюдком темных альбов, — растерянно проговорил аквилонский летописец. Он чуть испуганно покосился на Рейе и Меланталя, спросив: — И из-за ее диковинного происхождения она способна управляться с магическим камнем?

— По наитию и счастливой случайности Дана Эрде пока не натворила особых бед, — подтвердил Эллар. — Сейчас в мире нет ни одного человека, которому под силу приказывать Каримэнону. Этому магу, ксальтотуну, и мне известно кое-что, скрытое в редких рукописях, но не более того. Долиане невероятно везет, и она очень талантлива. Я имею в виду, талантлива как возможная магичка, однако при этом совершенно ничего не знает. Незнание делает ее чрезвычайно опасной. Она играет с доставшейся ей Силой,

как ребенок. Нельзя воевать с детьми. Можно попытаться их уговорить, однако...

— Так! — зингарка решительно стукнула маленьким кулачком по подлокотнику кресла. — Кажется, я поняла. Никто не спорит с тем, что герцогиню Эрде надо остановить, но у меня и, допустим, у его милости Тараска различные представления о том, как это нужно сделать. Тараск Эльсдорф предпочел бы увидеть ее труп. Желательно — болтающимся на виселице по соседству с принцем Ольтенем. Я пытаюсь не допустить войны между государствами Заката, ради чего требуется установить, кто обладает законными правами на Трон Дракона. Месьор Эллар не отказался бы принять госпожу Долиану в ученицы или как там это называется у волшебников. Для этого нужно сперва остановить Роккод и забрать у Эрде-младшей талисман, дабы она не учинила пожара на весь Материк. Мое решение таково, — прекрасная королева Полуденного Побережья надменно вскинула голову, заставив присутствующих замолчать и внимать каждому ее слову: — Я имею полное право нанять к себе на службу волшебника, который будет представлять на грядущих переговорах независимый взгляд Зингары, и я это делаю. Господа Эллар и Райан Монброн с этого дня считаются моими придворными магами. Необходимые грамоты подпишем попозже, заодно обсудим размер платы за ваши труды. Месьор да Кадена и госпожа Фриерра могут отправиться в Демсварт вместе с моей свитой в качестве... а, была не была!

Посланников Рабирийского края как независимой области королевства Зингарского. Что еще? Повидать принца Тараска? Прямо сейчас?

— Если это будет не слишком хлопотно для Вашего Величества, — тоном записного льстеца попросил Райан Монброн. Эллар, никогда не отличавшийся изысканностью манер, присовокупил:

— Вообще-то я хотел увидеть того колдуна, что зовет себя ксальтотуном.

— Флана! — Чабела тряхнула схваченным с установленного поблизости одноногого столика бронзовым колокольчиком. — Флана, пошли кого-нибудь разыскать Тараска Эльсдорфа. Пусть его известят, что я хотела бы встретиться с ним в малой тронной зале. И пусть непременно приведет своего страшного колдуна в драконьей маске.

— Да, госпожа! — камеристка, махнув оборками юбок, скрылась за дверью.

— Заранее прошу у Вашего величества прощения, — Рейе казался слегка озадаченным, а его приятельница встревоженной. — Мы благодарим за оказанную нам честь, но не слишком ли поспешный шаг — объявлять о том, что вашу милость сопровождают некие «посланники из Раби-ров»? Людское мнение весьма негибко, оно уже которую сотню лет полагает нас, гулей, крайне опасными. За один день ничего не изменится. Мы, конечно, способны постоять за себя, однако не хотелось бы становиться для Вашего величества источником постоянного беспокойства...

— Я постараюсь как-нибудь пережить это беспокойство,— отмахнулась Чабела и поднялась из кресла. Рейенир, как предписывалось правилами куртуазии, протянул ей руку. Правительница Побережья на миг замешкалась, но, быстро одолев вполне объяснимый легкий испуг, привычным жестом опустила свою ладонь поверх ладони спутника.

— Событие, достойное запечатления в летописях,— почти беззвучно произнес Райан Монброн и сдавленно хихикнул.— Зингарская королева шествует под ручку с гулем!

Однако сам он незамедлительно оттеснил в сторону Халька Юсдаля, составив пару Меланталь Фриерра. И, как заметил барон Юсдаль, по дороге к малой приемной Бельверусского замка безостановочно нашептывал на ушко девице из Рабилов нечто гривуазное, ибо Меланталь улыбалась и поощрительно кивала. Позади звонко цокала когтями по мрамору рыжая кофийская собака.

* * *

— ...И поскольку уже ни у кого не вызывает сомнений, что без вмешательства знатоков магии не обойтись, я и решила озаботиться присутствием еще двоих возможных союзников. Ваше высочество не раз выказывали свое недоверие к стигийцу Тотланту, придворному магу королевства Пограничного. Что ж, я постаралась разыскать взамен людей, независимых от ка-

кой-либо страны. Они изъявили добровольное желание помочь в разрешении трудностей, возникших в последнее время в Немедии, и я согласилась принять их под свое покровительство. Однако это не означает, что я собираюсь указывать им, как поступать. Нам нужны те, кто сможет взглянуть непредвзято, представляя на переговорах в Демсварте сторону разумного судейства.

Тараск Эльсдорф наверняка полагал, что сделал огромную и непоправимую ошибку, пригласив на свою коронацию Чабелу Зингарийку, но исправить уже ничего не мог. Ему оставалось делать только плохую мину при хорошей игре — то есть выслушивать ее требования, подписывать одобренные ею указы и держать свое недовольство при себе. За пять прошедших дней он в совершенстве овладел этим сложным искусством, и теперь, когда Чабела внезапно пожелала представить возможному королю Немедии парочку нанятых ею волшебников, Тараск воспринял это как очередной коварный удар судьбы, который необходимо пережить.

Земля слухом полнится, и, пока зингарская королева со своим кортежем шла по длинным коридорам к малой церемониальной зале Бельверусского замка, ее свита постепенно увеличивалась. Должно быть, Флана успела шепнуть кому-то пару слов, потому что к правительнице Побережья вскоре присоединилась хауранка Тарамис со своими дамами, желающими узнать, что происходит. Там, где присутствовала Тара-

мис Аскауру, следовало ожидать скорого явления аргосского наследника престола, и нынешний случай не представлял исключения — Ариостро незамедлительно возжелал выслушать последние новости. Отлучившийся на краткое мгновение Хальк Юсдаль заглянул в покои аквилонского посольства, что привело к увеличению кавалькады еще на пару-тройку знатных персон, в том числе его светлости герцога Пуантенского и принцессы Ясмелы из Хорайи, а также их свитских и знакомых.

Невнятные сплетни, стремительно переходившие из уст в уста, гласили, будто ожидается появление на людях таинственного волшебника, обретающегося при дворе Тараска. О существовании ксальтотуна знали почти все особы, входившие в Совет Семи королей, однако мало кто мог похвалиться, будто воочию увидел его.

Настоятельная просьба (вернее, слабо завуалированный приказ) Чабелы пригласить на встречу ксальтотуна прозвучала для его светлости Тараска весьма странно. Допустим, Чабела как-то смогла проведать, что в замке короны живут целых три волшебника и среди них — ксальтотун, обладающий одной из самых высоких степеней магического посвящения, но зачем ей понадобилось встречаться с ним? Что еще задумала эта неугомонная женщина, с легкостью вершащая судьбу не только своего королевства, но и прочих стран Заката?

Ксальтотун Менхотеп, узнав о приглашении, коротко хмыкнул из-под своей атласной маски в

виде драконьей головы, и заявил, что непременно прибудет. Сражение за немедийскую корону перешло к тому моменту, когда участникам битвы нелепо и дальше продолжать скрываться в тени. Кроме того, ксальтотун пребывал в легком изумлении, вызванном удивительным изменением облика Орлиных ворот замка. Он лично осмотрел превращенные ворота и допросил ничего не понимающих караульных, после чего вынес приговор: в город прибыл весьма могущественный и совершенно неизвестный ему, ксальтотуну, волшебник, коего хорошо бы разыскать...

Предвкушения и ожидания благородного общества, собравшегося в малой приемной зале, оказались вполне удовлетворены. Завидев высокую фигуру, облаченную в переливающийся всеми оттенками алого и пурпурного наряд, гости растерянно примолкли. Какая-то из фрейлин Тарамис испуганно пискнула и устремилась к выходу, едва ли не прокладывая себе путь локтями.

Увидев вышедшего вслед за Тараском из распахнутыми слугами высоких двухстворчатых дверей и вставшего справа от трона ксальтотуна, Чабела озадаченно подняла бровь и вопросительно посмотрела на Халька. Барон Юсдаль, коему довелось столкнуться с загадочным колдуном в багровых одеяниях несколько дней назад, утвердительно закивал.

Речь Чабелы, тщательно продуманная по дороге, звучала весьма убедительно и разумно. И, если Райан мало походил на общепринятый об-

раз волшебника, то Эллар ему вполне соответствовал.

Бросаемые на него взгляды разнились от откровенно недоверчивых до изумленных, но рабирийский маг не выказывал никакого волнения, словно давно свыкся с подобным впечатлением от своей персоны. Стоял, невозмутимо разглядывал присутствующих и откровенно не замечал ксальтотуна. Бесстрастная голова дракона из поблескивающего шелка слегка дрогнула, в узких прорезях для глаз раздраженно шевельнулись темные зрачки.

— Не слишком ли много волшебников нынче вьется около Трона Дракона? — едко поинтересовался Тараск Эльсдорф, выслушав королеву Побережья. — Впрочем, если Ваше величество считает присутствие этих людей полезным, я не в силах препятствовать ее желанию...

— Да будет мне позволено задать несколько вопросов, дабы убедиться в том, что месьюры, зовущие себя волшебниками, в самом деле являются таковыми? — раскатистый голос ксальтотуна эхом заметался меж тонких золотистых колонн приемной залы.

— Всегда к вашим услугам, — Райан Монброн, которому не стоялось на месте, отвесил в сторону мага в алом одеянии легкий поклон. — Кстати, во избежание возможных недоразумений. Несколько дней назад во дворце побывал именно я. Вкупе с госпожой Эрде и моим младшим родственником. Только не торопитесь обвинять меня в соучастии! Они просто не остави-

ли мне иного выхода! И, в конце концов, отчего ваша милость не озаботилась надлежащим сохранением своей драгоценности? — Райан сопровождал эти слова милейшей улыбкой, до краев полной яда.

Ксальтотун пропустил дерзкий выпад мимо ушей, видимо, не сочтя Монброна-старшего достойным противником. Он повернулся к Эллару, но никаких обещанных вопросов не прозвучало. Маги просто смотрели друг на друга.

— Почему они молчат? — Чабела вполголоса обратилась к Рейе. — Я думала, ксальтотун сейчас начнет дотошно выспрашивать у твоего друга, кто он и откуда...

— Он и спрашивает, — Рейенир обеспокоено нахмурился. — Ваше величество, сделайте милость — отойдите от них подальше. Боюсь, их беседа может вылиться в поединок...

— Магический? — Чабела опасливо попятилась. Ее пример вдохновил стоявших неподалеку Просперо Пуантенца и недоуменно оглядывавшуюся Тарамис. — Надеюсь, они сообразят позаботиться, чтобы никто не пострадал?

— В горячке могут и забыть, — гуль забеспокоился всерьез, щелкнул пальцами, привлекая внимание Меланталь и Райана. Рабирийка в ответ состроила гримасу отчаяния — мол, что я могу поделать?

По залу пронесся слегка ощутимый холодок. Вокруг упрямо наклонившего голову Эллара возникло еле заметное глазу движение воздушных струй, с тихим посвистом описывавших ши-

рокие круги и постепенно наливавшихся пепельно-серым цветом.

— Их нельзя как-нибудь остановить? — испуганным шепотом спросила Тарамис.

— Уже нет. Они должны определить сильнейшего.

— Мне кажется, или... — слегка отсутствующим голосом проговорил Хальк. Он во все глаза уставился на золотого дракона — уменьшенного двойника знаменитого Большого трона Немедии, установленного на мраморном возвышении. Сидение трона, как и полагалось при аудиенции, занимал Тараск Эльсдорф. — Он движется?

— Нет, — чересчур убежденно возразила Чабела. — Это же статуя! Всего лишь золотая статуя!

— Он движется, — упрямо повторил аквилонец. — Стоит на месте и одновременно шевелится. Оживает.

— Да, — пробормотал Рейенир, опасавшийся худшего — возникновения огненных шаров или града ледяных стрел. Начиравшееся колдовство Эллара могло обернуться чем угодно, если у его создателя вновь не хватит сил удержать себя в руках. Вспыльчивый характер Эллара иногда приводил к тому, что заклинания разрывали наложенные на них ограничения, вырываясь на свободу. В тех случаях, о которых знали Рейе и Меланталь, разыгравшуюся магию удавалось обуздать, но вдруг... Сегодня, кажется, Эллару хватило соображения ограничиться сражением иллюзий. Любопытно, кто из присутствующих в церемониальной зале людей способен заметить суиц-

ности, пребывающие на грани Зримого и Незримого миров? Гуль пробежался взглядом по лицам окружающих, ловя меняющиеся выражения и угадывая, что кроется за ними. Оказывается, у Халька Юсдаля есть крохотная искра магического таланта! Он увидел созданных Элларом и ксальтотуном призраков, и теперь потрясенно созерцал поединок. Чабела, похоже, заметила нечто странное, но не в силах осознать, что именно. Она просто беспокоится. Тарамис не видит ничего, только чувствует холодок творимой волшебства. Принцесса Хорайи более восприимчива, но донельзя пуглива — сразу шарахнулась в сторону, неосознанно вцепившись в кого-то из свитских зингарки. Пуантенский герцог по прозвищу Леопард тоже что-то различает, хотя не успевает следить за стремительными движениями призрачных созданий. Самое удивительное, что принц — или король, кто их разберет, этих людей? — Тараск вполне осознает происходящее. Меланталь...

Меланталь!

Предсказательница с рождения отличалась от сородичей обостренными чувствами, а древняя магия Эллара порой слишком сильно ударяла по ее воображению. Вот и теперь девушка-гуль неуклюже мотала головой, словно пытаясь избавиться от дурного сна. Райан вовремя подхватил ее, бросил тревожный взгляд по сторонам, и, заметив таившиеся за колоннами маленькие скамьи, повлек еле державшуюся на ногах спутницу в более спокойное место. Рейе облегченно пе-

ревел дух: Монброн вполне в силах позаботиться о душевном равновесии рабирийки. Хотя Меланталь могла сама догадаться, что без применения магии не обойдется. Ксальтотуну совершенно не нужен конкурент, а Эллар не откажет себе в удовольствии проверить, что может противопоставить ему волшебник из рода людей. И, если тот окажется достаточно умен, привлечет его на свою сторону. Ибо могущество самого Эллара тоже изрядно поуменилось за прошедшие годы. Он многое знает, однако не так много может...

Сотканые магами призраки танцевали в струях темного ветра под самым потолком залы. Рейе видел их: поблескивающего бронзовой чешуей крылатого дракона, живой слепок с холодной вычурной статуи, и ало-бирюзовое создание, отчасти похожее на хищную птицу, творение ксальтотуна. Дракон и птица преследовали общую цель — быструю, неуловимую искру ослепительно-красного цвета. Хаотически метавшаяся искра оказывалась то в когтях дракона, то в клюве птицы, и тогда соперники превращались в круговорот непостижимых красок, пытаясь выхватить добычу. Рейениру показалось, будто птица одержала верх и сейчас принесет крохотную звезду своему хозяину, но дракон атаковал ее сбоку, заставив выпустить искру. Упавший огонек прочертил над залом крутую дугу, завершившуюся в подставленной ковшиком ладони Эллара. На какой-то миг яростный алый блеск стал виден всем присутствующим — кто-то ах-

нул, кто-то приглушенно вскрикнул, закрывая рукой глаза.

Ледяной ветер стих. Привидения растаяли. Тараск яростно обернулся к ксальтотуну, намереваясь бросить своему придворному волшебнику что-то резкое, но носитель драконьей маски бесцеремонно повернулся к нему и настороженному залу спиной, едва не упав, и, неестественно выпрямившись, зашагал к дверям.

— Что сие значит? — негромко осведомилась Чабела.

— Эллар выиграл поединок, — чуть запинаясь, проговорил Хальк Юсдаль. — Верно?

Рейенир молча кивнул. Рабирийский маг одолел своего противника, хотя и не без труда. Победил — и приобрел врага. Ксальтотуну, похоже, еще никто не бросал подобного вызова, и волшебник в алом не научился достойно проигрывать. Теперь он озабочится одним стремлением — отомстить.

Глава седьмая

Из воспоминаний графа Монброна.

«Разбитые надежды»

*Замок Демсварт, Немедия.
24 день Второй весенней луны.*

Нет, Маэль, дорогой, если ты действительно провинился, то даже я, как вице-канцлер Аквилонии, ничего не могу изменить. Верю, ты искреннее сожалеешь о своем проступке, но, по-моему, ты перестарался. Чересчур крупный просчет во всех отношениях. Я не могу отменить распоряжения барона Гленнора, ибо государственное управление и тайная служба друг от друга не зависят. Король Конан категорически запретил мне, Публио, генеральному казначею герцогу Ришильди, да и любым другим людям, занимающими высокое положение при Троне Льва, вмешиваться в дела Латераны. Это прерогатива короля.

— Просперо, ты, конечно, извини,— в беседу вмешался молчавший доселе Хальк Юсдаль.— Но король сейчас не в состоянии решать ни государственных, ни личных дел. Конан бегаёт на четырех лапах, вычесывает блох и пристает с домогательствами к собаке Райана Монброна. А сам Монброн-старший связался с гулями! Митра Солдцезарный, да что же такое происходит в нашем мире! Не то война, не то буйство магии!

— Хальк, потише,— скривился Просперо.— Почтеннейший Маэль, тебе я посоветую вот что... Вернее, не посоветую, предложу. Если тебя с треском выгнали из Латераны за утаивание принадлежащих короне векселей...

— Ваша светлость! Умоляю! К чему лишний раз упоминать об этом постыдном случае!

— Потому что бьют не за то, что украл, а за то, что попался,— невесело хихикнул господин библиотекарь.— Просперо, не смотри на меня волком. Эта роль сейчас больше подходит Конану. Продолжай. Что ты собирался предложить графу Монброну?

— Раз он больше не состоит на государственной службе,— пожал плечами герцог,— я могу таковую предоставить. Для начала — место порученца в моей свите.

— Порученцем? — ахнул я.— Ваша светлость, я благодарен за желание помочь мне, но... Почему бы тогда не мальчиком при лошадях?

— Не хочешь — не надо,— обиделся Просперо, а я запоздало понял, что собственными руками перегородил себе даже самую призрачную до-

рожку к спасению. Герцог никогда не изменяет своих решений, и от других людей он ждет того же самого. — В таком случае я тебя не задерживаю. Ты по-прежнему подданный Аквилонии, но, поскольку не состоишь в свите высочайшего посольства, обязан сегодня же покинуть аквилонский лагерь.

— Просперо, это жестоко, — с неожиданной серьезностью проговорил Хальк, а в моей груди зародился тугой комок ярости, способной в любой момент обрушиться на голову его светлости. Да, он вице-канцлер и вице-король Пуантена и Боссонии, но, в конце концов, мы оба только лишь дворяне. И мой род древнее! Изгоняете? Отлично! И без вас проживу!

— Если моя страна больше не нуждается в моих услугах и мне самом, — процедил я сквозь зубы, — я перед лицом герцога Просперо Пуантенского и тайного советника короля Халька, барона Юсаля, отрекаюсь от графского титула, передаю наследный лен в пользу короля и... Таким образом, я больше не ваш подданный!

— Маэль, не горячись, — предостерегающе вскинул руку Хальк. — Пожалеешь потом!

— Позвольте откланяться! — рявкнул я, поклонился, сорвал с груди золотую цепь с фамильным гербом (разлетелись порванные звенья), швырнул ее под ноги опешившего Просперо, развернулся и быстрым шагом покинул шатер его светлости.

Боги всевидящие, я теперь никто! Слова сказаны! Ни титула, ни состояния, ни земель, ни

собственного дома! Я сохранил только имя, но не могу присоединить к названию замка, из которого происхожу, слово «граф». Отныне я — просто Маэль из Монброна, что в герцогстве Танасульском.

Как ураган, я промчался через устроенный на холме аквилонский лагерь, не замечая знакомых из числа свиты Просперо. Вылетел на пологий берег широкой реки, несущей воды куда-то на Восход, зачем-то зашел по колено в серые волны, зачерпнул горстями воды и плеснул себе на лицо. Только тогда и начал остывать.

Итак, все потеряно. Включая честь? Видимо, да. При мне остался только клинок. Одежду, с которой придется спороть графские гербы, и кошелек с двумя десятками аквилонских кесариев в расчет можно не брать. Как прикажете поступать дальше? У аквилонцев я теперь чужой, да и показываться в лагере Просперо стыдно.

Я вылез обратно, на мокрый пляж, тянувшийся в обе стороны не менее, чем на лигу. Обвел взглядом спокойную полноводную Нумалию, которая в незапамятные времена передала свое имя городу и герцогству на Полночи Немедии. Безо всякого смысла посчитал вымпелы, колыхающиеся над холмами, и внезапно задержал взгляд на квадратном бело-зеленом стяге с черной волчьей головой, поднятом над большими белыми шатрами, принадлежащими королю Эрхарду Оборотню.

Подумал, прикинул, машинально погладил рукоять меча и решительно направился в сторо-

ну, где остановились посланники союзного королевства Пограничья.

— Его величество на месте? — довольно чопорно осведомился я у двух скучающих стражей, маявшихся возле полога королевской палатки.

— Куда он денется? — лениво бросил страж. — Как доложить?

— Маэль, гр... В общем, скажи, что Маэль Монброн пришел. И просит аудиенции.

— Слова-то какие: «аудиенция»... — с непонятной мне помесью восхищения и неприязни пробурчал гвардеец Пограничья. — Будь попроще, благородный господин. Сказал бы: «Хочу повидать короля». Эх, аквилонцы...

Он нырнул за полог и тотчас вышел обратно. Сделал приглашающий жест.

М-да. Я-то надеялся, что Эрхард будет один или, по крайней мере, только с наследником. Но в просторном шатре собралась целая компания. Хорошо хоть личности знакомые. Сам король, Эртель, Веллан, Зенобия, Тотлант, баронесса Цинтия (которая вообще-то жила в лагере мятежников, но постоянно бегала в гости к оборотням). Она-то первой и обратила внимание на мой потерянный облик:

— Граф! — ахнула Цици и уставилась на меня широко раскрытыми глазами. — Маэль, на тебе лица нет! Что случилось?

Как положено по этикету, я поклонился королю.

Эрхард ответил благожелательным кивком и сразу указал на деревянные кружки и жбанчик с

пивом, громоздящиеся на складном походном столике.

— Привет, привет, — в один голос сказали Эртель с Велланом. Наследник продолжил:

— Маэль, ты бледный, как творог...

— Скорее, как упырь, — поправил Тотлант, озадаченно глядя на меня. — А ну, выкладывай! Плохие новости?

— Для меня — очень. Мне будет позволено обратиться к Его величеству?

— У-у... Значит, в самом деле что-то серьезное, — покачал головой король Эрхард. — Во-первых, граф, мы не в Тарантии, при Троне Дракона. Говори, как умеешь, а не как положено. Во-вторых, к Его величеству обратиться позволено Его же величеством. Излагай.

— Дело в том, что я больше не граф.

— Печально, однако не смертельно, — тотчас отозвался Веллан. — Тебя титула лишили?

— Не говори ерунды, — Тотлант жестом приказал Веллану заткнуться. — Никто не может лишить аквилонского дворянина титула, включая короля. Древняя священная привилегия. Изгнать, посадить в тюрьму, казнить — сколько угодно. Но даже на плахе ты останешься графом или герцогом. Ага, кажется, понял! Маэль, дело связано с тем письмом, которое запустили в твое окно несколько дней назад вместе с камнем? И что такого? Я уже рассказал эту историю Эрхарду...

— Подумаешь! — фыркнул король Пограничья. — В награду за верную службу Трону Льва

сам себя наградил офирскими векселями. Какое у тебя жалование было в Латеране? Так вот, не расстраивайся и не терзайся. Я бы на твоём месте тоже не отказался от бумаг на целых четыре с лишним офирских сфинкса!

— Месьор придворный маг абсолютно прав,— выдал я, обращаясь к Эрхарду,— никакая власть не вправе лишить меня наследного герба. Кроме меня самого. Я отрекся.

— Отрекся? Отрекся?! — кажется, это слово повторили хором все присутствующие в шатре.— Зачем?

— Просперо обидел меня...

— Вот дурак! — это воскликнул Эрхард.— Нет, не Просперо, а ты! Кажется, я знаю, зачем ты сюда пришел. Просить подданства Пограничья как страны, принимающей любых беглецов и неудачников?

— Ну... Да. Ваше величество, дело в том, что я могу бы принести пользу королевству... В конце концов, никто не знает, где спрятаны векселя. Те самые. Я внесу эти деньги в казну Пограничья.

Эрхард поперхнулся. Эртель с Велланом немедленно завопили: «Берем! Берем и на службу, и куда угодно! За такие-то денежки! И титул дадим! Будет у нас Пограничье первый и единственный граф!»

— Закройте рты,— цыкнул король, показывая, кто здесь отдает приказы и принимает решения. Посидел, хлебнул пива, вздохнул и, наконец, молвил:

— Мазль, ты, конечно, человек хороший. И четыре сфинкса на дороге не валяются. У меня в казне и того меньше. Но, понимаешь ли, подданство Пограничья не покупают. Ты сразу же сделал ошибку, предложив мне деньги. Поверь мне, самая дорогая вещь в мире — глупость. Сейчас ты сглупил. И поссорившись с Просперо, тоже сглупил.

— Гав! — короткое взлаивание донеслось у меня из-за спины. Покосившись, я увидел сидящего на ковре громадного полупса-полуволка черной масти. Я покраснел до корней волос. Оказывается, Конан, точнее, Кораннон, тоже здесь. И все слышал. Правда, неизвестно, понимал он наши разговоры или нет, но, судя по исключительно заинтересованному взгляду, король в своей новой ипостаси продолжил следить за событиями. И полностью поддержал слова Эрхарда.

— Подданства ты не получишь,— веско произнес старый оборотень. Кораннон одобрительно рявкнул.— Конечно, мы поддержим тебя и ты останешься нашим другом, однако жить в Пограничье тебе незачем. Помиришься с Просперо, извинишься. Скажи, что погорячился, с кем не бывает. Если нужно, я с ним поговорю. Или попросу Чабелу это сделать.

— Никогда! — с жаром воскликнул я.

— Мазль...— Тотлант посмотрел укоризненно.— Иногда бывают случаи, когда гордость, вернее, гордыню, нужно заткнуть поглубже. Смирить.

— Хо-хо! Четыре сфинкса! Четыре тысячи золотых офирских талантов! — наконец подала голос Зенобия. — Маэль, рано падать духом! На такие непомерные деньжищи ты запросто купишь и титул, и лен в любой стране Заката.

— В Шеме, например, — злобно прошипел я и, не прощаясь, выбежал из шатра. Какие же они бессердечные! Я-то, дурачок, был уверен — друзья никогда не подведут!

— Граф, граф, подождите!

Я обернулся, увидев взъерошенную Цици, выскочившую вслед за мной.

— Госпожа баронесса?

— Всю дорогу была Цици, а теперь вдруг баронесса? — зашебетала Цинтия. — Не надо сердиться и злиться! Я уверена, Эрхард не хотел тебя обидеть. Зайди к нему ближе к вечеру, мы его уговорим... Папочка всегда говорил, будто из самой сложной ситуации отыщется самый простой выход. Честное слово!

— Благодарю за заботу, — холодным, словно граскаальский гранит тоном отвечал я. — Однако сорок второй и последний граф Монброн в ней никогда не нуждался и не нуждается. До свидания.

Оторопевшая Цинтия осталась стоять подле Эрхардова шатра, а меня ноги сами понесли к большой, отлично обустроенной стоянке, где обосновалась королева Чабела. Если вам так плохо, что впору братья за мыло и веревку, куда вы первым делом отправитесь? Верно, к родственникам!

Родственничек у меня в обозримой реальности имелся только один. Райан Танасульский, один из первых носителей славного имени Монброн, маг и авантюрист, живущий на этом свете пятую сотню лет благодаря древнему драконьему проклятию.

Обитает Райан вместо со своими новыми и крайне неприятными мне друзьями под покровительством Ее зингарского величества королевы Чабелы.

Уж не знаю, какими сладкими речами Райан и приехавшие вместе с ним к Демсварту гули и незнакомый волшебник с обезображенным лицом соблазнили Чабелу, но очаровательная монархиня, видно, сочла обитателей Рабиров своими заблудшими подданными, наконец-то решившими вернуться под благодатную сень Скипетра Морских Королей. Их поселили на почетном месте — в полусотне шагов от гигантского пышного шатра голубого цвета, расшитого серебристыми дельфинами и увенчанного знаменем Золотой Башни Кордавы.

Родственничек окончательно обнаглел. Украстил свою палатку родовым вымпелом Монброн — крылатый меч на алом поле. Вообще-то только я имею право носить этот герб. Ох, простите, имел до сегодняшнего дня.

У входа возлежит величественная, как Великий сфинкс Птейона, здоровенная рыжая псица с плоской черной мордой, коротко обрезанными ушами и хвостом. Вечная и верная подружка Райана. Собаку зовут Чинкуэда, она являет со-

бой образец чистейшей крови кофийской бойцовой породы. Животное — своего рода секретарь моего досточтимого предка. По-моему, она немножко разумна. Во всяком случае, Райан частенько посылает ее что-нибудь разузнавать, разведывать или разнюхивать, Чинкуэда возвращается и, вероятно, докладывает хозяину последние новости.

Я попытался обойти Чинкуэду, но та подняла голову и угрожающе зарычала.

— Тьфу! Проклятущая тварь! Пойди к хозяину, доложись!

Боги, стою, как последний идиот, с собакой разговариваю...

Собака лениво встала, раздвинула полог боками и исчезла в полутьме. Изнутри немедленно донесся яростный вопль:

— Если это не крушение мира и не совет у Чабелы, то меня здесь нет! Убирайтесь!

— Райан, это я, Маэль! — в ответ тоже пришлось кричать. — Можно войти?

— Нельзя! Я занят! Завтра! Нет, лучше послезавтра! Завтра очень важный день, мы должны подготовиться!

Теперь-то я понял истинное значение слова «озвереть». Это когда с трудом подавляешь желание выхватить клинок, рассечь полотняную стену шатра и ввалиться вообще без всякого приглашения. Впрочем, хватит с меня на сегодняшний день глупостей, правильно сказал Эрхард. Попытаемся быть вежливыми. Хоть самую малость.

Я осторожно вошел в шатер. Ясно. Месьор волшебник изволит давать приватную аудиенцию некоей благородной даме. Дама невелика ростом, худощава, черноволоса с проседью и вообще очень мила, если не обращать внимания на неподвижный тяжелый взгляд и не улыбочность. Такой мрачноватой красотой обладают только рабирийские гули, к коим, собственно, новая приятельница Райана и относится. Зовут привлекательную, но жутковатую особу на зингарский лад — Меланталь Фриерра.

Монброн-старший точно свихнулся. Обычные женщины его больше не устраивают. У меня бы духу не хватило связаться с подобной красоткой. Проснешься утром, а горло-то у тебя и перегрызено...

— Чего? — взвился (в буквальном смысле — вскакивая с расстеленного на полу шатра толстого ковра) уважаемый предок. — Я же говорил — занят! Маэль, когда ты перестанешь мне надоедать?

— Когда ты наконец-то уляжешься в могилу! — шикнул я. — К своему ужасу, подозреваю, что это случится очень скоро.

— Райан, выслушай молодого человека, — серебристо проворковала девица-гуль, тоже усаживаясь и без особой поспешности натягивая на острые плечи разноцветное покрывало. — Судя по его лицу...

— Вижу! — сердито рявкнул в ответ маг. — Сделай одолжение, выйди наружу. Я сейчас оденусь и приду!

Он явился быстро, на ходу застегивая колет невообразимого ярко-алого цвета. Из непрменных широких разрезов на рукавах выглядывала голубая ткань с золотым шитьем. Райан всегда любил одеваться чересчур ярко и вызывающе.

— Ну? — нетерпеливо бросил предок.

Ему хотелось обратно в палатку, а я его отвлекал...

— У меня беда, — коротко сказал я.

— У всего мира беда. Ты, как последний эгоист, носишься только с самим собой. Над полагать, на этот раз твоя драгоценная персона действительно в опасности? Если верить выражению лица, вполне подходящему для мертвеца трехдневной давности. Говори, только быстро!

Я и рассказал. Обо всем. Про векселя, про письмо, влетевшее в окно постоялого двора, про сегодняшнюю беседу с Просперо, где я каялся в грехах и просил его светлость воздействовать на барона Гленнора, дабы тот изменил свое решение. И даже про брошенную к ногам герцога дворянскую цепь.

— Болван! — взвыл Райан, хватаясь за голову. — Никчемный мальчишка! Потерять герб, титул, имя, славу которому создавал отнюдь не ты! Кстати, где ты спрятал векселя?

— В Тарантии. И вообще, какое отношение к делу имеют закладные бумаги офирских золотых копей?

— Самое прямое! Пока у тебя не отобрали аквилонские подорожные, отправляйся в столицу, забирай бумаги и уноси ноги из Аквилонии ку-

да-нибудь подальше! В Туран, в Агидею, в Нехрем...

— Может, сразу в Черные Королевства? — я тоже повысил голос до неприличия. Ничего себе, картина: стоят два благородных месьора и в голос орут друг на друга. — Я прошу у тебя помощи, как у... Как у родственника, наконец!

— Для мира я умер четыреста с лишним лет назад, — справедливо огрызнулся Райан. — Меня нет, я не существую! Мертв, двинул кони, скончался, отбросил копыта, ушел к Нергалу, окочился, перекинулся! Четыре столетия прошло! Мое имя выбито на памятной доске в фамильном склепе!

— Райан, можно потише? — из-за полога выглянула очаровательная физиономия обитательницы Рабириков. — У тебя просто попросили совета. Ты же вопишь так, что к вечеру, буде окажется попутный ветер, тебя услышат на Полу-денном Побережье.

— Мелла, я сам разберусь! — отмахнулся маг и снова уставился на меня колючими зелеными глазами. Дама презрительно хмыкнула и исчезла в шатре. Рыжая собака сидела у нас под ногами, переводя недоуменный взгляд то на одного, то на другого. — А ты... Ты — неудачник! Бездумный юнец! Пошел вон отсюда, пока не огреб фамильное проклятие по всей форме! Клянусь именами всех богов, прокляну! Да так, что следующую тысячу лет проквашаешь в болоте!

Зря я сюда пришел. В лягушку он меня, конечно, не превратит, но проклясть действитель-

но может. Нет ничего хуже настоящего магического проклятия.

Я сплюнул, попав одновременно на блестящий сапог Райану и на лапу собаке, шепнул под нос словечко из богатого арсенала ругательств, приобретенного во времена пиратствования на Закатном океане и быстро зашагал, куда глаза глядят. Даже не оглянулся, хотя предок что-то орал вслеп.

Жизнь стремительно теряла всякий смысл.

Стоп! Значит, во времена пиратствования? На Закатном океане? В Кордаве? В чине королевского корсара? Забери меня самый злобный демон Нижней Сферы! Это мысли! Мой прежний капитан, Сигурд из Ванахейма, иногда присылает мне письма с долгими, обстоятельными, в подлинном нордхеймском духе сагами о плаваниях «Крылатого змея». Клянусь потерянной честью, плюну на все, вернусь обратно в Кордаву и снова подамся в пираты! Уж кто-кто, а Сигурд меня точно не выгонит! И пропади оно все пропадом!

Я отыскал коновязь, где была привязана моя кобыла — Бебита счастливо повела ушами и фыркнула. Хоть кто-то рад меня видеть. Подтянул подпругу, забрался в седло и поехал через холмы к замку Демсварт, громоздящемуся на высокой скале над рекой.

Расположенные вокруг Демсварта поля, рассеченные перелесками и оврагами, представляли сегодня зрелище удивительное. Весь полуденный берег реки мерцал оранжевыми огоньками костров. У подножия замка, на окружавших скалу

возвышенностях, расположились лагерями высочайшие посольства — зингарцы, аквилонцы, Тарамис с охраной, король Пограничья, аргосский принц, соправители Хорайи, посланники Офира, Альбиорикс Бритунийский со своей гвардией, больше смахивавшей на отряд разбойников. Весь совет Семи королей. Отбыли на родину лишь великий визирь Турана, который рассудительно предпочел не вмешиваться в непонятный для него спор за одну из корон Заката, да оскорбленный Балардус Кофиец, которого все и каждый теперь подозревали в тайных интригах, приведших Тараска к трону. Центром этого довольно большого импровизированного поселения служил шатер королевы Моря и Суши, Чабелы. Всего, если считать со слугами, охраной и свитскими, набиралось не меньше двух тысяч человек.

За Демсвартом, вниз по течению реки Нумалии, стояли мятежники. Или не мятежники, а добропорядочные дворяне, поддерживавшие законный Рокод принца Ольтена. Довольно большая армия, около десяти тысяч конных, не считая отрядов ополчения. Выше по течению, то есть за шатрами Семи Королей, разделяющих две враждебные стороны, можно заметить драконьи вымпелы Тараска, тоже притащившего с собой немаленькое войско. При этом все и каждый, начиная от Чабелы и заканчивая распоследним пажом свиты герцогини Эрде или гвардейским лучником Тараска, утверждали, будто явились к Демсварту разрешить дело миром. Армия высту-

пает лишь в качестве веского аргумента, способного переломить ход споров в ту или иную сторону. Как говорил мой бывший начальник, барон Гленнор, «аргументы бывают двух видов: веские и увесистые». Военные силы двух соискателей короны приблизительно равны, причем Тараск и Ольтен дали неременные гарантии посредничающим монархам Заката, что при любом исходе стороны будут чтить нейтралитет Чабелы и компании. Еще бы! Если с головы Ее зингарского величества или вошедших в комплот королей слетит хоть один волосок, объединившиеся страны заката разнесут Немедию в пух и прах. Переговоры назначены на завтра.

Впрочем, теперь мне все равно. У самого подножия Демсварта есть деревушка, а в деревушке, само собой, кабак. Ничего не остается делать, как поехать туда и напиться. А завтра утром — на Полуденное Побережье! К Сигурду!

* * *

Деревня, прижившаяся у корней старинного замка, носила несколько странное для Немедии название — Алгиз. Так называется одна из норхеймских рун, обозначающих ограду меж мирами, а как следствие — охранный знак, оберегающий тебя от вторжений извне. Нордхеймцы тут, что ли, жили?

Жизнь в деревушке была даже не ключом, пышным фонтаном. Местные кметы очень быстро разобрались, что и во времена смуты можно

недурно заработать. Едва несколько дней назад возле Демсварта появились первые шатры, а обитатели Алгиза смекнули, что находятся на нейтральной территории под защитой Семи королей, как немедленно начали извлекать пользу из своего положения.

Самая бешеная деятельность развернулась вокруг питейного заведения. Раньше это была небольшая таверна, вполне отвечавшая простым потребностям местных жителей и путешественников, проезжающих с Заката на Восход и обратно. Десяток столов, несколько комнаток наверху, да и все. Пиво, свиные колбаски, капуста, для особо благородных — кислое недодержанное вино. Теперь главная деревенская площадь, на которой располагались важнейшие центры здешнего бытия (сам кабачок с патриотическим наименованием «Лошадь Сигизвульфа», часовня Митры и дом старейшин) превратилась в одно огромное питейное поле. Площадь выстлали соломой, на скорую руку натащили длиннющих столов из козел, на которые положили доски. Помогавшие хозяину девицы и молодые кметы суетились, обнося бесчисленных гостей свежим пивом — пиво варили тут же, в огромных количествах.

Обе враждующие стороны — люди, поддерживавшие как Тараска, так и Ольтена — решили, что нейтральная полоса отлично подходит для многообразных встреч. Во-первых, деревню охраняли расфуфыренные зингарские гвардейцы из охраны Чабелы, которым строго-настрого приказано не допускать стычек и драк, во-вторых, в

обоих армиях находились родственники и просто друзья, по тем или иным причинам вставшие под различные знамена, а в-третьих, в Алгизе можно просто поспорить и выяснить, кто прав, а кто виноват.

Я въехал на главную площадь, в восемь рядов уставленную столами, над которыми раскачивалось длиннущее холщовое полотнище с кривой надписью «Лошадь Сигизвульфа» (таверну назвали в честь старинного немедийского короля, подчинившего земли Коринфии и сделавшего их протекторатом Немедии. Точнее, не в честь самого Сигизвульфа, а в честь его лошади, которая по легенде однажды спасла жизнь великому королю и полководцу, встав на дыбы и приняв грудью предназначенную Сигизвульфу отравленную стрелу).

Истинное столпотворение! Человек четыреста, не меньше. Наверное, захолустный Алгиз никогда не видел такого многоцветия одежд, гербов и драгоценностей. Лучшие люди Немедии, знатные и не очень дворяне, ненаследные баронские сыновья, просто наемники. Какие-то девицы, чье поведение я мог охарактеризовать с первого взгляда, как «легкое». Да, для кого-то война — очень доходное ремесло.

Весь этот конгломерат бурлит, пьет, спорит, ругается, закусывает, где-то поют хором... Я углядел, что слева, шагах в пятидесяти от столов, огорожена веревочками с разноцветными флажками специальная площадка — на площади по распоряжениям Совета Семи королей драться

нельзя, однако какой благородный дворянин обойдется без дуэли с обидчиком?! Поэтому, если вы решили вызвать кого-то на поединок, извольте отправляться к отведенному для того месту, за которым надзирают отлично разбирающийся в дуэльном кодексе усатый зингарский капитан и четыре гвардейца «Морской тысячи», охраняющей жизнь и безопасность королевы Чабелы, ставшей на сегодняшний день самой знаменитой и влиятельной женщиной Материка. Между прочим, если судить по обрывкам разговоров, которые я слышал, выискивая свободное место за столами, и сторонники Тараска, и поддерживавшие Рокод дворяне относились к Чабеле с одинаковым пиететом, признавая, что если бы не своевременное вмешательство умнейшей зингарской королевы, Немедия давно канула бы в омут гражданской войны.

— Здесь можно присесть... э-э, господин барон?

Я заметил небольшой клочок скамьи, на котором вполне мог бы уместиться, если бы толстый месьор в малиновом бархате и с баронской короной на гербе чуточку подвинулся.

— Конечно, граф! — взревел лысоватый краснотелый толстяк, увидев на моем колете герб Монбронов, на который я теперь не имел никакого права. — Ого, да ты из Аквилонии! Свита герцога Просперо, если не ошибаюсь?

— Нет, я сам по себе, — ответил я, присаживаясь. — Решил поучаствовать в настоящем приключении и примчался сюда из Тарантии.

— Вот как? — громыхал незнакомый барон, одновременно подзывая запыхавшихся служек. — Кружку пива моему аквилонскому другу! И еще две кружки мне!

— Принесите копченого цыпленка! — крикнул я вдогонку. — И тушеных овощей!

— Значит, ты решил просто поучаствовать в веселье? Кстати, мое имя — барон Дорн, — низкий, но мощный голос барона меня оглушал. — Вот истинно дворянский поступок, приключения ради приключений! Ты на чьей стороне?

— Пока еще не определился, — мрачно буркнул я.

— Вот он, — толстый господин Дорн неприлично указал пальцем на низенького пожилого месьора, сидевшего напротив, — расхаживает под знаменем мятежников. Между прочим, прошу познакомиться. Это мой дядюшка — граф Хальдор. Как забавно! Мы, родственники, стоим по разные стороны битвенного поля! Да когда такое случилось в Немедии последний раз?

— Маэль Монброн Танасульский из Аквилонии, — представился я, честно опустив уже не принадлежащий мне титул. Если уж немедийцы решили полагать меня графом только по гербам и короне на одежде, пусть так и будет. Но врать в глаза я не стану. Хватит. Лучше будет начать новую жизнь прямо сейчас и быть честным человеком во всем.

«Полуправда — худшая ложь», — язвительно хихикнул в моей голове голос Райана. Я немедленно прогнал так некстати явившийся образ

проклятушего предка и вцепился в глиняную миску, которую поставили мне под нос. Цыпленок плохо прокопчен и сочится мясным соком, перемешанным с кровью, капуста с яблоками кисловата, хлеб чересчур приправлен гороховой мукой, но есть можно. Тем более под крепчайшее черное пиво. Еще теплое, между прочим, только что из котла.

— Вам, аквилонцам, приключения, — проворчал сквозь набитый рот обгладывавший баранью лопатку пожилой граф Хальдор, — а у нас беда.

— Которую ты сам, дядюшка, со своими голодранцами и накликал! — немедленно возразил толстый барон. Меня в это время тронули за плечо — служка намекал, что не худо бы заплатить за принесенную еду. Я выдал ему целый аквилонский кесарий (стоимость обеда в лучшей таверне Тарантии! Да чтобы я за такие деньги ел эти помои? Плевать... У Сигурда заработаю в сотню раз больше!).

Дорн продолжал рычать:

— В случае с государем нашим Тараском все законы соблюдены! Вся королевская семья погибла. По древним уложениям трон перешел к ближайшему родственнику-мужчине. Ольтена погребли в фамильной усыпальнице Эльсдорфов! Я сам был свидетелем, как жрецы Митры подтвердили — да, действительно, тело Ольтена. Только сам Ольтен сильно обгорел, потому был захоронен в крытой домовине, но все видели труп его прелестной супруги, принцессы Кариолы. Что, жрецам не веришь?

— Любого жреца можно купить,— ответственвал дядюшка.— Сунул мешочек, полный ауреев, и он тебе расскажет, как самого Эпимитриуса хоронил. И могилу покажет, которую ищут уже тысячу лет. Не верю, племянничек, не верю! В Ольтена — верю. Потому что живой он и самый настоящий. Кто еще должен наследовать трон по закону, кроме королевского сына?

— Пусть сперва докажет! — с надрывом завопил толстый барон Дорн.— Сколько раз бывало: один человек похож на другого, будто одна еловая иголка на другую! Вот скажи, почтенный граф Маэль, помнишь ли события в Аквилонии шесть лет назад? Когда обнаружился некий проходимец, как две капли воды похожий на нынешнего короля Конана?

— Было дело,— согласился я.

— И я о том говорю! — Дорн брякнул деревянной кружкой о доски столешницы.— Почему бы у нас в Немедии такому не случиться? Я, само собой, как дворянин, не одобряю, что на троне великой державе сидит дикарь и варвар, но если вам, аквилонцам, нравится ходить под ним — дело ваше. Но лучше бы вы в короли взяли Просперо Пуантенца. И высокороден, и умен...

От имени Просперо меня едва не вывернуло. Я поспешил вернуться к прежней теме разговора:

— Между прочим, уважаемый месьор Дорн, существует много надежных способов определить подлинность крови человека, называющего себя принцем Ольтеном. Люди, ранее знакомые

с сыном Нимеда, могут соврать или ошибиться, однако не стоит забывать про магию. Магия не лжет.

— Магия-шмагия! — поморщился толстяк.— Магия-то не лжет, зато сами колдуны! Знал я одного, другого подобного вралю поискать. Золото из глины варил, продавал направо и налево. А по ближайшему рассмотрению оказывалось, что не золото это вовсе, а ртутная амальгама! Да любой маг соврет — недорого возьмет! Или дорого, что скорее всего.

— Но ведь можно найти незаинтересованного волшебника,— разумно возразил дядюшка барона Дорна.— Не немедийца. Например, придворный маг короля Пограничья — чем плох?

— Стигиец? — набычился Дорн.— Да как поганое змеиное отродье вообще пустили в приличное общество? Ему я поверю в последнюю очередь! И какое такое Пограничье? Где такая страна? Какой там король? Хвост в штанах прячет, подумать только! Да чтобы один из венцов Заката, пусть и худший, носил нелюдь? Мало нам диких киммерийцев на тронах? Вы еще на гуля корону нацепите! Или на вурдалака! Мир принадлежит нам, людям!..

И так далее, и тому подобное. Доев полусырого пылленка и невкусные овощи, я почти перестал прислушиваться к спору двух благородных сородичей, убежденных в прямо противоположных друг другу истинах. Заказал еще одну кружку убойного пива, ибо решил сегодня напиться вдрызг, извинился, встал и вместе с

кружкой, где плескалось две кварталы темного густого, как мед, напитка, побрел в сторону площадки для дуэлей. Вызвать, кого-нибудь, что ли? Вон тот немедийский дворянин косо на меня посмотрел! А этот наступил на ногу!

— С-сударь! — меня взяли за плечо и развернули. Так, понятно. Пьянящий в дым провинциальный барон, да вдобавок бастард — красная перевязь на гербе. — М-можно попросить?..

— Попроси, — надувшись, ответил я. От бастарда несло, как от целой винной бочки.

— Не соблагогли... Не соблаволи... Короче, не соблагого...

— Соблагоизволит, — любезно подсказал я.

— Верно! Я тебя вызываю!

— За что? — изумился я.

— За оскорбление моей дамы сердца, — очень отчетливо и раздельно, как умеют только исключительно пьяные люди, сообщил бастард с золотым лососем в синем гербовом щите. — Ты только что о ней плохо подумал!

— Соблагоизволю, — я поморщился. — Идем. Свидетели поединка нужны?

В моей изрядно затуманенной голове появилась идея кликнуть свидетелями пухлого барона Дорна и его дядюшку. Нечего сидеть и пиво жрать, когда люди сражаются за свою честь!

Поскольку вызвавший меня бастард довольно твердо держался на ногах, но не мог членораздельно выговорить и слова, представляться перед зингарским капитаном, следившим за порядком на дуэльном поле, пришлось мне.

— Маэль Монброн, гр... гра... э-э... из Аквилонии. Вызван на поединок за оскорбление дамской чести месьором... — я подтолкнул локтем заiku. Тот встрепенулся и тщательно произнес:

— Н-незаконный сын барона Ш-шверина. К услугам.

— Прошу, — любезно кивнул зингарец, указывая нам на освободившуюся площадку, откуда утаскивали чей-то труп.

Я-то всегда считал, что нет ничего проще, чем рубиться на мечах с подвыпившим противником. Да ничего подобного! Пока ваш соперник не выдохнется, он гораздо более верток и ловок, чем человек более трезвый. Он даже умудрился задеть меня острием по колету, распоров рукав, но все-таки я потребил черного пива гораздо меньше (недопитая кружка пребывала на сохранении у бдительного зингарца) и после четвертого выпада я ранил супостата в бедро, он упал и тотчас признал свое поражение.

— Надеюсь, ты больше не полагаешь, что я плохо подумал о твоей, несомненно прекрасной даме сердца, — слегка заплетающимся языком сказал я поверженному бастарду, получил утвердительный ответ, поклонился (едва не упав), забрал верную кружку и поковылял обратно к столам. Если уж решил напиться, то намерение должно быть осуществлено в полной мере.

Клочок лавки возле толстого барона Дорна уже оказался занят — явился какой-то мелкий дворянчик из свиты королевы Тарамис. Дядюшка и племянник наперебой растолковывали но-

вому слушателю, что Тараск имеет все права на престол Немедии, но такими же правами обладает и Ольтен. Юнец послушно кивал. Я обошел все столы, но свободного места не обнаружил. Ближе к вечеру число желающих покутить на «ничейной земле» безмерно возросло.

Наверное, сами боги направили меня к дверям приземистого дома из черных бревен, который, собственно, и являлся «Лошадью Сигизвульфа». Мне почему-то взбрело в голову, что, если господа благородные веселятся на улице, то внутри обязательно отыщется тихое местечко.

Дорогу внутрь перекрыли двое здоровенных деревенских парней, смотревших одновременно и нагло, и почтительно.

— Прощения просим, ваша милость, — сказал один из них, — туда заходить дозволено либо по разрешению хозяина, либо за а-агромазные деньги.

— С-сколько? — брезгливо осведомился я, понимая, что обитатели Алгиза решили нажиться на приспешниках Ольтена и Тараска на две жизни вперед.

— Пять ауреев, ваша милость, — вздохнув, ответил здоровяк. Наверное, он даже не представлял себе, как выглядит такая огромная сумма. В деревнях редко видят золото.

Плюнув на будущее, которого у меня все равно не было, я запустил руку в кошелек. Пальцы нащупали две самые тяжелые монеты, каковые по рассмотрению оказались аквилонскими солидами — знаменитый «Двойной лев». Каждый со-

держит в себе драгоценного металла на стоимость десяти обычных кесариев. Золото и платина, обиходное название порождено двумя отчеканенными львами, поддерживающими вензель монарха, «КК» — Конан Канах. Да провались он, этот Конан! Отлично, одной монетой заплачу за вход, другую пропью.

— Ой, господин, — сморщился верзила. — Денежка незнакомая, чужестранная. Я лучше хозяина позову.

Хозяин явился мгновенно. Оценил тяжесть «Двойного льва», отсыпал мне четыре немедийских аурей сдачи, залебезил и лично проводил внутрь. Действительно, помещение для самых почетных гостей. По гербам я различил аж целых трех герцогов и... и...

А что здесь делает Тотлант?

Стигийский волшебник восседал за отдельным столом и разговаривал с абсолютно незнакомым мне человеком. По виду — тоже стигийцем. Второй носил непритязательные коричневые одеяния, как и Тотлант, брил голову наголо, отличался темно-коричневой, очень загорелой кожей, множеством морщин на лице и простыми серебряными серьгами в обоих ушах. Только взгляд уж больно величественный.

Мне почему-то сразу вспомнилось имя — Тот-Амон. Хотя нет, с Тот-Амоном я однажды сталкивался. Он куда сухоощавее, на левой щеке торчит большая бородавка и выглядит гораздо грознее. Это не Тот-Амон, точно. Это кто-то другой.

Я довольно развязно подошел к столу, плюхнулся на сиденье рядом с Тотлантом, фамильярно обнял его за плечо и, громко рыгнув, сообщил:

— Привет! Меня отовсюду прогнали! Даже родной предок! Он с этой... с гулью... с гулей... в общем, с рабирийской кровопивницей воркует!

Впервые я увидел Тотланта испуганным. Волшебник замялся, кашлянул, неприязненно глянул на меня, потом виновато — на пожилого собеседника...

— Может быть, я не вовремя? — запоздало сообразил я.— Извини. Наверное, у тебя важный разговор?..

— Пусть молодой человек присядет,— меня тщательно изучили взглядом темных, пронизывающих, чуть навывкате глаз. Престарелый стигиец гостеприимно указал на потемневший от времени табурет.— Тотлант, сын мой, представь нас.

«Сын мой»? Что бы это значило? Традиционное стигийское обращение старшего к младшему?

— Маэль,— слабо выговорил придворный волшебник короля Эрхарда,— познакомься. Это Менхотеп, мой отец.

— К вашим услугам,— я снова подскочил, качнувшись, и поклонился.— Маэль, бывший граф Монброн. Так сказать, в отставке.

— Не лишенный чувства юмора,— без тени улыбки сказал родитель Тотланта.— Я тебя помню. Видел однажды.

— Когда? — изумился я.

— Около одной луны тому,— признался Менхотеп.— В замке короны Бельверуса. Когда ты и твои друзья решили похитить у ксальтотуна его драгоценность.

И тут внезапная догадка озарила мой разум.

— Так... Так это ты — ксальтотун?

— Я. Сиди спокойно. Хочу с тобой побеседовать,— он повернулся к ерзавшему Тотланту и качнул поблескивавшей в свете факелов лысой головой: — Ступай, выполняй задуманное. Я выслушал твои слова и нахожу их справедливыми.

Маг из Пограничья встал, неловко потоптался на месте, словно хотел мне что-то сказать. Потом махнул рукой и ушел. Я остался, растерянно пялясь на ксальтотуна и не представляя, зачем ему понадобилось со мной беседовать. Неужели потребует ответа за украденный Талисман? Так у меня камешка нету, его Дана Эрде забрала...

— Кое-что о тебе мне известно,— невозмутимо заговорил стигиец.— Ты служил аквилонской Латеране. Сегодня твои темные делишки выплыли наружу. Просперо Пуантенский, надо полагать, тоже указал тебе на дверь? Что ж, посмотрим правде в глаза. Ты лишился титула, и, если тебе не удастся побывать в Аквилонии и навестить свой тайник, ты останешься без единого золотого в кармане.

Мне бы возмутиться столь бесцеремонным вмешательством в мои дела, а я вяло кивнул. Ксальтотун, кем бы он ни был, говорил истину.

Неприятно звучащую, но совершенно справедливую.

— Что ты намерен предпринять? Уехать?

Я опять кивнул. Кивать было очень легко. Не требовалось почти никаких усилий.

— Куда?

— На Полуденное Побережье,— нехотя выдавил я.

— Хорошее место,— серебряные серьги закачались из стороны в сторону.— А ты не хотел бы задержаться здесь на пару дней?

Несмотря на винные пары, обильно клубившиеся в голове, я заподозрил что-то неладное. Зачем стигийскому магу требуется мое присутствие?

— Покупать будешь? — я заговорщицки понизил голос.— Про всяческие тайны выпрашивать?

— Какие у тебя тайны,— презрительно скривился ксальтотун, нанеся моему без того истекающему кровью самолюбию парочку новых смертельных ран.— Покупать тебя — делать большое одолжение. Кому нужен бывший конфиденд Латераны с подмоченной репутацией, схваченный за руку и вышвырнутый за неудачливый грабеж из собственной страны?

На это оскорбительное высказывание я ничего не ответил, благо на столе передо мной появился кувшин с вином, которого я не заказывал, и оловянная кружка. Я таращился на эту надутую кружку, словно она могла мне чем-то помочь.

— Однако у тебя осталось два-три полезных умения, годных на продажу,— донесся до моих ушей размеренный голос старого стигийца.— Их я бы приобрел. Моя цена состоит в дальнейшем устройстве твоей бестолковой судьбы.

— В Немедии,— догадался я.

— На твоём месте я бы не стал особо привередничать. Чем плоха Немедия?

Я постарался сосредоточиться. Действительно, почему бы мне не поселиться в Немедии? Все равно через аквилонскую границу меня не пропустят, а замок и лен в герцогстве Танасульском потеряны... Собирался же я уехать в Пограничье? Или на Побережье Закатного океана? Ведь я же куда-то отправился...

— И какое мое умение требуется вашей колдовской милости? — довольно внятно проговорил я.

— Твое мастерство лазутчика. Надеюсь, ты не утопил его на дне бочонка с пивом?

— Прирезать кого или бумаги украсть? — без особого азарта предположил я и назло старому лысому брюзге опрокинул еще кружку. Менхотеп чуть повернулся, посмотрев на толстую полосатую свечу, стоявшую на стойке и отмеряющую время.

— Приблизительно спустя колокол возле большой коновязи на полуночной окраине деревушки Алгиз встречаются несколько человек,— бесстрастно сообщил он.— Среди них обязательно будет наш общий знакомый Тотлант, а также кто-нибудь из поселившихся в зингарском лаге-

ре рабирийских гулей и находящийся под их охраной колдун. Думаю, ты его видел.

— Здоровенная мрачная орясина с изрезанной рожей и единственным глазом? — с этим типом, смахивающим на порождение кошмаров, я имел несчастье случайно столкнуться нынешним утром. Такой ночью приснится — и проснешься седым. Однако гули, Рейенир да Кадена и девица Меланталь, вкупе с моим досточтимым предком Райаном, бегали вокруг него едва ли не на цыпочках, проявляя несомненное уважение и почтительно внимая любому его слову.

— Эта компания нынешним вечером собирается навестить лагерь Ольтена Эльсдорфа, — продолжал Менхотеп. — Переговоры начинаются завтра в полдень, они же надеются повидать лично герцогиню Эрде. Ты присоединишься к ним, выказав желание перейти на сторону мятежников. Послушаешь, о чем будут вестись разговоры. И приложишь все усилия, дабы выполнить одно крайне простое действие.

Ксальтотун извлек откуда-то — может, из воздуха или из складок рукава — и положил на стол диковинную вещицу. Я наклонился посмотреть. Иголка. Толстая портновская иголка длинной с мой указательный палец. Не железная, выточена из куска полупрозрачного синеватого камня. Попробовал взять — иголка смирно лежала в ладони, не проявляя никаких колдовских свойств. Попытался согнуть, не удалось.

— Что мне с ней делать? — удивленно спросил я. — Ткнуть кого-нибудь?

— Одноглазого, — сухо отозвался маг. Мне показалось, что в его голосе прозвучала тщательно скрываемая ненависть. — Боли он не почувствует, однако постарайся, чтобы никто не заметил твоего поступка. Иглу можно воткнуть в его одежду, но лучше в плоть.

— И что произойдет? — глуповато спросил я, держа синюю иголку двумя пальцами и разглядывая ее на просвет. Внутри камня темнел скрученный волосок.

— Ничего особенного, — дернул плечом стигиец. — Дальнейшее тебя не касается. Смотри, запоминай, поступай по обстоятельствам. Не мне тебя учить ремеслу шпиона. Если сумеешь, навести завтра до полудня здешнюю таверну. Я бы с интересом послушал твой пересказ беседы госпожи Эрде с посетителями.

— А потом? — настаивал я.

— Потом будет то, чему угодно случиться, — непререкаемо отрезал Менхотеп. — При любом исходе дела я не откажусь от своих слов. Выполнишь — тогда можешь не беспокоиться за свою участь.

Он поднялся с табурета. Я тоже хотел встать, но почему-то у меня перед глазами поплыли разноцветные круги. Я затряс головой, мельтешение пропало. Ксальтотун тоже сгинул. Вроде только что стоял рядом, я слышал, как поскрипывают под ним половицы и шелестит коричневый суконный плащ, а спустя миг его уже нет.

Остались только горстка золотых монет — плата за выпивку — и крохотный загадочный

предмет цвета перезрелых черничных ягод. Глаза он мне отвел, что ли?

«Это наверняка давние ссоры между колдунами,— несколько раз повторил я.— Какое мне до них дело? Подумаешь, кольнуть иголкой! Не умрет!».

Я пошарил в карманах и в поясной сумке, нашел неведомо как затерявшийся в углу плоский хрустальный флакон из-под розовой воды. Аккуратно затолкал каменную иглу внутрь. Теперь не потеряется. Допил вино. Поднялся, убедившись, что крепко держусь на ногах и не собираюсь падать. И целеустремленно потопал к выходу. Полуденное Побережье никуда не денется. У меня появился шанс, и я намерен его использовать.

Если бы ксальтотун хоть полусловом заикнулся о том, чтобы причинить вред Дане Эрде, Ольтену или еще кому-то из моих знакомых, даже Райану, пропади он пропадом, я бы его зарубил на месте. Клянусь, зарубил бы. Наплевать, что потом со мной станется. Но Менхотеп намеревался устроить неприятность своему же брату по ремеслу, которого я знать не знал и не стремился познакомиться.

Верзила у входа в таверну охотно растолковали мне, где искать большую коновязь у полуночной окраины. Оказалось, ехать совсем недалеко. Я еще задержался у деревенского колодца, плеснул воды в лицо и почувствовал себя немного ожившим. Напиться не удалось, поездка к Океану откладывается. Ладно, пойду к мятежни-

кам. Там, небось, тоже скучать не придется. А папаша у Тотланта страховидный. Ксальтотун, надо же. Как там Райан говорил? «Управляющий течением времен?». Интересно, что он с этим Одноглазым не поделил?

Незадолго до означенного места встречи я нагнал Тотланта. Как выяснилось, сын ксальтотуна направлялся туда же. Очень странно, очень...

Однако, если ты решил служить другому господину — не задавай вопросы, а исполняй свой долг.

Глава восьмая

Из дневника Халька Юсдаля — II.

«Колеблущееся Равновесие»

*Замок Демсварт, Немедия.
24 день Второй весенней луны.*

ам я никогда искусством волшебства не владел, и особой тяги к его изучению не ощущал. В нашем мире, где магия играет далеко не самую последнюю роль, частко важны не личные колдовские умения, а то, в каких отношениях ты пребываешь с окружающими тебя колдунами и волшебниками.

Лично я близко знаком лишь с тремя (правда, отнюдь не самыми последними) представителями братии магов. В первую очередь, с Тотлантом из Пограничья и аквилонским придворным волшебником, престарелым Озимандией Темрийским. Еще с Пелиасом из Кофа: он — близкий приятель Конана, серьезно помогавший

королю Конана в недавней истории с Алой Цитаделью и войной с Кофом и Офиром. В последнюю луну мне удалось раззнакомиться сразу с двумя магами. Райан Танасульский, отдаленный родственник нашего несчастного Маэля Монброна, показался мне гордецом и редкостным воображалой. Страшноватый тип по имени Эллар из Рабиров, которого приволокли с собой брат госпожи Ринги и его знакомая, вообще оставался для меня сплошной романтической загадкой. Впрочем, романтические загадки, даже будучи волшебниками, не таскают с собой громадные двуручные мечи из черненной стали и не выглядят, как прошедшие огонь, воду, пустыни и горы наемники в отставке.

Однако замечу, Эллар достойно выдержал схватку с ксальтотуном в Бельверусе, после чего означенный ксальтотун проникся к гостю из Рабиров (кстати, являющимся не гулем, но лишь обычным человеком!) высокопробной ненавистью. Надо же, отыскался кто-то сильнее и могущественнее ксальтотуна, получившего высшее посвящение! В таком случае о степени посвящения Эллара в тайны магии лучше не задумываться. Ступень, когда магик имеет право называться ксальтотуном — «управляющим течением времен» — для Эллара давно пройдена.

Интересно, из-под какого камня в своих загадочных холмах гули вытащили сей живой артефакт? Почему раньше никто не слышал о маге Элларе (вообще-то его полное имя Астэллар. Наверное, оно что-то означает, только я не знаю,

что именно), достигшем неизмеримых высот в таинственном искусстве?

Он явно не состоит ни в полуофициальном братстве Алых Магов, ни в Черном Кольце Стигии, совершенно точно не имеет отношения к гиперборейской Белой Руке или вольной компании волшебников, которую Пелиас Кофийский небезуспешно сколачивает уже полтора года, высокопарно поименовав новое сообщество «Ордене Золотого лотоса» в честь легендарного магического цветка, которого, замечу, никто никогда в глаза не видел.

Воображаю, сколько придется трудов придется вложить новому королю Немедии для исправления художеств Элара, оставшихся на память о его кратком визите в Бельверус... Что, например, прикажете делать с дворцовыми воротами, в которые его не пропустили и которые он мимоходом превратил в сплошные пины, железные пики и страшные демонические морды? Не исключаю возможности, что Ольтен или Тараск (смотря кто займет трон) проникнутся нелюдской эстетикой сего творения. Вещь получилась ужасающая, но в своем ужасе привлекательная. Во всяком случае, удивительная. Такой наверняка не отыщется ни в одном королевстве Заката. На нее еще будут водить любоваться гостей Бельверусского замка.

Тотлант, кстати, тоже не промах — еще лет десять-пятнадцать, и стигиец наверняка дорастет до звания ксальтотуна. Как выражается Веллан, «мастеровито колдует, ежели трезв и в

своим уме». Именно поэтому, а также из-за близости Тотланта к тайнам народа оборотней, мы и доверили стигийцу обратное превращение Конана.

Я узнал об этой невероятной истории, лишь когда свита Просперо явилась к назначенному месту встречи возле замка Демсварт. Пока гвардия и слуги разбивали лагерь, я немедленно побежал в гости к Эрхарду, приехавшему на берега Нумалии на пару дней раньше. И обнаружил там нескольких старых знакомых, покинувших столицу немедийского королевства самостоятельно и таинственно. Зенобию (вы бы слышали, как вопил Тараск, узнав, что его фаворитка сбежала незнамо куда!), графа Монброна, Веллана, собственно Тотланта и...

И большого, черного, похожего на волка пса по имени Кораннон.

Эрхарду и Зенобии пришлось тем же вечером идти к Просперо. Объясняться, предъявлять герцогу собачку, доказывать, что не было другого выхода, объясняться заново и клясться всеми богами в том, что Тотлант обязательно все исправит. Тем более, что волшебник наконец-то получил в руки привезенную Эрхардом из Бельверуса пресловутую Книгу Бытия — главный магический трактат народа оборотней.

— ...Позвольте откланяться! — покраснев, как спелое яблоко, рявкнул граф Монброн, сорвал с шеи свою дворянскую цепь, которая золотой змейкой свернулась у подошв сапог Просперо, и выбежал наружу из герцогского шатра.

— Чего это он? — Просперо озадаченно уставился на меня. Нагнулся, поднял цепь, полюбовавшись на медальон с ярким эмалевым гербом и передал мне. — Хальк, сохрани у себя. Одумается — вернется. Вот еще выдумал, гербами кидаться! Никакого отречения от титула Монброн не получит — слишком тягостное дело. Надо собрать не меньше десятка свидетелей, да и вообще отречься он может только в Танасуле, в присутствии тамошних дворян и всех родственников, к которым отойдут лен и замок... В общем, пусть переберется. Завтра, наверное, уже придет извиняться.

— Не думаю, — я покачал головой, упрятывая графскую цепь в свой сундучок. — Так же горделив, как его родственничек Райан. Эх, молодежь... Подумаешь, два-три векселя к пальцам прилипли! Да канцлер Публио в год ворует из казны столько, что Монброну и не снилось! Просперо, между прочим, ты действительно обидел молодого графа. Человеку с его именем предложить должность посыльного!

— Неудачная шутка, — отмахнулся Просперо. — Между прочим, нас звали к Эрхарду. На представление, именующееся «Возвращение короля».

— По мне, так лучше Конану еще седмичу-полторы побегать на четырех лапах, — бессердечно заявил я. — Чтобы не мешался у занятых людей под ногами.

— Барон Юсдаль! — Просперо грозно сдвинул темные брови. — Будешь продолжать говорить

гадости про Его величество, непременно отправишься на плаху!

— Слушаюсь и повинуюсь, — верноподданнически закивал я. — Отныне прекращаю говорить гадости вслух и начинаю записывать их в летопись, сохраняя для будущих поколений.

— Послали же боги аквилонскому двору наказание, — проворчал Просперо. — Пойдем. Никогда не видел, как превращаются оборотни.

— Ничего подобного, видел, — немедленно запротестовал я. — Помнишь, шесть лет назад, на ужине у короля Веллан напился и начал куролесить?

— Ах, да. Как же... Припоминаю такую историю.

К лагерю Эрхарда мы отправились пешком, благо король Пограничья вместе со своей немногочисленной свитой устроился совсем неподалеку. Как раз между нами и зингарцами. Мы успели заметить, как из палатки Эрхарда вылетело что-то очень сердитое и взъерошенное, и опознали многострадального Монброна, унесшегося куда-то в необозримые дали по направлению к шатрам подданных Чабелы. У входа осталась только молодая симпатичная дама, пребывавшая в крайне расстроенных чувствах. Несколько дней назад сию девицу нам представляли как немедийскую баронессу Цинтию фон Целлиг, давнюю знакомую семейства Эрде.

— Добрый вечер, — я благожелательно улыбнулся едва не плакавшей госпоже Цинтии. — Его величество Эрхард дома?

— Конечно, господин барон,— прерывисто вздохнула Цинтия и украдкой вытерла глаза.— Идемте. Он как раз вас ждет.

— Ага, явились! — узрев меня и Просперо, Эрхард, мочивший усы в кружке с пивом, приветственно махнул рукой.— Что вы сотворили с беднягой Монброном? Он дошел до того, что попросился ко мне на службу! Представьте, какой кошмар — родовитый аквилонский дворянин вдруг решает переехать в принадлежащую мне большую деревню!

— Вожжа под хвост попала,— совершенно не по-герцогски высказался Просперо.— Ничего, покипит и остынет. Мы, собственно, по другому делу. Нам обещали вернуть нашего короля!

Просперо с озадаченно-страдальческим видом уставился на четвероногое хвостатое существо. Существо в ответ помахало длинным мохнатым хвостом и вывалило из пасти розовый язык.

— Герцог, может они просто дурака валяют? — поддел я Пуантенского Леопарда.— Наверное, это такая непонятная для аквилонцев шутка жителей Пограничья. Конан, как обычно, где-нибудь прячется, а нам подсовывают шавку-переростка и старательно уверяют, будто сие — наш король. Это заговор! Сейчас Тотлант выйдет на середину, помашет в воздухе сушеной жабой, исполнит шаманскую пляску с завываниями и для пущей убедительности накормит песика мухоморами. Потом изобразит вселенскую тоску и заявит — ничего не получается, так что оставайтесь с собакой в королях!

— Хальк, ты моей смерти добиваешься? — фыркнул Просперо, созерцая пса-волка.— Вообще-то я нахожу определенное сходство между Конаном и этим... животным.

— Ага, сущие кобели и тот, и другой,— согласилась присутствовавшая тут же Зенобия.— Хватит тянуть кролика за уши! Тотлант?

— А я что, я ничего...— вздохнул стигийский волшебник, извлекая откуда-то толстенную книгу в черном переплете, украшенную всего лишь двумя плохо обработанными рубинами на обложке. Такое впечатление, будто из черноты на тебя пристально смотрят два волчьих глаза.— Дам попрошу удалиться, зрелище предстоит неприглядное.

Цинтия послушно вышла из палатки. Зенобия осталась, мотивируя отказ уйти двумя важными обстоятельствами. Мол, она не склонная к нервным обморокам благородная дама и вдобавок видывала своего прежнего дружка Эртеля во всех ипостасях оборотня. В прочих обликах — тоже. Эртель только глаза к небу воздел: по язвительности милейшая Зенобия превосходила даже королевского племянничка и Веллана, вместе взятых.

— Это, наверное, та самая Книга Бытия? — я с любопытством уставился на черный фолиант.— Почитать потом можно? Ну, хоть посмотреть одним глазком? Тотлант, а другие такие книжки у тебя есть?

— Наш Тотлант,— насплетничал Веллан,— вчера полный день бегал за новым колдуном,

который живет у Чабелы — ну, помните, тот, с расквашенной мордой?.. — и взახлеб канючил, чтобы ему перевели какую-то древнюю летопись с непроизносимым названием.

Тотлант сделал постное лицо и невозмутимо ответил:

— Почему бы не побеседовать с умным человеком? Тихо всем! Иначе до заката не управимся! Отойдите подальше. Конан, сиди на месте и не шевелись. Кстати, на вашем месте, благородные месьюры, я бы последовал примеру мудрой госпожи Цинтии и подождал снаружи. Это профанация — делать из магии преставление!

— Или платите, — немедленно высказался Эртель. — По золотому с человека, по серебряшке с оборотня! Хотя с оборотней можно вообще не брать. Чего мы тут не видели!

— Сейчас наложу на кого-то заклятие вечного молчания, — пригрозил Тотлант. — Верно, всем вон! Тебя, Эрхард, это тоже касается, будь ты хоть тридцать раз королем!

— О нет, — внезапно поперхнулась воздухом Зенобия. — Если Конан превратится обратно, во что мы его оденем? Мы оставили его барахло в Бельверусе, где он перекидывался в волка!

— Вот вам полезное занятие, — кивнул Тотлант. — Марш к повозкам, подберите одежду по размеру. Конан выше Веллана на полголовы.

— Найдем драное одеяло и завернем, — сострил Веллан. — Сойдет за фейл-брекен. Кстати, мы по-прежнему будем держать его за десятника Коннахара или все-таки объявим королем?

— Пусть Конан сам решает, — отрезал Просперо. — Ладно, Тотлант, работай. Мешать не будем.

— И не подсматривать! — выкрикнул волшебник нам в спины.

Все старательно закивали, хотя знали, что подсматривать обязательно будут. Интересно же!

* * *

Я до последнего момента втайне предполагал, что история с Коранноном — шутка. Эдакий невинный розыгрыш наших развеселых оборотней. Конечно, прежде я слышал от самого Конана, будто зимой 1285 года он влип в историю с древним зверобогом Фреки, своеобразным божеством народа Карающей Длани, и непонятно почему получил от покровителя волков дар — трижды в жизни изменить человеческую сущность на звериную. Однажды, во времена битв с пиктами на Черной реке, Конан рискнул прибегнуть к подарку Фреки и редкостное умение спасло ему жизнь. Он рассказывал, будто чувствовал себя очень необычно и странновато, но в общем, бытие в облике волка ему понравилось. Обратное превращение, кстати, прошло без сучка, без задоринки. Когда надобность в ношении волчьей шкуры отпала, Конан вернул себе человеческий облик за несколько мгновений, как самый обычный оборотень Пограничья. На этот раз что-то пошло наперекосяк. Почти десять дней варвар скрывался под шкурой громадной черной зверю-

ги и никак не желал возвращаться в мир людей. Странно.

И вот мы стоим, подpiraем шатер. Эртель, Веллан и Зенобия отправились на поиски одежды для киммерийца. Изнутри доносится еле различимый монотонный полусшепот Тотланта, читающего заклинание на непонятном языке, в котором, однако, прослеживались смутно знакомые словечки — вероятно, на этом наречии говорили наши предки, хайборийцы.

Через некоторое время наша компания пополнилась еще двумя персонами. Персоны со скучающим видом бродили по лагерю, явно изыскивая, где бы достойно поразвлечься. Хорошо знакомого мне заморийского протектора Аластора Кайлиени сопровождала невероятно красивая, чуть полноватая белокурая дама, в которой я безошибочно опознал офирскую графиню Клелию Кассиану.

— Она меня не отпускает! — немедля пожаловался Аластор Эрхарду, когда мы поприветствовали неожиданных гостей.

— Куда не отпускает? — вздернул кустистые брови старый оборотень.

— В деревню, в Алгиз. Я всего-то хотел поиграть в кости, а госпожа Клелия утверждает, будто в моем положении это неприлично и, мол, я непременно обыграю всех, кто сядет со мной за один стол.

Естественно! По-моему, кроме меня и Конана, никто не знает, что под оболочкой Аластора скрывается воплощенный дух Бела-Обманщика,

одного из самых почитаемых божеств Полудня и Восхода. Надо же, сами боги заинтересовались закрутившимся в Немедии водоворотом! Конан строго-настрого запретил мне говорить кому-нибудь, что Аластор — это на самом деле Бел, а я бы и без его предупреждений промолчал. Все равно не поверят.

— Конечно, обыграешь, — хорошо поставленным грудным голосом ответила Аластору прекрасная госпожа Клелия. — Эрхард, скажи хоть ты! Человек добился высокого положения протектора, почти что вице-короля, а доселе шляется по грязным кабакам, мечет кости и передергивает засаленные карты тарока! Между прочим, почтенные месьоры, отчего вы все столпились... здесь? Я, конечно, не магичка, но иногда способна чувствовать волшебство. По-моему, внутри шатра происходит нечто необычайное.

Клелия вопросительно взглянула на Эрхарда. Седовласый король лишь плечами пожал.

— Конана обратно превращаем, — признался он.

— Малыша? — изумилась Клелия. — Ах да, конечно. Аластор мне поведал эту трогательную историю. Жаль, я не успела поглядеть на Конана в волчьем обличье.

— Поверь мне, госпожа, ничего интересного, — усмехнулся Эрхард и, расслышав новый голос, проорал в сторону полога палатки: — Тотлант, ну что, готово?

— Готово, готово, — подтвердил стигиец. — Где Эртель с одеждой?

— Да, где носит этого негодяя? — знакомая речь Конана. — Молот Крома, добросердечная Иштар, наконец-то! Как приятно чувствовать себя человеком! Я уж думал — все, жизнь потеряна.

— Он бы еще почаще поминал Иштар всуе, — нараспев произнесла Клелия, — тогда до скончания лет скакал бы на четвереньках! Здравствуй, Эртель. Зенобия?

— Госпожа графиня? — приязненно кивнула Дженна, тащившая большой сверток. — Очень рада видеть.

Удивительный талант — с первого взгляда располагать к себе людей. И Клелия Кассиана дия Лаурин этим драгоценным талантом обладает в полной мере. Она исключительно доброжелательна, всегда улыбается, не повышает голоса и кажется очень спокойной и уравновешенной особой — довольно редкое качество для женщины. Не зря пожилой, но еще бодрый Эрхард уже в Бельверусе начал питать к офицерской графине симпатию определенного рода. Единственный недостаток Клелии: сдержанная нетерпимость к мелким людским слабостям, вроде постоянной тяги Аластора к азартным играм или стремлению Эртеля затащить к себе в палатку очередную подружку.

— Я сейчас вернусь, — буркнула Дженна, отодвигая плечом полог шатра. Спустя несколько мгновений купеческая дочка вышла оттуда с самым независимым видом, однако губы у нее были поджаты.

— А вот и я! — Конан на удивление быстро оделся и выскочил на улицу. За его плечом виднелась удовлетворенная физиономия Тотланта, весьма довольного удачным завершением трудного волшебства. — Одежда немного мала.

— Ваше величество? — Я, Просперо, да и все остальные, кроме Эрхарда, Клелии и Аластора, были вынуждены отвесить неглубокий поклон. — Счастливы видеть нашего короля в добром здравии...

— И на двух ногах, — закончил Конан. — Ужасно хочу поесть и промочить горло хорошим пуантенским вином. Привет, Альс. Ох, какие люди! Светлейшая госпожа Клелия Кассиана дия Лаурин! Чем обязан подобным вниманием?

— Смотрите, Малыш научился быть куртуазным, — усмехнулась Клелия. — Мы все ужасно беспокоились за тебя.

— Приятно, что за меня хоть кто-то беспокоился, — добродушно рассмеялся Конан. — Просперо, идем в наш лагерь — устроим вечеринку для друзей. Ради такого-то случая!

— Нет-нет-нет, — немедленно замотал головой Аластор. — У меня очень важная встреча. Так сказать, неофициальная. Тотлант, ты помнишь об условленном свидании?

— Конечно, — согласился стигиец. — Непременно буду.

— Кстати, барон Юсдаль, — Аластор повернулся ко мне. — Тебе, как летописцу, будет интересно поехать со мной. Приглашаю.

— Куда? — озадачился я.

— Увидишь. Пускай Конан празднует свое возвращение в мир людей. Мы вернемся ближе к полуночи и вполне успеем урвать свой кусок с королевского стола. Спустя колокол жду всех приглашенных у поворота на деревню Алгиз... — услышав про визит в Алгиз, госпожа Клелия чуть нахмурилась, и Аластор возопил: — Госпожа графиня, клянусь остатками чести, никакой игры в зернь и никакого тарока! Дело сугубо политическое!

Политическое? Любопытно... Приглашают — надо ехать. С Конаном я потом побеседую. Позже.

* * *

На Полуночи Немедии во вторую луну весны смеркается рано — кромешная темнота (особенно если звезды и луна закрыты облаками) наступает примерно во второй половине шестого-последополуденного колокола. Добавьте сюда начинающуюся распутицу, возможный разлив рек, и задайте сами себе вопрос: кто в здравом уме и трезвой памяти решится воевать весной? По законам тактики и стратегии войну положено вести с начала лета до первых заморозков, а еще лучше, приблизительно с середины или начала девятого лунного месяца: урожай собран, конница не потопчет посевы, а в случае победоносного завершения компании и захвата чужих земель вам достается весь упомянутый урожай для прокорма своей армии.

Замечу, что молниеносная компания против Кофа, учиненная Конаном в позапрошлом году, происходила как раз в начале осени. Мы проиграли три сражения и победили в двух, а тем временем немедийские союзники преспокойно отрезали Коф от земель Полудня, перекрыв пути доставки золота и караванные дороги. В решающей битве они нанесли кофийцам удар в спину, каковой в просторечии именуется «подлым», а на языке военных — «внезапным».

Когда Страбонус Кофийский и король Офира Амальрик погибли, дворянский совет Офира немедленно запросил мира. Новому королю Кофа, Балардусу, пришлось выплачивать Конану огромную сумму золотом в качестве контрибуции и с тех пор он не числит короля Аквилонии среди своих лучших друзей. Пятьдесят золотых офирских сфинксов существенно поправили дела нашей отошавшей казны, а канцлер Публио опять выстроил себе новый особняк и по прикидкам Счетной управы незаметно изъяс из суммы контрибуции около семи сфинксов. Это не считая его обычного воровства. Кстати, Публио на радостях расщедрился и выдал мне на дальнейшее расширение библиотеки коронного замка Тарантии аж целых восемьдесят солидов, что составляет восемьсот золотых кесариев. Одина-единственная древняя книга времен Эпимитриуса стоит полторы тысячи кесариев, а ее переписка — пять сотен... Судите сами.

Не пойму, отчего Конан шесть лет терпит неприкрытый грабеж со стороны златолюбивого

старикашки, сколотившего непомерное состояние за счет нашего государства? Объяснение существует только одно: Публио, как никто другой, умеет позаботиться и о благе королевства, и о собственном кармане. Пускай наш великий канцлер — вор, о чем все знают, но без его бурной деятельности на посту управителя короны дела Аквилонии шли бы гораздо хуже.

Я к чему веду? А вот к чему. Ни за какие деньги Публио (четырнадцать дворцов по всей Аквилонии, ленное герцогство Форседа на Полуудне, у границ с Пуантеном, и множество вкладов в офирские и шемские торговые концессии) я не стал бы устраивать войну в нынешнее время года. Вместо дорог — жидкая грязь, перемешанная со льдинками и мокрым снегом. Стылый ветер с Немедийских гор, со стороны русла Нумалии доносится грохот ледохода, и хорошо только одно — к вечеру начало подмораживать. Закат яркий, бледно-розовый с оранжевым, на темной стороне неба начали проглядывать звезды. Уже можно различить созвездия Серпа, восходящего Меченосца и бледное зарево готовой выползти из-за невидимого отсюда Кезанкийского хребта полной луны. Между прочим, именно Эрхард напомнил мне, что сегодня полнолуние и советовал поостеречься: на обычных оборотней, которые значительной мере родственны людям, полнолуние не действует, чего не скажешь о всякой древней нечисти.

«Всякая древняя нечисть» — увесистый камешек в сторону рабирийских гулей, вполне заслу-

живающих подобного наименования. Этот народ известен с самых ранних времен существования мира, он напрямую связан с забытой и донельзя запутанной историей Роты-Всадника, они кровопийцы, отягощенные всеми признаками сказочного вампира — клыками, когтями, склонностью к ночному образу жизни (Ринга утверждала, мол, «гули просто любят смотреть на сумеречные небеса» и «для них нет ничего милее, чем песнь звезд в ночи»).

При всем моем уважении к госпоже Ринге я отлично могу представить, как ее светлость герцогиня Эрде сидит на балконе и кем-нибудь закусывает. Внимая песне звезд. Знаем-знаем. Видал самоллично, в Рамсбекке.

Хотя, признаться честно, не познакомься я во время событий Полночной Грозы с госпожой Рингой, относился бы к рабирийскому племени с гораздо большей опаской, чем сейчас. Ныне же, перед наступающей ночью полнолуния, я спокойно еду рядом с представителем этого древнего народа — Рейе, оказывается, тоже приглашен Аластором на странную званую вечеринку.

Компания подобралась умопомрачительная. Королевский библиотекарь Аквилонии. Воплощенный в человеческое тело бог (я Бела-Аластора имею в виду). Гуль из Рабиров. Тотлант на назначенную у подножия холма встречу почему-то не явился, но Аластор самоуверенно заявляет, будто стигиец обязательно к нам присоединится. Не сейчас, так попозже. Слишком уж интересный визит нам предстоит.

Четвертым попутчиком является Эллар. Я еще в Бельверусе посчитал, что от этого мало-приятного человека, к тому же в совершенстве владеющего древней магией, следует держаться подальше. Нет, он не горд, не заносчив, я не чувствую в нем особой опасности, которая, например, волнами исходила от хорошо знакомого мне Тот-Амона. С Элларом просто неприятно находиться рядом. Мне кажется, это чувство происходит от того, что я столкнулся с непонятной тайной, знаний для разгадки которой у меня не хватает.

Кто он, откуда, почему владеет секретами давно забытых эпох? Что, наконец, произошло с его лицом? Ожог? Никакой ожог не мог бы столь четко расщепить лицо напополам — часть живая, часть мертвая. Порой мне начинает казаться, будто Эллар свалился на наши головы откуда-то из чужого Хайбории мира, почти как Тицо, повелитель Небесной Горы. Однако подтверждений столь невероятному предположению у меня нет. Возможно, они имеются у Аластора, но замориец упорно темнит. Утверждает, что знаком с Элларом почти тридцать лет, однако ловко уклоняется от дальнейших разговоров об этом типе и относится к рабирийцу со сдержанной настороженностью. Если уж сам Бел настожен, то мне придется быть внимательным вдвойне!

Вдобавок Аластор никак не желает открыть мне цель путешествия. Мы объехали высокий холм замка Демсварт с полуденной стороны, вы-

шли на обочину широкого тракта, ведущего вдоль Нумалии на Восход (или на Закат? Смотря с какой стороны смотреть) и направились к отмеченному межевым камнем перекрестку — там начиналось ответвление дороги на деревню Алгиз.

— Сам все увидишь,— твердил Аластор на мои настойчивые вопросы.— Увидимся с интересными людьми. Побеседуем. Считаю, это предварительными переговорами перед завтрашней встречей Ольтена и Тараска.

— Чабела знает? — спросил я.

— Чабела знает все,— хмыкнул Аластор.— Зато если у тебя хватит выдержки побыть безмолвным летописцем-наблюдателем, возможно, ты узнаешь вещи, о которых Чабела не догадывается. Невероятно, как это зингарка умудрилась командовать всеми королями Заката?! Такое чувство, будто Чабела задумала добиться титула императрицы всех стран мира, начиная от Пограничья и заканчивая такой мелочью, как Хорайя или Хауран. И заметь, Чабелу слушаются все! Конан, Эрхард, даже своенравная Тарамис.

— Когда женщина решает вмешаться в политику,— подал голос доселе молчавший Эллар,— тем более будучи единовластной правительницей великого государства, она способна многого добиться. Вот, помню...

Эллар явно хотел что-то рассказать, но внезапно осекся. Будто сам себе рот заткнул. Интересно, о чем он может помнить?

— Вижу! — коротко выдохнул Аластор. — Они все-таки приехали! И еще один всадник приближается со стороны деревни.

— Не один, двое, — поправил Рейе, который, как и все гули, отлично видел в темноте. — Даже отсюда могу различить Тотланта и с ним... Какой-то парень с дворянскими гербами на одежде.

Все съехались к перекрестку. Я некоторым удивлением увидел, что мрачного, как туча, Тотланта, зачем-то наведывавшегося в деревню, сопровождает не менее мрачный граф Монброн. Подле межевого столба перетапывались две лошадки. Всадники — гербовый дворянин и, видимо, оруженосец, поднявший над головой сыпавший искрами на ветру факел.

— Эдмар, граф Крейн, к вашим услугам, — проговорил добротнo, но весьма неброско одетый молодой человек. — Легат войска принца Ольтена. Прошу досточтимых месьоров представиться.

— Тотлант, сын Менхотепа из Луксура, — первым назвался стигиец. — Это я назначал встречу.

Мы по очереди произнесли свои имена. Вроде бы граф Крейн остался доволен. По крайней мере, обратно никого не отослал. Хмурый Маэль Монброн, от которого изрядно пахло пивом, покосился на меня неприязненно и во время представления опустил свой титул. Молодой человек, похоже, вознамерился добровольно испить горькую чашу отщепенца и изгнанника, которым пренебрегла родная страна.

— Итак, едем, — скомандовал Эдмар Крейн. — Прошу никого не отставать и держаться вместе. Аллур — крупная рысь. Надеюсь, все благородные господа, включая волшебников, способны удержаться в седле?

Тотлант молча прищипорил лошадь, а Эллар как-то сдавленно хрюкнул, будто хотел рассмеяться. Глядите-ка, таинственному магу из Рабиров не чуждо чувство юмора!

С тем мы и отправились по прямой, как стрела, мокрой дороге в сторону огромного лагеря мятежников. Я нарочно придержал коня, чтобы тот шел голова в голову с зингарской кобылкой графа Монброна.

— Маэль! — окликнул я нашего неудачника. — Завтра Просперо и Конан будут тебя ждать.

— Зачем? — прохрипел Монброн. — Я больше не подданный Аквилонии.

— Ошибаетесь. Еще какой подданный. Слишком плохо знаете законы, ваша светлость! Процедура отречения от титула и связанных с ним обязанностей и привилегий заключается отнюдь не в швырянии фамильного герба к сапогам вице-короля!.. Маэль, не дуйся. Тотлант недавно превратил Конана обратно, и король сказал, что твой поступок вызван просто излишней горячностью. Он даже не станет принимать твоих извинений. Ну, ошибся, с кем не бывает.

— А деньги? Латерана? Приказ барона Гленнора?

— Наплюй, — поморщился я. — Конан договорится с Гленнором или отдаст прямой приказ.

Векселья тебе дарятся за верную службу от имени короля и государства. Только умоляю, не делай такое лицо! Это никакое не оскорбление! Конан уверен, что ты отлично справился с порученным делом. Хочешь совет, как от человека более старшего по возрасту и более опытного? Только дураки повторяют прошлые ошибки. Постарайся впредь не быть дураком.

Монброн помрачнел еще больше, подумал и выдал совершенно неожиданное:

— Коли барон Юсдаль считает меня дураком и громогласно об этом заявляет, то я требую поединка!

— Юноша,— внезапно отозвался Аластор, тоже ехавший неподалеку,— поверь старому, прожженному авантюристу. Если сказанное только что — последняя глупость на сегодня, стоит на ней остановиться. Хальк, я бы на твоём месте не принимал вызов.

— И не собираюсь. Маэль, забудем. Извини, если полагаешь, что я тебя задел. Только имей в виду: твоя дворянская цепь пылится в моем сундучке, дожидаясь возвращения к законному владельцу. Можно осведомиться, ты-то что делаешь в нашей странной компании?

— Вероятно, совершаю еще одну глупость,— как-то чересчур подавленно ответил Маэль.— Смотрите, рогатки и разъезд конной стражи!

— Тогда остановись и поезжай обратно,— бесстрастно посоветовал Аластор.— Еще есть время.

— Не могу,— едва слышно буркнул Монброн.— Я обещал. Обещал побывать здесь.

* * *

Вот он, лагерь принца Ольтена и молодой герцогини Эрде.

Выглядит обширное становище хорошо организованным, порядок поддерживается абсолютный, шатры расставлены гигантским квадратом, обнесенным со стороны полей своеобразным тыном из бесчисленных повозок. Эдакая маленькая походная крепость. В случае внезапного нападения составленные рядами фургоны и телеги останоят конницу врага и позволят обороняющимся безнаказанно бить из луков.

Эдмар Крейн провел нас мимо караулов — никто из мятежников не задал и единого вопроса. Видимо, предупреждены заранее, что пожалуют гости. Лагерь, как и у нас, украшен дворянскими знаменами и выпелами, но вдобавок возле почти каждой палатки на древках колышется переделанное знамя Немедии. Черная, белая и красная продольные полосы с нашитой белой восьмилучевой звездой. Древний символ украшает знамя либо посередине, либо на верхнем черном поле. Крылатая звезда на самом деле превратилась в своеобразный герб Рокода, поднятого полуночными областями королевства.

— Здесь,— граф Крейн остановил коня, спрыгнул на землю и перебросил поводья оруженосцу. Мы находились возле громадного, даже больше чем у Чабелы, красно-белого шатра с черными полосами. Шатер, кстати, расшит маленькими золотыми коронами. Похоже, мы прибыли к са-

тому Ольтену Эльсдорфу, или человеку, скрывающемуся под именем принца.

— Будет ли позволено достойными месьорами забрать оружие? — спокойно, но в то же время настойчиво сказал Крейн, обводя нас внимательным взглядом. — Я знаю, что никто из вас не представляет сторону узурпатора и здесь собрались лишь представители Аквилонии, Пограничья и Зингары. Однако мне приказано королем быть предельно осторожным.

— Приказ короля есть приказ короля, — с язвительной интонацией изрек Эллар, нехотя расстегивая перевязь своего чудовищного двуручного меча с гардой в виде полумесяца. — Не уроните, он тяжелый. И постарайтесь не касаться лезвия — останетесь без пальцев. Вот еще кинжал. Надеюсь, обыскивать нас не будут и поверят слову?

— Я верю каждому слову дворянина, — вежливо ответил Крейн, подзывая охранников, которые и приняли наше оружие. Меня бы не удивило, отдай Эдмар приказ связать руки волшебникам, Тотланту и Эллару, ибо существует расхожее суеверие, будто маг со связанными руками не способен колдовать. К счастью, до подобного не дошло.

Компанию пригласили в шатер.

Множество свечей, яркие лампы из настоящего цветного стекла. Ковры — повытертые и почти новенькие. Складная походная мебель офицерской работы, похожая на ту, что возит с собой Просперо.

— Прошу присаживаться, — Крейн указал гостям на стульчики, расставленные вокруг сдвинутых вместе столов. — Его величество король Ольтен и светлейшая герцогиня Эрде подойдут немедленно. Угощайтесь вином.

Кое-как расселись. Монброн почему-то постоянно отирался неподалеку от Эллара и занял место рядом с рабирийским магом. Я предусмотрительно выбрал место в самом конце стола, откуда хорошо видно, а моя скромная персона незаметна. Стараясь казаться невозмутимым, обследовал содержимое кувшинов. Вина, настойки, черный эль. Налил себе и Аластору. На серебряных и дорогих фарфоровых блюдах — обычные походные яства, розовая нежная солонина, сыр, прошлогодние сладкие яблоки. Прочие сидели ровно и к угощению пока не притронулись.

— Его величество король Немедии Ольтен! — провозгласил Крейн, похоже, выполнявший должность герольда. Провозгласил не напыщенно, а скорее ради проформы. — Ее светлость наследная герцогиня Долиана Эрде!

Вот они, двое главных героев разворачивающейся в Немедии драмы. Хороши, ничего сказать. Ольтен молод (мне только сейчас пришло в голову, что младшему сыну покойного Нимеда чуть за двадцать), не слишком высок, но и не коротышка. Дана рядом с ним выглядит почти ребенком, едва доставая макушкой до плеча. Светлые волосы главы мятежников украшены только простеньким золотым обручем, долженствующим символизировать корону. Взгляд уста-

лый, но в нем горит та крохотная божественная искорка, которую незримые силы дают властителям.

А вот Долиана... Я прежде не встречал дочь Ринги и Мораддина, хотя знал, что лет пять назад она училась в Тарантийской храмовой школе при главном Алтаре Митры. Просто не довелось, да и о чем мне беседовать с девчонкой десяти годков от роду? Дана похожа на мать: такое же худощавое, но грациозное сложение, узкое точное лицо, бледно-матовая кожа, темные прямые волосы, только чуть вытянутые к вискам глаза не желто-карие, а зеленоватые, с приглушенным стальным отблеском.

Меня словно подбросило. При виде молодой девушки, затянутой в черное и алое, немедленно захотелось встать и поклониться. Или упасть на колени. Подобных чувств у меня не вызвала сама королева Чабела, олицетворявшая истинно королевское и истинно женское величие. Просто так было нужно. Ольтен рядом с юной герцогиней смотрелся блеклой тенью. Откуда в ребенке, которому не исполнилось полных шестнадцати лет, взялась такая внутренняя сила, которая заставляет не только уважать человека, но и безоговорочно считать его повелителем? Вернее, повелительницей. Госпожой. Именно так — Госпожой. Там, где Чабела, наткнувшись на сопротивление, будет уговаривать и искать обходные пути, Долиана Эрде пройдет напрямую, не обращая внимания на потери, не жалея никого и ничего.

Жуткое в своей непримиримости и могуществе дитя...

Или этот образ навеян извне?

Я увидел, как смертно побледнел Тотлант: смуглая кожа стигийца стала неопределенно коричнево-серой, точно присыпанной пеплом. Эллар, наоборот, созерцал госпожу Долиану с таким видом, будто сам ее воспитал: покровительственно и в то же время слегка растерянно. Аластор постарался остаться спокойным, однако нервно забарабанил пальцами по столу. Рейе приоткрыл рот, отчего стали видны небольшие, но острые клыки на его верхней челюсти, и озадаченно нахмурился. Похоже, он представлял свою племянницу несколько иной, и увиденное крайне поразило его.

— Счастливы приветствовать посланников великого Совета Королей, — отчетливо-звонко произнесла Дана. У меня перехватило дыхание. Первой заговорила она, а не Ольтен, что является тягчайшим нарушением этикета. Первое и последнее слово всегда остается за королем. — Прошу всех расположиться так, как удобно.

— Я рад, что вы приехали, — значительно тише, чем дочь Мораддина, добавил Ольтен. — Предстоит весьма долгий и, наверное, неприятный разговор.

Аластор внезапно поднялся. Верно, кому, как не воплощенному богу, начинать беседу с этой полубогиней?

— Отчего же неприятный, Ваше высочество? Госпожа Долиана, вероятно, порадуетя извести-

ям, которые привезены для нее с далекого Полу-денного Побережья.

Альс ненавязчиво подпихнул слегка опешившего Рейе. Гуль очухался и торопливо поднялся:

— Меня зовут Рейенир Морадо да Кадена... — он сбился, что с ним наверняка случилось впервые в жизни, и раздраженно откашлялся. — Я довожусь старшим братом Рингилиан да Кадена, известной в мире людей под именем герцогини Эрде-старшей.

— Я сожалею, что моя мать умерла, — наконец-то в сосредоточенно-строгих глазах Даны мелькнуло нечто человеческое, не королевское. — Но я рада встретить хоть одного человека, родственного мне по крови, тем более дядю. Надеюсь, в Рабирах все спокойно?

— Как и на протяжении пяти последних столетий, — съязвил отчасти пришедший в себя Рейе. — Вообще-то я проделал это длинное путешествие, намереваясь передать моей единственной племяннице поклон от самой госпожи Ринги. Тебе неверно сообщили. Рингилиан жива, хотя и больна. Но я уверен, в скором времени герцогиня Эрде поправит здоровье и вернется в Немедию. Если не пожелает остаться на родине.

Дана внезапно пошатнулась и оперлась на руку принца Ольтена. На несколько кратких мгновений тот налет величественности и величия, тот ледяной панцирь, в который она себя заковала, размягчился.

— Первая воистину прекрасная новость, — с трудом выговорила девушка. — Однако это не

воскресит моих отца и брата. Месьор Рейенир, я могу получить какие-либо доказательства истинности твоих слов? О матери?

— Бесспорно, — кивнул Рейе, выбрался из-за стола и приблизился к Дана. Мне почему-то показалось, что гулю весьма не хочется этого делать. — На твоей руке кольцо с изображением летучей мыши. Вот мое, точно такое же. Давай соединим их.

Рейенир протянул Долиане правую руку. Блеснул тяжелый золотой перстень.

Молодая герцогиня, не колеблясь ни единого мига, вытянула свою. Оскаленные мордочки летучих мышей на долю мгновения прикоснулись друг к другу.

— Да... Мать жива, — уверенно сказала Дана и повернулась к остальным. — В перстнях обитателей Рабиров заключается часть их бытия, духа, жизни. Кольцо, которое передала мне матушка, доселе дышит. Кольцо живо, значит, госпожа Ринга доселе существует в нашем мире... Однако мои родственные дела не имеют никакого касательства к сегодняшнему разговору. Поверьте, достойные гости, я сама разберусь с тяготами своей семьи. Итак, приступим. Кто станет говорить от вашего лица? В послании Тотланта, переданном нам, говорилось, будто на эту встречу хотели бы приехать волшебники, оказавшиеся по воле случая или собственному выбору на стороне Тараска. Что вы хотели сказать мне... — она вовремя спохватилась и исправилась: — Нам, благородные месьоры?

* * *

Возникла неловкая пауза. Не знаю, как другие, я же размышлял над тем, насколько неверно Совет Семи королей во главе с многомудрой Чабелой оценил расстановку сил среди предводителей мятежников. Вполне закономерно предполагалось, будто тон задает Ольтен Эльсдорф, чудом уцелевший наследник старого Нимеда, желающий добиться восстановления своих, бессовестно поправленных Тараском прав на трон страны. Молодую герцогиню Эрде считали всего лишь соратницей принца. Кое-кто сплетничал, будто она — подружка Ольтена, по мере сил заменяющая ему погибшую супругу, да носительница громкого имени, которым прикрываются бунтовщики. Оказывается, все наоборот! Распоряжается и принимает решения именно Долиана Эрде, остальные — не более, чем послушные исполнители ее воли. Но зачем Тотланту понадобилось устраивать полуночный визит в лагерь участников Рокода, обставляя его столь таинственными приготовлениями и созвав на него столь различных людей? Если он намеревался тайком переговорить о чем-то с Даной, лучшими спутниками ему стали бы Рейенир и Аластор. При чем тут я или одноглазый маг из Рабиров?

— Встречи добивался я. Месьор Тотлант лишь любезно согласился исполнить роль посредника, — неторопливо, тщательно подбирая каждое слово, заговорил Эллар. Он было приподнялся, но Дана небрежно махнула рукой, разрешая ему

сидеть. Похоже, она заправляла у мятежников не только созданием планов и общей стратегией, но и правилами этикета, устанавливая их по своему усмотрению.

— И? — девушка вздернула острый подбородок, внимательно изучая необычного собеседника. — Ради чего понадобилось это действие? Насколько мне известно, месьор Эллар состоит на службе у узурпатора Тараска Эльсдорфа. О чем нам говорить? Вы привезли какие-то предложения к завтрашним переговорам? Или хотите нас о чем-то известить? Да не молчите же! — она повысила голос, и Ольтен незаметным жестом положил ей руку на плечо, успокаивая. Подействовало — герцогиня Эрде-младшая сердито дернула углом рта, но взяла себя в руки, вспомнив, что перед ней посланники Совета Семи королей. Портить отношения с могущественным Советом эта не по годам расчетливая и разумная девица наверняка не желала.

— Я хотел увидеть нынешнюю владелицу Каримэнона, — по-прежнему ровным, бесстрастным тоном произнес Эллар. Слово «Каримэнон» я уже слышал. Так назывался Алый Камень, сильнейший талисман, за которым настойчиво охотился ксальтотун. Сейчас Камень принадлежал Дане, и о нем очень многое, до подозрительности многое, знал Эллар, утверждавший, будто многие годы разыскивал по библиотекам рукописи о свойствах подобных артефактов. Аластор, похоже, тоже знал это имя или название, потому что подобрался и отодвинул в сторону напол-

ненный кубок, стремясь не пропустить ни единого слова. Тотлант дернулся, уронив засахаренную сливу, которую бесцельно вертел в руках. Гуль тяжело вздохнул и облокотился на стол, но, как я заметил, он мог вскочить в любой момент.

Что до Маэля, то самовольно вышедший в отставку граф держался тише воды, ниже травы, стараясь прикинуться невидимкой или частью обстановки. Он, похоже, ничего не понимал в происходящем и глубоко сожалел, что не последовал совету Аластора и не повернул у границ лагеря мятежников обратно.

— Что такое «Каримэнон»? — озадаченно нахмурила тонкие, словно вычерченные темной тушью брови Дана.

— Видишь, ты даже не потрудились узнать наименование вещи, которой владеешь, — с мягкой укоризной сказал Эллар. Меня удивила подобная интонация. Голос мага из Рабиров больше подходил для того, чтобы отдавать команды в разгар сражения или приструнивать разгулявшихся чудовищ. Похоже, речь пойдет о праве на таинственный Камень. Любопытно... — А ведь у него есть своя душа, свои потребности и свои чувства, которыми нельзя пренебрегать. Он не просто магический кристалл с удивительными способностями. Каримэнон — отчасти живое существо. Некогда он был звеном единой цепи, цепи Равновесия, хранившей этот мир от чрезмерно сильных раскачиваний в ту или иную сторону. Потом остальные камни погибли. Сохранил-

ся только он один. Нельзя обращаться с ним так, как это делаешь ты.

Долиана попыталась что-то возразить и осеклась. Я заметил, что ее левая рука словно против воли теревит болтающуюся на поясе сумочку из мягкой черной кожи. Может, именно там хранится предмет разговора? Насколько мне известно, пресловутый Алый Камень размерами не больше плода апельсина.

— Я могу догадываться, что ты чувствуешь и о чем думаешь, — глуховатый, спокойный голос мага из Рабиров, оказывается, обладал поразительной способностью заставлять окружающих незаметно соглашаться с тем, что говорит его владелец. Покосившись по сторонам, я убедился, что внимательно слушают все, включая Дану. Она как-то расслабилась, прекратив напоминать готовую сорваться в полет стрелу, и став просто очень усталой девушкой-подростком. А Эллар продолжал, рассказывая Данае про нее же саму: — Твоя семья разрушена. Близкие мертвы. Ты одна. Тебе кажется, что все сущее обернулось против тебя и единственной защитой остался только Камень. Он слушается тебя, утешает и поддерживает. Он позволяет тебе верить, что ты права и потому непобедима. Ведь так?

Эрде-младшая прикусила тонкую губу и с опаской кивнула.

— Ты заблуждаешься, — внушительно, однако без малейшего следа угрозы проговорил маг. — Не ты управляешь Каримэноном, а он — тобой. Знаю, что ты не согласишься, но постарайся хотя

бы набраться терпения и выслушать. Подобная история уже происходила и всегда заканчивалась одинаково: войнами, кровью и разрушением. Ты заглядывала в Камень? Думаю, заглядывала. Что ты там видела? Отражения прошлого, гибель народов во имя того, что полагалось истиной. Чем дальше ты уходишь по дороге своей мести, тем крепче связь между тобой и Камнем. Рано или поздно он по капле выпьет твою душу и начнет искать нового хозяина. К тому времени Материк будет полыхать в огне, а тебя назовут Смертью во плоти, шагающей по земле и не отличающей правого от виновного...

Признаюсь честно, меня пробрало. От картины, описанной Элларом, за лигу несло каким-то запредельным ужасом. Я очень легко мог вообразить Долиану Эрде на вороном коне, возглавляющую мерное, безостановочное шествие легионов с Восхода на Закат и, если понадобится — дальше, через океан, до края земли.

— Ты преувеличиваешь, — не очень уверенно возразила Дана. — Мне ни к чему завоевывать мир. Я просто хочу...

— Восстановить справедливость и наказать убийц твоей семьи, — с готовностью подхватил рабириец. — Однако ты не подозреваешь, какую власть заполучила. Пока не подозреваешь, но наверняка скоро поймешь. Власть развращает неокрепшие души, а такая, что находится у тебя в руках... Скоро справедливость потеряет для тебя значение, вернее, будет существовать только та правда, которая необходима тебе. Не нужно

быть гадателем, чтобы предсказать дальнейшее. Оно известно.

— Пустые слова! — Долиана решительно вскинула голову, намереваясь дать достойный отпор. — Что кроется за ними? Кто из вас пытается меня запугать — ты сам, Тараск или его верный прихвостень ксальтотун? А, понимаю! Вам, колдунам, очень хочется заполучить обратно потерянный драгоценный камешек? Можете не рассчитывать! Он мой! Мой по праву цены крови!

— Ты представления не имеешь, о чем говоришь, — досадливо скривился Эллар. При его физиономии это выглядело кошмарно — точно морда ухмыляющегося демона. — И я не собираюсь тебя пугать. Хорошо, если угодно, могу попросить. Прекрати. Не дай сражению начаться.

— Не я затевала эту войну! — огрызнулась Дана, теряя терпение. — Как мы будем выглядеть в глазах поверивших нам людей, пришедших с оружием в руках сюда, к Демсварту?

— Тогда не позволяй Каримэнону распоряжаться тобой. Не допусти, чтобы Камень участвовал в битве!

Мне слышалось, или Эллар действительно почти умолял? Не слышалось. Тотлант состроил такую физиономию, словно не мог вынести этого разговора и хотел либо заткнуть уши, либо выскочить из шатра. Зато Аластор, похоже, заподозрил недоброе. Иначе почему вокруг его выбивающих быструю ритмичную дробь на столешнице пальцев вспыхивают и гаснут крохотные

золотые искорки? Догадываюсь, что они означают — заклинание, составленное, но пока не выпущенное на свободу. Если уж Аластор намерен прибегнуть к помощи магии, значит, вот-вот стрясется нечто исключительно скверное. Лучше бы мне отодвинуться ближе к стене шатра, отказавшись в относительной безопасности за спиной у заморийца.

— Значит, Тараск выставит против нас ксальтотуна и уж не знаю кого он там еще притащил, а я должна отказаться от единственного способа противостоять колдуну? Позволить ему безнаказанно губить моих людей? Только потому, что какой-то оборванец, самоуверенно именующий себя магом, вычитал где-то в рассыпающихся от старости летописях какую-то глупость? — Дана прищурилась, неприятно смахивая на маленькую хищную птицу, готовую атаковать. Она больше не обращала внимания ни на Ольтена, ни на визитеров. Сомневаюсь, что герцогиня Эрде-младшая вообще помнила о нашем существовании. Ну и характер у дочки Мораддина!

— Да они же растопчут тебя! — Эллар начал подниматься во весь свой немалый рост. Сохранявший неподвижность гуль словно перетек из одного положения в другое, готовясь вмешаться. — Это ты способна понять?! Молодежь! Как вы мне надоели со своей убежденностью в единственной правоте — своей собственной — и неумением слушать других! С делением мира лишь на черное и белое, на себя и врагов! Долиана Эрде, ты можешь войти во все летописи этого ми-

ра, но под каким именем? Убийцы или созидательницы?

— Эллар, не надо, — тихо и отчетливо проговорил Рейенир. — Не кричи. Успокойся.

Разумный призыв канул втуне.

— Хорошо, если тебе непременно хочется мчаться впереди всех и бесцельно погибнуть — давай! — усиливавшийся рык мага заставлял пламя свечей мелко подрагивать. — Разрушь все, что создано не тобой! Погуби тех, кто верен тебе! Не ты первая, не ты последняя! Только не втягивай в этот круговорот Камень! Отпусти его!

— Куда? Уж не тебе ли подарить? — почти прокричала Дана, тоже вскакивая. От ярости у нее на скулах выступили бледно-красные пятна. — Чтобы ты в зубах притащил его своему повелителю, Тараску? Что тебе посулили взамен? Место ксальтотуна при дворе?

— Имей почтительность к старшим, дитя! — вот теперь Эллар громыхнул в полную силу. У меня (да и не у меня одного) в ушах возник отчетливый звон. Маэль аж отшатнулся назад, едва не свалившись с шаткого табурета. — Никогда и никого не звал я своим повелителем!

— Времена меняются, — язвительно ответствовала Долиана Эрде. — Я не знаю тебя и не имею причин доверять твоим рассказам. Камень — мой. Моим он и останется. Сражение состоится, раз не существует иного способа доказать нашу правоту и опровергнуть претензии Тараска Эльсдорфа на корону Немедии. Более мне добавить нечего.

Эта парочка — юная девушка и седой мужчина, проживший на свете немало лет — стояла, меряясь над столом упорными взглядами. Зеленые с холодным, переливчатым отсветом серебра глаза Даны Эрде против единственного, серого галечного цвета зрачка мага из Рабиров. Про столкновение таких упрямцев обычно говорят — «нашла коса на камень». Мне показалось, что в шатре стало ощутимо холоднее.

— Каримэнон, — низким, пугающим шепотом потребовал Эллар. — Отдай его.

— По какому праву? — Дана подалась вперед.

— По праву... — волшебник удержал готовое вырваться наружу слово. Я бы не раздумывая пожертвовал своим состоянием, чтобы узнать, что он хотел сказать и какое право на Талисман предъявить. — По праву того, кто не может стоять и смотреть, как безжалостно и бездумно нарушается Равновесие мира! По праву того, кому небезразлична судьба этой земли и твое будущее!

— Мне оно тоже небезразлично! — взвилась Дана, раздраженно отмахиваясь от пытавшегося перевести разговор в более спокойное русло принца Ольтена. — Довольно угроз и болтовни! Можете возвращаться обратно и докладывать, что выполнили свое поручение!

— Самоуверенная и бестолковая нахалка, — бросил сквозь зубы маг и сделал шаг по направлению к девушке. Эрде-младшая рывком сунула левую руку в кожаную сумочку, которую терзала на протяжении всей встречи.

Дальнейшее я помню на редкость отчетливо, но мне казалось, будто участники развернувшейся передо мной сцены движутся медленно, словно находясь в толще воды.

Вокруг рабирийца всплеснулся уже виденный мной в Бельверусе крохотный смерч, сотканный из черно-серых воздушных струй. Рейенир, сидевший напротив Эллара, взвился с табурета и, почти не опираясь на руку, боком взмыл над столом, намереваясь как-то прервать начинающееся волшебство. Золотые искры, вызванные Аластором, замерцали, вытягиваясь в подобие длинной извивающейся ленты или змеи. Тотлант вжал голову в плечи и, судя по быстро шевелящимся губам, начал произносить какое-то заклинание. Что до меня, то я мысленно пожелал оказаться в нашем лагере и в своей палатке, но телесно остался на прежнем месте. У меня просто не хватило духу попробовать шевельнуться.

Зато у Маэля Монброна хватило. Он беззвучно хватанул ртом сгустившийся воздух, отшвырнул табурет и бросился к Дана. Представления не имею, ради чего. Если в попытке защититься, то она сама бы прекрасно справилась.

В сжатой ладони Долианы Эрде, вынырнувшей из сумки, полыхнуло нечто ослепительно-алое. Я угадал: она в самом деле постоянно носит магический кристалл с собой. Золотая лента, брошенная Аластором, и расширяющаяся воронка сотворенного Элларом вихря одновременно устремились вперед, столкнулись, переме-

шались, наткнулись на преграду из алого сияния и отлетели назад, причем лента на прощание ярко вспыхнула и погасла.

Несшийся через шатер Маэль врезался прямо в крутящийся пепельный вихрь. Его слегка приподняло и небрежно швырнуло в сторону.

По-моему, он даже крикнуть не успел.

Замешкавшееся время побежало с привычной скоростью.

Рейе завершил прыжок и с размаху толкнул плечом Эллара, заставив того пошатнуться. Пытавшийся встать на ноги Тотлант ухватился за край стола и вдруг, захрипев, начал валиться набок. Ольтен загородил собой Дану, но быстро догадался, что краткая схватка между присутствующими волшебниками уже закончилась.

Первыми возле упавшего и не шевелившегося Маэля оказались почему-то Аластор и я. Из моей памяти напрочь улетучилось малейшее воспоминание о том, как и когда я успел обогнуть стол.

— Зачем? — с еле сдерживаемой яростью процедил Аластор. Он поддерживал свисавшую набок голову Монброна, и я увидел, что у молодого человека изо рта стекает тонкая струйка темной крови. — Сколько раз просили тебя быть сдержанней? Ну что ты натворил!

Эллар молча оглядел разгромленный шатер, опрокинутые кувшины и шипящие в лужах пролитого вина свечи. Развернулся, наискось отмахнул рукой — затрещало безжалостно раздираемое неведомой силой толстое шелковое полотни-

ще стены — и, чуть прихрамывая, вышел наружу, в темноту и ночь.

— Нужно догнать его, пока не случилось новых неприятностей, — быстро проговорил Рейенир и выскочил следом.

— Кто-нибудь, займитесь стигийцем, — распорядился Аластор. Ольтен повысил голос, зовя слуг. Долиана поспешно бросила Камень обратно в сумку и присела рядом с нами, жалобно спросив:

— Что с Маэлем?

— Не знаю, — зло огрызнулся Аластор. — Чую, ведь, добром это не кончится!

Я мог только согласиться. Эта встреча с самого начала была обречена на провал. Как бы завтрашние переговоры, предмет хлопот Совета королей, тоже не пошли прахом. Рейе совершенно напрасно попытался втянуть в игрища вокруг немедийской короны своего мрачного приятеля, не способного владеть собственными чувствами. Не спорю, он может быть лучшим магом на весь Материк, но находиться рядом с ним опасно. Как только Чабела узнает о случившемся в лагере мятежников, она наверняка вежливо попросит Эллара удалиться. Во избежание его дальнейших непредсказуемых выходов, чреватых гибелью случайно оказавшихся поблизости людей...

Боги, неужели Маэль умрет? Так случайно и глупо?

Глава девятая

Повести Дженны Сольскель — II.

«Круговорот судеб»

*Окрестности замка Демсварт,
Немедия. Поздний вечер 24 дня
Второй осенней луны.*

Вечеринку в честь возвращения короля Конана Аквилонского к жизни в человеческом образе устроили в аквилонском лагере. Она получилась на редкость своевременной и веселой. Наверное, оттого, что десяток последних дней мы только тем и занимались, что убегали, беспокоились да интриговали. Прошрое казалось наполненным ошибками и просчетами, будущее — трудностями и хлопотами.

Сегодня, будто по молчаливому уговору, все постарались забыть о причине, заставившей нас собраться в мокнущем под мелким дождем шат-

ре у подножия провинциального немедийского замка Демсварт. Переговоры и возможное сражение — дело завтрашнего дня, а сегодня — никаких заумных бесед, никаких далеко идущих планов!

Обронивший по неосторожности слово «политика» приговаривается к троекратной пробежке вокруг огромного шатра аквилонского правителя (под стылым ветром и холодной моросью!), после чего ему надлежит выпить полный церемониальный кубок (смахивающий на ведро, из коего поят лошадей) горячего вина и произнести краткую речь о преимуществах умеренного образа жизни (последняя идея целиком и полностью лежит на совести госпожи Клелии Кассианы из Офира).

Перед угрозой столь жуткого наказания заговорить о политике не решился никто, даже бесстрашный Эрхард и уверенный в себе до кончиков ногтей Просперо Пуантенец.

Для разговоров отыскивали сотню иных увлекательных тем. Вспоминали былые дни, вызвали у Конана, как ему понравилось быть оборотнем и почему он не желал возвращаться обратно, строили предположения, куда это на ночь глядя удрали Тотлант и Аластор, прихватив с собой неутомимого любителя разгадывать чужие тайны, сиречь Халька Юсадея, и страховидного мага с Полуденного Побережья. Сообща решили дожидаться их возвращения, ибо Аластор сболтнул, что поездка надолго не затянется, и всласть распросить, где они побывали и что там повидали.

Ближе к полуночи явились гости — Чабела Зингарская, прослышавшая о благополучном возвращении ее давнему приятелю Конану надлежающего человековидного образа, вкупе с живыми редкостями зингарского двора: магом Райаном Монброном, старшим родичем Маэля Монбронна из свиты аквилонского короля, подавшимся на службу к королеве Побережья, и девицей-гулем из Рабирийских гор.

Вообще-то гулей в свите Чабелы было двое. Эта самая красотка, Меланталь Фриерра, и родной брат герцогини Ринги Эрде, Рейенир да Кадена, которого чаще называли Рейе. Его ждали позже, ибо он отбыл на ночную прогулку вместе с Тотлантом и остальной компанией.

На рабирийцев, не делавших особого секрета из своего происхождения, обитатели пестрого лагеря Семи королей посматривали косо, однако напрямую задевать не решались, опасаясь вызвать неудовольствие Чабелы.

Зато все наперебой вспоминали старинные жуткие легенды про гулей-кровопийц, сплетничали, будто королева Зингары слишком уж благоволит к загадочным нелюдям и предрекали, что добром подобная дружба не кончится. Подзреваю, шепотки множились из-за того, что Рейе открыто метил на высокое звание нового фаворита Чабелы. На мой взгляд, у него для этого имелись все возможности. А что? Он привлекательный, умный и необычный.

Как уроженку Пограничья, меня подобные рассуждения в трепет не повергают. Восемна-

дцать лет, прожитых в стране, где бок о бок мирно обитают люди, подгорные дверги и Племя Карающей Длани, то есть оборотни, кого хочешь приучат к мысли о том, что мир принадлежит не только людской расе.

Райан Монброн, похоже, разделял мое мнение, не побоявшись обзавестись подружкой-гулем. Как я поняла, Монброн-старший вообще с презрением относился к общепринятым традициями, постоянно выискивая способы их нарушать. Он и на волшебника-то нимало не походил. Скорее, на богатого студизуса с острым языком.

Я украдкой хмыкала, поняв, что с запозданием разгадала тайну покойной госпожи Ринги Эрде — отчего та не старела и выглядела столь необычно. Гули ведь живут по триста-четырееста лет. Вдобавок я услышала потрясающую свеженькую новость: оказывается, гули всерьез полагают себя потомками альбов времен Роты-Всадника! Когда речь зашла о Темном Роте, мне поневоле стало смешно — восемь с небольшим тысячелетий прошло, а круги по воде до сих пор разбегаются! Изрядно пошумел Повелитель Ночи или кем он там являлся. А рабирийцы преувеличивают. За столько тысячелетий ни одно племя не сохранит изначальных черт. Хотя... Взять полуночные народы, вроде асиров, киммерийцев или жителей Темры. Сколько годков минуло с той поры, когда они поселились на Полуночи Материка? Наверное, счет их истории тоже может идти на десятки сотен лет. С этими аль-

бами или их потомками вообще не разберешь, что к чему. Живут себе, и пусть живут. Главное, чтобы ни на кого не бросались и кровушку не пили.

Эртель и Веллан при виде рабирийки переглянулись, сделали стойку и дружно пошли на приступ, воспользовавшись тем, что ее спутник отвлекся. Спрашивается, чего в ней примечательного? Тошная, угловатая, черные волосы прорежены седыми прядями. Только глаза хороши: серые, золотисто-сияющие. Если есть на свете ведьмы, то они должны походить на Меланталь Фриерру. А происходи она не из рода гулей, будь заурядной девчонкой, наши неугомонные оборотни в ее сторону и ухом бы не повели... Диковинку им подавай!

Будем правдивы: девица Дженна благополучно напилась и теперь злословит. Имею, между прочим, законный повод! Оплакиваю свое провалившееся замужество и улетучившуюся корону. Все мои беды — из-за Тараска Эльсдорфа! В Демсварте он первым делом отыскал меня, высказав многое по поводу чересчур самонадеянных варварок, не понимающих своего счастья. И вторично потребовал ответа: принимаю я его кольцо и предложение стать королевой Немедии? Тут я разозлилась и наговорила лишнего, припомнив все наши давние разногласия и заявив, что обойдусь без его щедрых подачек. Коли хотел на мне жениться, так и говорил бы сам, а не присылал нарочного с затверженным наизусть посланием! Я-то отлично прожила без короны, а вот что бу-

дет делать ваша милость спустя пару дней, когда с него начнут эту самую корону стягивать и, может быть, вместе с головой? Какие такие «законные права»? Кому-нибудь другому объясните, а я-то знаю, какими тайными тропками Ваше величество на трон карабкалось! И нечего мне грозить неприятностями! Со своими разберись сперва!

В общем, мы с Тараском вволю наорали друг на друга и я перебралась жить в лагерь Эрхарда. Нет, все клонится к тому, что не сидеть Зенобии Сольскель на Троне Дракона, а возвращаться, несолоно хлебавши, в Пограничье, где поскорее становиться добропорядочной супругой кого-нибудь из отцовских компаньонов. Погуляла, на мир посмотрела, себя показала, и будет. Как закончится немедийская заварушка, уеду вместе с отрядом Эрхарда домой, в Вольфгард. Куда мне, купеческой дочурке, тягаться с благородными красотками, когда гульская замухрышка или рыжая Цинтия Целлиг одним взглядом добиваются от мужчин того, чего мне не добиться произнесением сотни слов?

Не место мне здесь. И кувшин с яблочной наливкой опустел. И никто на меня внимания не обращает, даже Эртель. Собрались подле Конана и Чабелы, и оживленно болтают на десяток голосов. Интересно, о чем?

Слегка пошатываясь, я побрела к веселящейся кучке гостей. Оказалось, их там развлекала девица-гуль, умевшая предсказывать будущее. По рунным камешкам, как это делают жре-

цы-годью в Нордхейме. Только камешков у нее поменьше, около десятка, и символы на них другие, я таких никогда не видела. Рабирийка сначала раскидывает горсть буроватых галек по столу, потом проводит над ними рукой, и внутри двух-трех камешков загорается еле различимый огонек. Значит, они и будут ответом. Вопросы ей не задавали, гадалка просто смотрела на человека, бросала камешки и коротко растолковывала значение выпавших символов.

Так, королеве Чабеле она сказала:

— Взятое Океаном не возвращается обратно. Смирись, иначе потратишь жизнь на бесплодные поиски.

Зингарка озадаченно подняла тонкую бровь, пытаясь сообразить, что может значить эдакое пророчество. Кто-то вспомнил предания Побережья об исчезнувших кораблях, которые обречены на вечные скитания, но говорить о зловещем никому не хотелось. Вдобавок к предсказательнице проснулся нетерпеливый Эртель, умильно вереща:

— Меланталь, а я? Ну скажи, что я проживу свой век долго и счастливо!

— Только никогда не будешь первым,— ответила рабирийка, и королевский племянничек растерянно заморгал, наверняка заподозрив, что девица где-то прослышала о постоянно сопутствующей ему неудаче. Эртель всегда и во всем оказывался вторым. Даже закадычный и лучший дружок Веллан умудрялся в любом деле хоть немного, а брат над ним верх.

— Моя очередь! — Веллан бесцеремонно отпихнул нахмурившегося приятеля, явно готовясь услышать нечто замечательное. Меланталь сосредоточенно изучила выпавшие камешки и неохотно проговорила:

— Твоя беда лежит на дороге. Опасайся костей.

— Каких костей? — оторопело переспросил оборотень.— Мне что, мяса больше не есть?

— Избегай придорожных таверн с названиями «Тощий волк» или «Берцовая косточка»,— подсавленное хихиканье общества посоветовал Конан.— Гадателей что, нарочно обучают изъясняться недомолвками? Спрашиваешь их, как приличных людей, мол, не убьет ли меня завтра кто или не пытаются ли дражайшие приятели надуть, а в ответ тебе вкручивают про извилистые пути звезд да коварство судьбы.

Девушка-гуль широким жестом раскатила камешки, кротко глянула из-под опущенных ресниц на аквилонского короля и нежнейшим голосом прозвенела:

— Ты женишься еще до наступления лета.

— Что? — киммериец поперхнулся вином, госпожа Клелия благовоспитанно прыснула в ладошку, а Просперо язвительно заметил:

— Давно пора. Госпожа Меланталь, не откроется ли тебе, какой именно женщине суждено принять на себя столь тяжкую обязанность?

— Она присутствует в этом лагере,— незамедлительно откликнулась рабирийка. По шатру прокатились ехидные смешки и перешептыва-

ния, дамы подчеркнуто начали прихорашиваться, строя глазки приунывшему королю Аквилонии.

Подоплеку смешков я знала — Хальк Юсдаль рассказывал.

Вот уже шесть лет Его величество Конан Канах вел неравную борьбу с дворянским Советом Аквилонии и своими близкими друзьями, настаивавшими на том, что королю пора прекратить наводнять Тарантийский замок мимолетными пассиями, обзаведясь законной подругой и дав стране достойную королеву. Сам Хальк относился к числу придерживающихся здравой мысли, что наилучшей партией для Конана стала бы Чабела Зингарка.

Правительница Полуденного Побережья тоже ничего не имела против, неоднократно предлагая Конану союз, чрезвычайно выгодный как для них самих, так и для стран-соседей. Варвар каждый раз отказывался. По-моему, из чистого упрямства. Не стерпевшая подобного обращения Чабела вышла замуж за бесцветного и тихого Оливерро, ставшего ее верным подкаблучником. Просперо, насколько я знала, тоже не оставался в стороне от хлопот по устройству будущего сюзерена.

У пуантенского герцога имелась уйма хороших племянниц и иных дальних родственниц, любая из которых обеими руками вцепилась бы в аквилонскую корону.

Дробный частый стук костяшек по столешнице.

Новое предсказание выпало на долю Леопарда из Пуантена:

— Ищи удачу вдоль речных берегов. Старайся не верить первому впечатлению.

Следующей предстояло узнать свое будущее взволнованно ерзающей на табурете Цинтии, но меня словно дернули за язык. Я отодвинула в сторону с любопытством глазевшего на тайнство гадания зингарца из свиты Чабелы и громко спросила:

— А что плохого ожидает меня?

Меланталь наградила меня лучистым взглядом и безмятежно ответила:

— Не беги от судьбы, иначе рискуешь свернуть на дорогу, ведущую в болото. Преодолеть искушение можно, только доверяя голосу сердца.

Признаться, я рассчитывала услышать нечто более определенное...

Видимо, мою физиономию перекосило донельзя разочарованное выражение, ибо Веллан утешающе похлопал меня по плечу и всучил бокал с шемской «Золотой лозой». Я отхлебнула, не почувствовав вкуса. Может, совет «не бежать от судьбы» означает, что я поторопилась впасть в отчаяние?

Снаружи донесся частый конский топот. Лошадь остановилась около шатра аквилонского короля, кто-то сбивчиво заговорил, обращаясь к стражникам при входе и явно требуя пропустить его внутрь. Караульные возражали, но их внушительные голоса вдруг стихли, словно гвар-

дейцам заткнули рты. Хлопнуло откидываемое в сторону полотнище, пропустив кого-то невысокого и гибкого. Незванный гость стремительно ворвался в круг света, обернувшись Рейениром да Кадена.

Гуль, обычно выглядевший так, будто собирается на торжественный прием при королевском дворе, выглядел мокрым, взъерошенным и донельзя обеспокоенным. С его плаща и забрызганных сапог стекали ручейки грязи.

— Нижайше прошу прощения,— торопливо проговорил он, озираясь по сторонам.— Эллаар здесь не появлялся? Я имею в виду, за последний колокол он к вам не заходил? И никого не присылал с какими-нибудь известиями?

— Нет,— первым откликнулся Просперо.— Что-то случилось?

— Рейе, в чем дело? — Меланталь вскочила на ноги, сгребая гадальные принадлежности и поспешно ссыпая их в замшевый мешочек.— У Эллара неприятности?

— Не только у него,— гуль нервно дернул углом тонкогубого рта.— Райан, будет лучше, если ты отправишься к дороге в деревню и встретишь остальных.

— Да в чем дело-то? — громыхнул Конан.— Вы где шлЯлись?

Вопрос короля остался без ответа — Рейе повернулся к своей соплеменнице, распорядившись:

— Меланталь, поезжай с Райаном. Посмотри, может быть, тебе удастся чем-то помочь. Еще

раз приношу извинения, но я должен как можно скорее отправиться на поиски Эллара. Вряд ли он мог далеко уйти. Скоро вернутся Аластор и барон Юсдаль, они все расскажут.

— Твой приятель верхом или пешком? — деловито уточнил Эртель.

— Пешком. Скорее всего, бродит где-то между лагерями и рекой,— Рейенир попятился к выходу, а Веллан с Эртелем, переглянувшись, выбрались из-за стола.

— Мы, пожалуй, съездим с ним,— пояснил Веллан, обращаясь преимущественно к Эрхарду.— Кажется, в самом деле стряслось что-то нехорошее.

За что могу простить моим друзьям-оборотням любую выходку, так за готовность встрять в очередную авантюру, не колеблясь и не выпрашивая подробностей. Какое, спрашивается, им дело до рабирийцев и их страхолюдного колдуна?

Сидели бы в тепле, пили и трепались до наступления утра...

— Подождите, я тоже иду! — крикнула я, вспоминая, куда могла бросить свой плащ и где расположена стойка с оружием.

Уже выбегая под дождь и ветер, я услышала, как в шатре тревожно загудели голоса, без труда перекрываемые истинно варварским рыком аквилонского короля, требовавшего, чтобы ему немедленно объяснили, какая еще гадость свалилась на наши головы.

*Раннее утро 25 дня
Второй весенней луны.*

Снаружи нас встретила весенняя круговерть из мокрой снежной трухи, хлюпающей под ногами жидкой грязевой кашицы и порывов стылого речного ветра.

Мы добежали до хлипкого сарайчика, где переминались с ноги на ногу недовольные, мерзнувшие лошади, и торопливо принялись за тяжелое дело седлания, надеясь, что за работой согреемся.

— Куда вас все-таки носило? — еле слышно постукивая зубами от холода, осведомился Эртель.

— К мятежникам, — прозвучал короткий ответ.

— А зачем? — не отставал оборотень.

— Эллари непременно требовалось поговорить с Долианой Эрде. Убедить ее не делать из хрупкого магического кристалла дубину, которой она начнет размахивать под носом у немедийцев. Эллар полагает неважным вопрос, законный правитель Тараск или нет, он больше всего опасается, что Долиана окажется под влиянием Камня и превратит мир в пустыню.

— Разве она сумеет? — не поверила я.

— Вполне. Она девочка способная, — серьезно сказал гуль и задумчиво добавил: — У моей сестры выросла замечательная наследница, только слишком упрямая и не желающая никого слушать.

— Это она по молодости, — авторитетно заявил Веллан. — Сколько ей лет? Шестнадцать? Подрастет и поумнеет. Так всегда бывает.

— К некоторым моим знакомым это правило не относится, — вполголоса, однако достаточно отчетливо пробормотал Эртель, наверняка подразумевая своего лучшего друга и дядюшку-короля.

— Так чем закончилась ваша поездка в лагерь Ольтена? — я застегнула последние пряжки на ремнях упряжи и потянула раздраженно фыркающего коня к выходу. — Достигли чего-нибудь полезного?

Рейе безнадежно отмахнулся:

— Ссоры мы добились, только и всего. Моя дражайшая племянница — твердый орешек, который не всякому по зубам. И я с радостью помоюсь любому из людских богов, чтобы мы отделались только испугом и ночными поисками, а не узнали завтра утром, что у нас по вине Эллара на руках имеются двое покойников.

— Он кого-то убил? — ахнул Эртель.

— Он разозлился и не смог удержать свою магию. Пострадали Маэль Монброн и отчасти Тотлант, — сухо ответил рабириец. — Именно поэтому нужно отыскать Эллара раньше, чем он доставит огорчения еще кому-нибудь. В первую очередь самому себе. Вы едете?

— Слушай, кто он тебе? — недоуменно спросил Веллан. — Я Эллара имею в виду. Приятель? Наставник? Он вроде взрослый человек, способный о себе позаботиться!

— Я должен присмотреть за ним,— упрямо отрезал Рейенир, и решительно выбрался из-под навеса. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Середина ночи давно миновала и, как я решила, сейчас шел второй или третий послеполуночный колокол. Самое время вздремнуть, а не носиться под снегопадом между шатров и палаток, выискивая неведомо куда задевавшегося колдуна. Для начала мы наскоро обшарили владения зингарцев, убедившись, что там Эллар не показывался. Заглянули в становище Эрхарда, не услышав ничего утешительного.

— Он не мог направиться в Алгиз? — выказал предположение Эртель, яростно отряхиваясь от липкого влажного снега.

— Вряд ли,— задумался Рейе.— Но, пожалуй, стоит проверить. Он иногда совершает неожиданные поступки, особенно когда огорчен или расстроен.

— Я тоже скоро донельзя огорчусь,— буркнул Беллан, как раз получивший в физиономию пригоршню колких снежинок.

Деревушка Алгиз у подножия замкового холма даже в глухую полночь выглядела как скопище ярко мелькающих сквозь непогоду огоньков. Похоже, веселье не прекращалось ни на единый миг. Ему не могла воспрепятствовать даже не на шутку разгулявшаяся метель. Я представила, как нам придется бродить между заставленными кружками с элем столами, выпрашивая у плохо соображающих воителей, не проходил ли мимо

высокий одноглазый человек, и мне отчего-то стало нехорошо. Но раз взялись за дело, не годится бросать его на полпути.

— В деревню, так в деревню,— печально согласилась я и пнула заартачившегося коня по бокам.

На разбитом множестве копыт и размытом дождями проселке, гордо именуемом «Дорогой в Алгиз», нас ожидал терпеливо мокнувший посланец. Как выяснилось, отеческую заботу о нас проявил Эрхард, здраво сообразив, что рано или поздно мы окажется поблизости от перекрестка, и поручив одному из своих охранников сообщить нам последние новости. Аластор и Хальк Юсдаль недавно вернулись. Мятежники выделили им охрану, а также одолжили лошадей и носилки, дабы привезти Маэля Монброна, изрядно смахивавшего на мертвеца, и Тотланта, без посторонней помощи не имеющего сил ступить и единого шагу. Обоих страдальцев приютила зингарская королева, сейчас над ними хлопочут ее нынешний придворный маг и девица из Раби-ров. Чабела также отправила на поиски Эллара десяток своих телохранителей и велела присылать ей все возможные новости. Когда — и если — рабийского волшебника найдут, пусть его доставят к правительнице Побережья. Так сказать, для приватной беседы. Сам Эрхард сидит у офирцев, а Конан и Просперо вроде собирались присоединиться к розыскам.

Мы прочесали Алгиз, ставший одним громадным кабаком под открытым небом, вдоль и по-

перек. На всякий случай заглянули даже в маленькую митрианскую часовню и в бордель, устроенный в доме старейшин.

Пусто.

К нам присоединились зингарцы Чабелы и несколько аквилонских гвардейцев. Посовещавшись, мы устроили рискованную вылазку к пределам лагеря мятежников, окликнули и расспросили тамошнюю стражу. Проехались вдоль границ становища, пошарили по темным оврагам, залитым талой водой, порыскали по окрестным холмам.

Ничего.

Мне начало казаться, будто я превращаюсь в ледяную статую. Ног в стремях больше не чувствовалось. Цвет неба постепенно менялся с непроглядно-черного на грязновато-серый, предвещая близкий рассвет. Снегопад прекратился, теперь нас поливало мелким дождем. Сгорбившийся в седле Рейе притих, отзываясь на наши расспросы маловразумительным ворчанием.

Веллан, тоже замерзший как собака (или как волк, что больше подходило его подлинной сущности), предложил рискнуть: набраться нахальства и наведаться в гости к Тараску Эльсдорфу. Не станут же караульные палить в нас из луков почем зря, сначала окликнут! Мы не подкрадывающиеся тайком лазутчики, мы — представители Совета Семи королей. Спросим, не мелькал ли здесь наш беглец, да поищем его по округе.

План выглядел совершенно безумным, и потому вполне удался. Разъезд стражи, на который

мы наткнулись, покорно выслушал наши бредовые рассказы и любезно сопровождал к охраняемому конным десятком входу к маленькому военному укреплению Тараска.

Никого и ничего.

— Куда он провалился? — бурчал крайне недовольный всем сущим Эртель. — Неужели проскочил мимо? Сидит, небось, под крылышком у Чабелы... Рейе! Рейе, где вы отыскиали такое сокровище? Пряма-таки выходец из старой-старой и мрачной легенды!

— Времен Роты-Всадника, — устало съязвила я, еле ворочая языком.

Насмешки оставили Рейе равнодушным. Он привстал на стремях, оглядываясь, и заявил:

— Я съезжу к реке, вдруг повезет. Хотите, возвращайтесь обратно.

— Вот еще! — возмутился Эртель. — Ладно, скатаемся до берега, а потом поедem к нам в лагерь. Отогреться. Придем в себя и будем искать дальше. Может, днем он одумается и вернется. Рейе, слушай, вдруг твой разлюбезный Эллар просто ушел? Выбрался на тракт и потопал к ближайшему городу.

— Оставив меч и коня? — вымученно усмехнулся гуль. — Не-ет, он где-то поблизости.

Мы пересекли гряду низких безлесных холмов, поросших унылого вида кустами и испятнанных ноздреватыми тающими сугробами, выбравшись к обрывистому речному берегу. Нумалия бежала мимо нас — плоская, свинцово-серая, широкая и равнодушная. Иногда по ней

проплывали сизовато-голубые льдины с острыми обломанными краями. Где-то за толстым слоем облаков карабкалось на небо солнце, окрасив речную излучину, холмы и раскинувшиеся на них многочисленные темные шатры неярким пепельно-серебристым окрасом с еле заметным оттенком розового. Веллан, который наверняка сожалеет, что встрял в эти безнадежные изыскания, тоскливо, с подвыванием зевнул и вдруг замер с полуоткрытым ртом, тыкая рукой куда-то вверх по течению.

Я перегнулась через конскую шею, чтобы взглянуть, что его удивило. Справа от меня Рейе с шипением втянул промозглый воздух.

Внизу, на узкой и длинной каменистой отмели стоял высокий человек в выпцветшем зеленом плаще, болтавшемся широкими мятыми складками. Стоял и глядел на присыпанную снегом равнину по другую сторону русла Нумалии. Я не особенно чувствительна, однако это незамысловатое зрелище — одинокая фигура на пустынном речном берегу — вызвало у меня ощущение какой-то сумрачной безысходности.

— Ага! — провозгласил мгновенно оживившийся Веллан. — Что теперь? Спускаемся вниз, хватаем его и тащим на расправу?

— Сам иди и хватай, если такой смелый, — огрызнулся Эртель, подозрительно рассматривавший рабирийского мага. — Но на меня можешь не рассчитывать. Знаю я колдунов. Уж на что Тотлант хороший человек, а сунешься к нему в неподходящий миг, когда он в книжку носом ут-

кнулся или от тоски мается, так с него вполне станется блох напустить!

— Не надо куда-то идти и никого хватать, — Рейе спрыгнул с седла, звонко хлопнув подошвами по грязи. Перебросил поводья отнюдь не Веллану или Эртелю, а мне. — Госпожа Дженна, сделай одолжение, отведи мою лошадь в зингарский лагерь.

— Пойдешь к нему? — я указала взглядом на темный силуэт, маячивший возле кромки серой воды.

— Пожелай мне удачи, — серьезно и в то же время ехидно попросил гуль. — Где-то спустя колокол я постараюсь доставить его к Чабеле. Предупреди Ее величество, ладно? Пусть она пригласит еще кое-кого...

— Аластора и Халька Юсдаля, — догадалась я. — Только их?

— Конан Аквилонский и так наверняка там будет, — рассудил Рейе. — Райан Монброн тоже. Они сообразят, кого позвать и кому что сказать. Да, ты сама тоже приходи.

Он повернулся и заскользил вниз по склону, ловко перепрыгивая с камня на камень и семена по коварным глинистым выступам. Благополучно спрыгнул на узкую полоску коричневого, смерзшегося в комья песка.

Затем он поднял голову, махнул нам рукой и зашагал к Эллару, оставляя позади цепочку четких, узких следов.

На всякий случай мы немного поторчали над обрывом, убедившись, что гуль и его хмуры

приятель вполне мирно беседуют и не намерены хвататься за мечи. У одноглазого, впрочем, и меча-то не было.

— Поехали отсюда. Они сами разберутся,— я развернула коня, привязав к луке седла повод кобылки Рейенира.— Кто куда? Я — извещать ее милость Чабелу.

— Мы тебя проводим,— кивнул Веллан.— Посмотрим, как дела у Тотланта и Маэля. Надо же толком разузнать, что приключилось.

* * *

Повидать Монброна мы не смогли. Возле входа в палатку бдела огромная рыжая псина кофийской бойцовой породы, которая, заведя посетителей, немедленно зарычала, показывая клыки устрашающей длины.

Мы растерянно топтались около маленького шатра, украшенного мокрым красным вымпелом с изображением золотого меча. Собака гавкала, стоило кому-то сделать хоть шаг. Спас нас выбравшийся наружу Хальк Юсдаль.

— Скверно,— кратко ответил он на наши расспросы, горбясь под порывами холодного ветра.— И повинна в этом чистой воды случайность да слишком вспыльчивые характеры Даны Эрде и мага-рабирийца. Они сцепились между собой, а Маэль по благородству и глупости решил совершить очередной подвиг и угодил как раз посерединке. Теперь Райан пытается вернуть его к жизни, но, похоже...— он не договорил, махнув

рукой и гораздо более деловитым тоном спросив: — Эллара нашли?

— Торчит на берегу реки. Рейе уговаривает его прийти с повинной,— сказала я.— Меня попросили сообщить об этом Чабеле. Могу я ее увидеть?

Хальк согласно кивнул и повернулся к оборотням — узнать, что намерены делать они. Эртель и Веллан здраво рассудили, что толку от них сейчас никакого, новости они узнают от Эрхарда и поэтому они возвращаются в лагерь короля Пограничья. Если понадобится их помощь, достаточно прислать гонца. Ближе к полудню мы снова встретимся — у ворот замка Демсварт, собираясь ехать на переговоры.

Шатер зингарской королевы, к которому мы шли, прыгая по наполовину утонувшим в грязи доскам, смахивал на небольшой походный дворец, который легко собрать, уложить в повозки, перевезти на новое место, где собрать заново. В утренних сумерках он мерцал пронзительно-голубым цветом шелковых полотнищ, расшитых серебряными рыбками, и мне вдруг пришла в голову неожиданная мысль: я никогда не бывала у моря. Пограничье да Немедия — вот что я видела. Провинциалка, как есть провинциалка из захолустья.

Внутри оказалось на удивление тепло. Или мне показалось, после целой ночи шатания под дождем и снегом.

Нам навстречу выскочила фрейлина из свиты Чабелы, сдержанно заахала, глянув на трясущее-

ся непотребство, некогда бывшее Зенобией Сольскель, велела немедленно снимать промокшие насквозь плащи и настойчиво повлекла за собой, сквозь разлетающиеся занавеси и крохотные залы с коврами вместо стен.

Очнулась я, сообразив, что торчу подле раскаленной жаровни и вливаю в себя второй или третий бокал горячего туранского вина, куда чья-то щедрая рука отсыпала столько жгучих специй, что я закашлялась.

Кто-то сообразил протянуть мне кружку с водой, и я запоздало узнала непривычно обеспокоенного Аластора Кайлиени. Покосилась влево-вправо, увидев малую часть тех, кто присутствовал на вечеринке у аквилонцев. Собственно владелица шатра, Чабела, забралась с ногами на отодвинутый в неглубокую стенную нишу кривоногий диванчик, завернувшись в длинную пеструю шаль. Зингарка выглядела какой-то потерянной и совсем не блистательной, какой мы привыкли ее обычно видеть. Ни тебе вычурной прически, ни роскошных нарядов, ни золотой россыпи украшений. Просто женщина с Полуденного Побережья, красивая, но уже в возрасте и изрядно потрепанная жизнью.

Возле диванчика, прямо на полу расположился Конан и что-то вполголоса втолковывал королеве Океана. Та рассеянно слушала, терзая кисточки своего покрывала. Потом я разглядела стол, бронзовый шандал со свечами, поблескивающую серебряную посуду, и еще двоих — пришедшего со мной Халька и мрачного Просперо.

— Отыскали? — вскинулась Чабела, увидев, что я способна поддерживать разумную беседу. Ей не понадобилось уточнять, кого она имеет в виду.

— Да, Ваше величество,— я хотела подняться на ноги, но стоявший сзади Аластор не слишком вежливым толчком усадил меня обратно.— Он на берегу Нумалии. С ним остался Рейенир да Кадена. Они придут сюда, в смысле, в лагерь Зингары, как только Рейе сумеет успокоить Элара. Рейенир сказал, что ему понадобится колокол или немного больше.

— Тогда мы подождем,— решила зингарская королева и тревожно поинтересовалась: — Что с Маэлем?

— Пока что дышит,— угрюмо откликнулся Хальк.— Однако с виду смахивает на покойника трехдневной давности. Райан говорит, что ему незнакомы подобные заклятия и он способен только удерживать Маэля на грани между жизнью и смертью. Настоятельно просил не беспокоить его и не ходить возле палатки. С ним остались Меланталь и Цинтия, они помогут.

— Это я во всем виновата! — Чабела в сердцах рванула край многострадальной шали.— Я подумала, сколько в последнее время говорилось о древней магии и о волшебстве, и решила: нам не помешает иметь своего знатока! Тотлант ведь сам признавался, что многого не понимает и не отважится выступить против ксальтотуна... Вдобавок я надеялась договориться с гулями. Вы же понимаете, какая это невероятная, просто по-

трясающая возможность наконец-то разрешить тягостный вопрос о Рабирах!

— Перестань оправдываться,— перебил зингарку Конан, явно повторяя доводы, прозвучавшие уже не раз.— Ты поступила совершенно правильно. И вампиры твои драгоценные никуда от тебя не сбегут. Что же до Хасты... Явись он ко мне с подобным предложением, я бы даже раздумывать не стал. Да, время от времени на него находит, особенно когда он всерьез разозлится. Но поверь, из всей волшебниковой шатии, которую я повидал на своем веку, этот — не худший. Просто у него... как бы это сказать поточнее...

— Проклятие неудачливости,— бросил Аластор, словно вынося приговор.— Его лучшие намерения всегда оборачиваются худшей стороной.

«Любопытно,— сопоставив кое-что из услышанного, я пришла к удивившему меня заключению: — Значит, Конан знает рабирийца? Только зовет его на свой манер, не Элларом, а Хасты. Где их угораздило встретиться? Когда? Похоже, довольно давно».

— Теперь у нас есть одержимая жадой мщениа девушка, обладающая могущественным талисманом, справиться с которой мы можем с помощью колдуна, затрудняющегося держать в узде собственную неуравновешенность,— желчно подвел итог Хальк.— Добавим необычно притихшего и обладающего неведомо какими умениями месьора ксальтотуна, а также нашего собственного мага, сиречь Тотланта, в данный момент

страдающего равно от головной боли и от осознания того, что он не сумел предотвратить несчастья.

Я украдкой потянула Аластора за рукав и, когда он обернулся, шепотом спросила: «Кстати, где Тотлант?».

— В комнате по соседству. Его слегка зацепило, к полудню наверняка встанет на ноги,— порадовал меня замориец.

— Допустим, все обстоит именно так. Что ты предлагаешь? — рассудительный голос принадлежал Просперо.— Попросить Эллара удалиться?

— Ничего не предлагаю,— огрызнулся Хальк.— Можете надо мной смеяться, только я его просто боюсь. Не из-за перекошенной физиономии, видывали и пострашнее. Он как будто явился к нам откуда-то издалека, из иной сферы бытия, с другой стороны неба!

— Из легенды,— подсказала я, вспомнив болтовню Эртеля.

— Вот именно! — размашисто кивнул барон Юсдаль.— Ежели он такой великий колдун, почему никто из нас раньше о нем не слышал? Волшебникам тщеславие свойственно в той же степени, как королям и простым смертным. Они точно также заботятся, чтобы их имена стали известны, чтобы простой люд обсуждал их дела и побаивался. А он? Никто и ниоткуда! Что ему понадобилось от нас? Зачем он вдруг решил вмешаться в немедийские дела?

— Положим, ксальтотун о своем трудном жизненном пути тоже не слишком распростра-

няется,— хмыкнул Конан.— Хальк, ты преувеличиваешь. Для мага Хасты — вполне приличный человек. Высокомерный и замкнутый — не спорю. Скажем так, мне и Аластору кое-что известно о том, откуда он взялся и мы имеем основания ему доверять. Этого тебе достаточно?

— Нет,— упрямо наклонил голову Хальк. Мне показалось, будто королева Чабела готова к нему присоединиться. Честно говоря, я бы тоже поддержала аквилонца, но грозившую вот-вот вспыхнуть ссору прервало явление Райана Монброна. Он не вошел, скорее влетел, бросил косой взгляд по сторонам, и с порога рявкнул:

— Где эта сволочь одноглазая?

— Месьор Райан,— укоризненно протянул Просперо.— Мы сочувствуем твоей беде, однако это не оправдание столь вызывающему поведению...

— Извиняюсь,— нехотя буркнул Райан.— Так где он?

— Скоро придет,— что-то в голосе Конана заставило мага присмиреть.— А когда он пожалует, ты будешь стоять тихо и держать язык на привязи. Хватит с нас магических поединков. Ты меня понял? Скажи лучше, как Маэль?

Король Аквилонии и парочка вечно ссорящихся представителей семейства Монбронов Танасульских, как выяснилось, были знакомы уже лет восемь. С той славной поры, когда Конан занимал почетную и опасную должность королевского корсара при Его величестве Фердруго, покойном батюшке Чабелы.

Маэль Монброн входил в команду варвара, а Райан Монброн однажды подкинул им хорошенькую загадку, вынудив не то охотиться на морского змея, не то отлавливать последнего в мире дракона — точно не знаю. Монброн-младший после заделался аквилонским лазутчиком, его старший родственник продолжал вести развеселую жизнь странствующего мага и авантюриста.

Конан, заметив его на сегодняшней вечеринке, соорудил такую гримасу, будто съел что-то очень кислое. Должно быть, в прошлом они не слишком ладили между собой.

— Маэль...— Райан, словно разом потеряв свою самоуверенность, тяжело опустился на табурет.— Маэль умирает. Или уже умер. Я ничего не могу для него сделать. Ни я, ни Меланталь, никто. Это слишком...— он пощелкал пальцами, ища нужное слово,— слишком *иное*. Теперь подобного волшебства не существует. Оно забыто. И правила его забыты — за давностью минувших лет. Поэтому я пришел сказать: или я, или Эллар из Рабиров. Маэль — вздорный и сумасбродный мальчишка с ветром в голове, но я им дорожу. Я не хотел для него такой гибели — стать случайной жертвой сумасбродного колдуна. Да, Эллар действительно сильнее нас всех, вместе взятых — и ксальтотуна, и меня, не говоря уж о Тотланте. Только имейте в виду, Эллар непредсказуем. У вас есть твердая уверенность, что завтра он не отправит к Нергалу кого-нибудь из здесь присутствующих? Невзначай, под

дурное настроение и горячую руку? Госпожа моя королева,— он порывисто вскочил, обращаясь к Чабеле: — Я пристрастен, но подумайте сами! Что, если смерть Маэля — только начало?

— Мы нуждаемся в способностях Эллара... — нерешительно возразила Чабела.— И я не могу отослать Рейе и госпожу Фриерру...

— Речь идет не о них,— замотал головой Райан.— Гули загадочны своим происхождением и талантами. В остальном они почти такие же, как мы. Они согласились сопровождать Эллара, поскольку он плохо разбирается в людских делах, однако у них свои взгляды на жизнь. Взгляды, которые можно понять.

В глубине души я понимала, что на самом деле Райану просто не хочется расставаться с Меланталей. Оттого он и защищает рабирийцев.

— Не обязательно же его прогонять,— неожиданно вмешался Аластор.— Мы можем заключить его под стражу до нужного срока. Взять клятву, что подобного не повторится.

— Считаете, это подействует? — грустно осведомилась Чабела.— По-моему, получится еще хуже. Либо мы доверяем Эллару, либо нет. Нельзя держать человека на цепочке или в клетке, выпуская только в нужные моменты. Тем более невозможно обращаться подобным образом с волшебником, особенно с таким характером, как у него. Будет честнее попросить его уйти.

Из-за занавески неслышной тенью выскользнула Флана, старшая камеристка Чабелы. Присе-

ла в поклоне, тихо зашелестела, докладывая госпоже.

Чабела вздохнула, негромко распорядившись пригласить гостей.

— Рейе и Эллар вернулись,— сообщила нам зингарка, когда фрейлина убежала выполнять поручение.— Насколько я понимаю, мнения разделились? Должны ли мы оповестить наших союзников или примем решение сами, в узком кругу?

— Райан,— обдумывавший что-то Конан внезапно рывком поднялся на ноги.— Вы сможете справиться с Даной? Я имею в виду тебя, Тотланта и, прах его подери, этого распроклятого ксальтотуна, не к ночи будь помянут?

— Ксальтотуну я не доверяю,— сразу, не раздумывая откликнулся Райан.— С него станется ударить ножом в спину, когда ты потеряешь осторожность. Вдвоем с Тотлантом мы, может быть, управимся, а может, и нет. Крови в любом случае не избежать. Большой крови. Помни, что наградой победителю станет Каримэнон, Алый Камень. За него многие не пожалеют не только жизни, но и бессмертия души.

— Посмотреть бы мне в честные глазки того, что выволок эдакое сокровище на белый свет,— зло процедил Конан.

— Может, и поглядишь,— обнадежил его Райан Монброн.

Он встал и на всякий случай отошел в самый дальний угол комнаты, почти исчезнув в складках занавесей и колеблющихся теней.

* * *

Они вошли, принеся с собой волну стылого уличного воздуха и запаха тающего снега. Рейе выглядел чуть-чуть виноватым и обескураженным. Он испытывал неловкость из-за поступка своего приятеля, и опасался, что отвечать придется заодно и ему.

Эллар же спросил:

— Мальчик жив?

— Ты можешь ему помочь? — быстро ответила вопросом на вопрос Чабела.

Повисла тишина, нарушаемая треском горящих свечей, хлопанием матерчатых стен под ветром и тихим шелестом падающего на выгнутую крышу шатра дождя.

— Нет, — глуховато произнес Эллар. — Я всегда был скверным целителем.

Я думала, он добавит «мне очень жаль», а он стоял, нагнув голову и исподлобья рассматривал нас. Волосы у него слиплись от влаги в длинные тонкие прядки, и выглядел намного он хуже обычного. Втайне я порадовалась, что сижу слева от него и почти не вижу обожженной половины лица Эллара. И тому, что позади меня стоит Аластор. Наверное, он догадался, что даже нестигаемая и чрезвычайно независимая девица из Пограничья иногда нуждается в дружеской поддержке. Положил мне руки на плечи, слегка сжал и прошептал: «Все обойдется».

— Надо полагать, здесь собралось что-то вроде суда? — заговорил рабирийский волшебник.

Тогда можно не тратить время на долгие разговоры. Я совершил то, что совершил, и я признаю себя виновным.

Признает он, как же. Таким высокомерным тоном, надо полагать, отказываются от прав на королевство. Не-ет, прав Хальк Юсдаль — нечего этому типу тут делать, будь он хоть тысячу раз величайший маг всего Восхода и Заката. Сидел в Рабирах, и пусть сидит дальше.

Чабела встала со своего диванчика и откашлялась. Решительности у нее заметно поубавилось, и голос звучал, как у обычной женщины, вынужденной рассчитать полезного, однако нарушившего домашние порядки слугу:

— Месьор Эллар, я... Я вынуждена попросить тебя удалиться. Мы не можем доверять человеку, не способному держать себя в руках. Признаю, многие из нас не свободны от этого недостатка, однако он становится вдвойне опасным, если им страдает волшебник. Я хотела бы избежать растущей неприязни и подозрительности. Не знаю, выживает Маэль Монброн или покинет нас, но я опасаясь повторения подобных случаев. Не будет ни суда, ни обвинений. Ты просто уедешь. Я могу надеяться, что ты выполнишь мою просьбу? Именно просьбу, не приказ. И я не хотела бы навсегда потерять тебя из виду. С твоей стороны будет весьма любезно навестить меня в Кордаве.

Из-за разницы в росте ей пришлось высоко поднять голову, но зингарская королева не побоялась взглянуть в лицо жутковатому магу.

Чем дальше, тем больше я проникаюсь уважением к этой незаурядной женщине. Хотела бы я стать такой же...

— Хорошо,— еле слышно пробормотал Эллар.— Я уйду. Но Ваше величество сохранит в памяти, что я говорил? Берегитесь Камня. Сохраните жизнь Долиане Эрде. Может быть, она лучшее, что родилось в этом мире за последнюю сотню лет.

Он повернулся и пошел к выходу, не слушая, что его сразу же окликнули на два голоса. «Хасты, подожди!» — это крикнул Конан, а «Эллар!» принадлежало Аластору.

Они бы непременно сорвались ему вслед, если бы Чабела не сказала:

— Пусть идет. Не надо его останавливать.

— Мне тоже уйти? — безнадежно спросил Рейе, о котором как-то позабыли, настолько тихо он стоял.

— Нет, конечно! — слишком быстро и слишком возмущенно взмахнула рукой Чабела.— С какой стати? Нет-нет, месьор Рейе, ты никуда не пойдешь, но...

— Мы удаляемся,— с этими словами Проспiero выразительным жестом указал нам всем в сторону занавешенного гобеленом дверного проема.— Причем немедленно и нижайше прося прощения за злоупотребление гостеприимством Вашего величества.

— Месьоры, за колокол до наступления полудня жду всех на этом же месте,— долетели прощальные слова зингарки.

— Зря все это! — заявил Конан, когда мы снова оказались под назойливыми дождевыми каплями.— И Хасты прогнали зря. Может, догнать?

— Без него обойдемся,— отрезал Райан и убежал к своей палатке. Хальк чихнул и поежился:

— Идемте, пока окончательно не замерзли. Над судьбами мира и политическими тайнами я предпочитаю размышлять в тепле.

Огромный лагерь Семи королей постепенно пробуждался. Я шла, думая о том, как хорошо бы вздремнуть до полудня, и о способах попасть в замок Десмварт, послушать, какие речи будут вестись на переговорах. Еще я пыталась сообразить, куда может поехать Эллар. Почему-то мне не верилось, что он отправится напрямик в любезные его сердцу Рабиры. Есть у него какое-то обостренное чувство собственного достоинства и представления о том, что он должен делать.

— Конан, почему ты назвал Эллара — Хасты? — донесся до моих ушей обрывок разговора топавших впереди аквилонского короля и барона Юсдаля.— Ты давно его знаешь?

— Без малого сто лет, то есть с времен моей далекой молодости и веселого города Шадизара,— откликнулся варвар.— У Одноглазого полное имя — Астэллар. Кто-то переиначил, с тех пор привязалось — Хасты, да Хасты. Надо же, какой он теперь стал... Я слышал, что он подался к гулям, заделался мирным обывателем, но такого разве заставишь сидеть на одном месте... Вот упрямец! Мог бы немного подождать, мы бы при-

думали какой-нибудь выход. И ты тоже хорош! — вдруг обозлился киммериец. — Чего взъелся на беднягу Хасты? Ну, нрав у человека такой! Знал бы, что он пережил, так не обвинял бы!

— Он опасен, — убежденно и терпеливо повторил Хальк. — Пусть он твой знакомый или друг, но сейчас, когда вокруг слишком много враждующих между собой магов, мы не можем рисковать. Сам видишь, даже Чабела согласилась...

— С Чабелой я потом потолкую! — рыкнул Конан и оглянулся. — Эй, Альс! Иди-ка сюда и поведай во всех подробностях, что за ночные прогулки возле лагеря мятежников вы совершали! Значит, ты видел Дану Эрде? И какая она из себя?

Я подобралась ближе, твердо решив не упустить ни единого слова.

Глава десятая

Голос очевидца — II.

«Змея в траве»

*Змюк Демсварт, Немедия.
25 день Второй весенней луны.*

полудню погода рассудила, что обрушила на собравшихся на берегах Нумалии людей достаточное количество дождя и снега, и решила сменить гнев на милость. Внезапная оттепель принесла с собой раскисшую землю и множество весело журчащих ручьев. Талая вода подмыла шатер принцессы Ясмелы, и тот, выдрвав удерживавшие его колышки, величественно съехал вниз по склону, едва не перевернувшись и до смерти напугав находившихся внутри придворных дам хорайской правительницы.

Рейе да Кадена тоскливо созерцал людское мельтешение в трех огромных лагерях с верши-

ны холма, примыкавшего со стороны заката к замку Демсварт. Сам замок, взобравшийся на крутую скалу в речной излучине, находился по правую руку от гуля, и подле его открытых ворот уже давно собирались яркие группки зевак, ожидавших, когда подадут знак, оповещающий о наступлении середины дня и начале переговоров. Семейство Демсварт, владевшее крепостью, поддерживало мятежников и охотно предоставило свое семейное гнездо для столь высокой цели. Еще бы, грядущая встреча наверняка войдет в хроники всего Заката, и летописцы не преминут упомянуть наравне с громкими именами королей и правителей скромных немедийских баронов Демсвартов.

Настроение Рейенира уверенно продвигалось по колдобистой дороге от «плохого» к «скверному». Все шло не так, как он задумывал. Дурацкая выходка Эллара привела к тому, что рабирийскому магу указали на дверь. Трижды возблагодарим житейскую мудрость ее светлости Чабелы — у королевы Зингары достало сообразительности выполнить эту тягостную обязанность вежливо. Но куда отправился Эллар? Этот невозможный тип вечно бросается в крайности. Либо торчит в Алгизе, в таверне «Лошадь Сигизвульфа», пытаясь напиться до полного забытья, либо во весь опор несется, куда глаза глядят. Вернее, глаз. Нужно ли его догонять? Оборотень из Пограничья вчера вечером совершенно справедливо заметил: Эллар — взрослый человек, и Рейе не приставлен к нему надсмотрщиком.

Однако гуль догадывался, что не успокоится до тех пор, пока достоверно не разузнает, где находится Эллар, чем он занят и что намерен предпринять. Маг не уйдет, пока здесь остается Камень. Рейе отчетливо слышал разлитый в стылом весеннем воздухе Зов Каримэнона — тихий, манящий, заставляющий голову кружиться и навевающий странные мечты. С того дня, когда Чабела со свитой приехали сюда, Рейе и Меланталь выяснили, что им обоим снятся кошмары. Кошмары, воскрешающие давнее прошлое, о котором они читали в летописях или слышали от старшего поколения жителей Рабиров.

Впрочем, поводов для расстройства хватало без Эллара и пугающих сновидений.

Во-первых, Ее величество Чабела. Во-вторых, голод.

Безрадостный смешок Рейе означал необходимость признания очевидного: он поневоле начал привязываться к очаровательной зингарской правительнице. От эдакой душевной склонности рукой подать до сущей глупости под названием «Рейенир Морадо да Кадена влюбился». Когда Рейе задумывался, чем может обернуться подобная дерзость, его разбирало истерическое хихиканье. Он, конечно, не позволит накинуть себе петлю на шею или ткнуть кинжалом под ребра в темном коридоре, но какова сложится репутация у Чабелы! Владетельница Побережья и гуль из Рабирийских гор! Слухи, пусть и невнятные, уже поползли. Он понимал, что во избежание неприятностей надо бы держаться подальше от

зингарки, но ничего не мог поделаться. Упрямо продолжал искушать судьбу, натываясь на злобные взгляды свитских королевы и непонятно на что надеясь.

Дела с голодом обстояли хуже. Голод требовал насыщения, угрожая обычными последствиями: постоянным раздражением, потерей способности здраво соображать и непреходящей усталостью, сменявшейся через два-три дня туповатой сонливостью. Вчера Рейе поймал себя на выискивании очередной жертвы. Неважно, станет ею мужчина или женщина, лишь бы залить пожирающий внутренности невидимый огонь. Рожденный проклятым, ты останешься им до самой смерти.

Порой Рейе охватывал леденящий страх при мысли о том, какой силой и какой ненавистью надо обладать, чтобы создать проклятие, овладевшее целым народом и существующее уже девятые тысячелетие.

Да, Феантари, король Первопришедших, творец заклания, был безумен, но, к сожалению, его мастерство не исчезло вместе с разумом. И теперь по милости давно истлевшего в земле альба, решившего отмстить, обитатели Рабиров которое столетие тщетно искали средство избавиться от преследующего их чудовища.

— Да будет ночь временем их, да будет чужая кровь пищей их, да будут они ненавидимы, укрываясь во мраке от преследователей своих, и да не обретут они спасения во веки веков,— пробормотал Рейе. Ну и физиономию скроил трак-

тирщик в Алгизе, когда приличный с виду молодой человек втридорога сторговал у него обычного поросенка, неубедительно сорвав что-то о готовящейся вечером пирушке. Верещащую попку Рейе с досадой затолкал в холщовый мешок и совершил прогулку до ближайшей рощи. Привычно огляделся, убеждаясь, что вокруг нет нежелательных свидетелей. Это было самое унижительное — всегда прятаться, опасаться, озираться, быть настороже. Старый альб знал, что делал. Жизнь, проведенная в вечном страхе быть застигнутым на месте преступления и погибнуть, но не иметь другой возможности утолить жажду.

— Такова печальная судьба всех твоих сородичей,— поделился Рейе со своей добычей, посмотрев в бессмысленные темные глазки поросенка.— Стать едой. Встретимся за Гранью, мой маленький дружок.

Обескровленный трупик гуль столкнул в промоину, засыпал сверху палыми прошлогодними листьями, и, насвистывая слегка неприличную песенку, удалился. Своеобразный завтрак помог — Рейенир успокоился, перебрал в памяти настоящие дела, вспомнив, что обещал быть в Демсварте до начала переговоров.

Оказавшись подле замка и взглянув на мрачное сооружение из серого камня, словно вросшее корнями в скалу, Рейе снова впал в уныние. Вместо того, чтобы ехать напрямик к крепости, он свернул налево, выбравшись на лысую макушку холма, откуда открывался замечательный

вид на становище Семи королей, Тараска Эльсдорфа и мятежников.

Видно, не один Рейенир да Кадена решил встретить нынешний полдень в уединенном месте. Неподалеку послышалось цоканье подков и бряканье сбруи. Гуль прислушался, определив, что к нему неспешно приближаются двое всадников. И точно, вскоре они взобрались на пустынную вершину, переглянулись и подъехали ближе. Рейе без труда узнал обоих — короля Аквилонии и его спутницу, молчаливую и решительную девушку из Пограничья, которая прошлой ночью помогала искать сгинувшего неведомо куда Эллара.

— Привет, кровоопийца, — добродушно бросил Конан. Гуль не обиделся, зная, что киммериец совершенно не хотел его задеть. Таково, видно, варварское чувство юмора. Впрочем, прозвище соответствовало истине. — Ты чего здесь торчишь? Из-за Хасты расстроился?

— Ничего я не расстроился, — буркнул Рейе, раздосадованный тем, что его столь легко раскусили. Он и в самом деле огорчился из-за вчерашнего разлада.

— Совсем забыл, — Конан повернулся к невозмутимой Дженне и доверительно сообщил: — Они, которые из Рабиров, все такие бесчувственные, сдержанные и хладнокровные. Как лягушки. Ринга Эрде вела себя точно также. Вечно себе на уме, о чем ее ни спросишь — никогда честно не ответит. Мне сказали, ты вроде благополучно отвез ее домой? Она поправится?

— Может быть, — кратко ответил гуль. К его величайшей досаде, нелестное описание характера рабирийцев, данное Конаном, было верным.

— С Хасты Чабела, конечно, погорячилась, — продолжал король Аквилонии. — Только я не думаю, чтобы он далеко ушел. Спорю на золотой кесарий, если мы съездим в Алгиз, то наверняка в первом же трактире наткнемся на Хасты-Одноглазого.

— Нужно ли? — негромко спросила девушка. Рейе вместо ответа пожал плечами, ибо теперь сомневался в необходимости присутствия Эллара. Еще одна подобная вспышка гнева — и рабирийского мага не спасет даже заступничество Чабелы и Конана. Людей можно понять, они опасаются неизвестного. Но жаль, что все получилось именно так.

Гуль неприязненно покосился на черную распахнутую пасть ворот замка. Хватит бездельничать, пора ехать. Вдобавок Конан и девица-варварка забрались сюда с намерением побеседовать без свидетелей. Вот и не будем им мешать.

— До встречи на переговорах, — Рейе шлепнул чалую кобылу поводьями по шее. — Надеюсь, моей племяннице не взбредет в голову учинить какое-нибудь безобразие.

Он спустился по рыхлому склону холма, углядев по дороге приближающийся со стороны Заката довольно большой отряд, выступавший под немедийским знаменем, украшенным белой крылатой звездой о восьми лучах. Представители мятежников направлялись на назначенную

ими более седмицы назад встречу. Где-то среди них ехала Долиана Эрде, и при мысли о новой встрече с этой хмурой и непримиримой девочкой-подростком Рейе испытал щемящую тревогу. Он беспокоился за Дану. Беспокоился почти так же, как за Эллара. В них чувствовалось нечто схожее, потаенный огонь, готовый в любой миг вырваться наружу и обернуться... Чем? Рейе не знал. Не знал и думать не хотел.

* * *

По милости и прихоти Ее величества королевы Зингарской некий Рейенир да Кадена совершенно незаслуженно получил дворянские права (вкупе с соответствующими обязанностями перед тронем Золотой Башни Кордавы) и теперь имел те же привилегии, что и свитские гранды. Рейе без зазрения совести воспользовался благоволением правительницы, дабы слегка застрашать стражу на воротах и явиться в замок заранее, в соответствии с просьбой Чабелы. Она и на этот раз решила не упускать из рук инициативу. Встреча высоких противостоящих сторон назначалась на полдень, а сейчас до указанного срока оставался целый колокол.

По главному залу Демсварта бегали суетящиеся слуги владельца замка и подданные Зингары из свиты Чабелы, обустривая место грядущих переговоров в соответствии с решением и вкусами королевы. Чабела, отчасти отдавая дань своей гордыне, распорядилась установить на воз-

вышении одно-единственное кресло, долженствующее играть роль трона, растянуть за ним на стене красно-желтое знамя Зингары, а справа и слева утвердить несколько стульчиков поменьше — для остальных королей и королев. Сама Чабела намеревалась возглавлять Совет и выполнять должность верховного судьи. С данной посылкой согласились даже Конан и неуживчивая Тарамис, благо оба понимали: Чабела со свойственной ей прозорливостью обустроит дело с наименьшими потерями.

Длинные столы, за которыми расположатся Тараск и Ольтен со свитами (кстати, зингарская охрана получила недвусмысленный приказ забрать у всякого входящего в залу оружие — при мечах могли оставаться лишь клеветы Чабелы) поставили как можно дальше друг от друга, дабы в горячке споров не дошло до рукоприкладства. Еще один стол, установленный напротив трона зингарки, предназначался для ее собственных свитских — там и нашел себе местечко Рейе — и для свидетелей, обязанных высказать свое мнение перед Советом Семи королей.

Постепенно замок начал заполняться гостями. Личный церемониймейстер Чабелы оглашал прокопченную залу провинциального замка громкими именами, двое грандов из личной охраны Чабелы провожали дворян на места, но сама королева Моря и Суши пока не показывалась. По шепоткам, прокатывавшимся за столами переговоров, Рейе уяснил, что Их величество изволят переодеваться на женской половине замка.

Сам барон Демсварт торчал в уголке ни жив, ни мертв, с легким ужасом захоластного дворянина обозревая блистательное собрание. Такого Демсварт еще не видел, да, наверное, впредь и не увидит.

Гурьбой явились аквилонцы и представители Пограничья, за ними прибыли Ясмела с Коссусом, аргосцы (Тарамис шла под ручку с наследным принцем Аргоса и не обращала внимания на заинтересованные взгляды придворных сплетниц). Громоухая железом доспехов, ввалился Альбиорикс Бритунийский, вырядившийся, как на битву: король Бритунии громогласно повозмущался тем, что вежливые, но непреклонные гранды отобрали у него меч и кинжал, и тяжелошествовал к своему креслу. Некоторое замешательство вызвал очередной вопль церемониймейстера:

— Конан Аквилонский из Канахов! Король Трона Льва!

Далеко не все знали, что Конан наконец-то решил не разыгрывать из своего присутствия в Демсварте тайны, и предстал во всем блеске, окружающем его титул. И отнюдь не каждый видел короля-варвара раньше.

Рейе проводил Конана понимающе-одобрительным взглядом — Конан вырядился в лучший костюм из гардероба Просперо, благо и тот, и другой были почти одного роста. Черный бархат, золотые львы Аквилонии и леопарды Пуантена, круглая шапка с шарфом, ниспадающим на плечи... На поясе никакого оружия. Это толь-

ко на первый взгляд никакого. Внимательный, как и все гули, Рейе углядел небольшую припухлость на правом голенище конановского сапога. Старый наемничий трюк — ножа не видно, однако он всегда под рукой. И, в конце концов, не станут же зингарцы обыскивать короля Аквилонии, известного своими теплыми отношениями с Чабелой?

По залу прокатился гул, когда приехал Тараск. На сей раз претендент на немедийский трон не стал ничего скрывать — по правую руку от принца шествовала огромная фигура в скромном красном наряде мага-равновесника. Публику несказанно поразило то обстоятельство, что ксальтотун, о котором ходило столько невероятных слухов, ныне появился на людях без маски и лишь особый покрой одежды выдавал в нем ремесло волшебника. Вслед за Тараском и Менхотепом поторапливались двое магов помладше рангом — Аррас с Орастом.

Расселись. Незанятым оставался только один стол: мятежники изволили задерживаться.

Наконец взревели трубы, откуда-то из бокового прохода появилась Чабела — как всегда, в сногшибательном платье, стоившем не меньше целой зингарской провинции с городами, замками и угожьями.

Королеву скромно сопровождали две фрейлины, поддерживавшие длинный шлейф. Оливерро, явившийся заранее, скромно уселся по правую руку от супруги, левый фланг захватил Конан. Зал поднялся, приветствуя предводительни-

цу Великого Совета, Чабела уселась на импровизированный трон, аккуратно положила на рукоять кресла Скипетр Морских Королей, жестом приказала собравшимся сесть и замолчать, после чего спокойно и внятно молвила:

— Надеюсь, каждый из присутствующих осведомлен о цели нашей сегодняшней встречи. К сожалению, я пока не вижу молодую герцогиню Эрде и ее спутников...

— Да будет мне позволено перебить,— внезапно поднялся Тараск,— при всем уважении к Вашему величеству я просил бы соблюдать установленный геральдическими правилами этикет. Известно, что герцогиня Ринга Эрде жива. Посему ее дочь пока не имеет права носить герцогский титул, оставляя за собой лишь приличествующую ее возрасту и положению в обществе корону баронессы.

— Это все? — холодно фыркнула Чабела.— Месьор Тараск Эльсдорф, осмелюсь напомнить, что здесь не рыночная площадь, но Высший суд королевств Заката и мне предоставлено право возглавить указанный суд. И еще. Если молодая госпожа Эрде носит свою баронскую корону по всем законам, то видеть на твоём челе венец Немедии для меня странно. Насколько мне подсказывает память, ты еще не коронован и не доказал права на трон.

В тишине кто-то непочтительно хрюкнул — не то Конан, не то Зенобия. Или оба вместе. Рейенир, внутренне ухмыляясь, подумал, что эти двое так мало знакомы и уже успели спеться.

Что возьмешь с варвара и варварки, пары родственных душ!

Тараск после язвительных речей Чабелы чуть покраснел и послушно заткнулся. Корону, однако, не снял.

— Я хотела бы продолжить,— невозмутимо сказала Чабела.— Главнейшей задачей Высшего суда является, несомненно, установление истины в деле о престолонаследии. Я, как и все монархи Заката, намерена...

Зингарку снова перебили. Да так, что Чабела поморщилась. Церемониймейстер три раза стукнул жезлом о каменный пол и вострубил:

— Принц Ольтен Эльсдорф Немедийский! Со свитой! Ее светлость герцогиня Эрде-младшая!

«Ага, вот и наши мятежники,— Рейе изучил взглядом новых гостей.— Моя племянница с каждым днем нравится мне все больше и больше! Чего-чего, а наглости у Даны не отнимешь. Это, вероятно, фамильное».

Столько некуртуазные мысли о дочери родной сестры посетили гуля благодаря тому, что надменно-величественная Дана, шествовавшая рука об руку с Ольтеном, не постеснялась нацепить на шею украшение, ставшее предметом множественных распри между ордой колдунов, собравшихся в Демсварте. Здоровенный красный камень бросал на полутемный зал мелкие багряные блики и даже издали можно было рассмотреть, что внутри Каримэнона, за прочнейшими алмазными стенками, бьется какая-то своя, таинственная жизнь.

— Я... Пожалуйста, не надо! — внезапно поднялся король Пограничья. — Я обращаюсь к Чабеле Зингарской, как к председательнице суда и совета! Народ оборотней очень плохо переносит магическую силу, заключенную в магическом украшении ее светлости герцогини. У-уберите эту гадость!

Всплеснулась волна негромкого ропота. Присутствующие в зале оборотни начали медленно, но весьма заметно изменяться. Но, похоже, Чабела предусмотрела и такой оборот событий. Быстро кивнув Флане, своей верной камеристке, королева заставила ее взять со стола небольшую металлическую коробочку и повернулась к Дане.

— Надеюсь, почтенная госпожа Эрде доверяет мне, как главе Совета королей? — быстро осведомилась Чабела, получив в ответ согласный кивок. — В таком случае я бы просила тебя, милая, снять драгоценность и на время заключить ее в этот ящичек. Мой придворный волшебник наложил на него заклятия, способные на время приостановить истечение силы Каримэнона. Шкатулка будет оставаться у вас на столе или, если угодно, вы можете положить его у моих ног. Клянусь честью зингарской короны, по окончании сегодняшней встречи ваше сокровище немедленно возвратят.

Дана нехотя подчинилась. Талисман вместе с цепочкой и оправой скрылся в коробочке, а оборотни тотчас почувствовали себя лучше. Да и сам Рейе ощутил, что чужая сила Каримэнона на время притихла.

Нет, Камень продолжал действовать, однако больше не давил на сознание, как огромный раскаленный валун..

Оставлять шкатулку у ног Чабелы Дана не пожелала, словно нарочно взгромоздив ее на стол перед своим креслом, для всеобщего обозрения. Сторонники Тараска довольно громко начали возмущаться, утверждая, что, ежели у воинов забрали мечи, то Камень тоже следовало оставить за дверьми залы, ибо оружие магическое так или иначе остается оружием. Чабела сделала вид, будто не слышит.

— Итак, все в сборе, — провозгласила королева Полуденного Побережья, утихомиривая ледяным взглядом громко шепчущихся дворян. — Перед нами дело о наследовании короны, трона и монарших регалий Немедии. Я прошу принца-консорта Оливерро зачитать ордонанс, в коем изложены претензии сторон, дабы каждому стало ясно, насколько сложна предстоящая нам задача по установлению истины.

Блеклый Оливерро встал, прокашлялся, взял несколько пергаментных листов и скучным голосом начал перечислять изложенные лучшими зингарскими стряпчими обвинения, выдвинутые друг против друга Ольтею и Тараском. Если первый полагал принца Тараска и нанятого им колдуна-ксальтотуна виновными в совершении государственного переворота, цареубийства и узурпации власти, то Тараск настаивал на том, что Ольтею является самозванцем, мятежником, нарушителем древнего закона о Рокоде, а его

сторонники есть лишь шайка крикливых бунтовщиков.

После чтения обе стороны выступили уже от своего лица, не сообщив ничего нового. Только главный королевский стряпчий Немедии нарочно нудным голосом перечислил убытки и поношения, причиненные королевству в результате бунта Полуночных областей, живописно расписал нарушения в торговле, посетовал на закрытые караванные пути, грабежи коронных замков и прочие бесчинства, в кои вылилась доверчивость немедийских дворян, последовавших за самозванцем. Тут же последовал недвусмысленный намек: те, кто опустит знамя Рокода, будут немедленно помилованы, им сохранят все титулы и привилегии.

— Старый ход,— шепнул на ухо Рейе скучивший на сиденье рядом Тотлант. Стигиец уже очухался после вчерашнего магического поединка Эллара с Даной, когда его случайно зацепило созданным рабирийцем колдовским вихрем.— Тараск решил купить мятежников, раздавая обещания о собственной милости направо и налево. Слишком мелко для короля.

— Так он пока не король,— малопочтительно фыркнул гуль.— Ой, тихо! Кажется, тебя вызывают, как свидетеля.

— И Арраса тоже,— угрюмо кивнул Тотлант, вылезая из-за стола.— Словом, пожелай мне удачи. Последний раз меня подобным образом терзали в двенадцатилетнем возрасте, на испытаниях магической школы в Луксуре.

— Удачи,— дернул плечом Рейе.— Постарайся остаться живым, все остальное приложится. Я за тебя буду держать пальцы крестиком.

И он в самом деле поднял и показал уходившему стигийцу руку с перекрещенными указательным и средним пальцем — старинным знаком, обозначающим пожелание успешного завершения трудного дела.

* * *

В пристрастности Арраса Рейенир не сомневался. В конце концов, придворный маг служит Тараску и обязан ему своим нынешним высоким положением. Но почему ошибся Тотлант? Или все-таки не ошибся?

Тотлант и Аррас по просьбе Чабелы Зингарской сотворили заклинание Опознавания.

Метод простейший: берется вещь, ранее принадлежавшая определенному человеку, готовится магический декокт из таинственных для простого смертного ингредиентов, предмет кладется во флакон со взваром, и, когда сосуд подносится к бывшему владельцу вещи, то жидкость стремительно краснеет, испуская густой багровый дым.

Для начала осуществили проверку. Собрали у полудюжины придворных дам разных стран по платочку или по перстню, вещи перемешали (магов в это время вывели из зала) и Чабела предложила Аррасу и Тотланту указать, какой именно предмет является собственностью коро-

левы Тарамис, тоже решившей принять участие в захватывающем магическом опыте.

Закливание оказалось действенным. Вещицы по очереди опускали во флакон с отваром, обносили им всех присутствовавших в зале благородных дам, и, разумеется, дым потек из горлышка флакона в тот момент, когда он оказался рядом с повелительницей Хаурана. Кольцо достали, осмотрели, Тарамис признала, что вещь действительно принадлежит ей. На том испытание правдивости и опытности двух магов признали состоявшимся. Вслед за Аррасом и Тотлантом постоянно ходило лицо, незаинтересованное в исходе дела — Райан Монброн. Ему вменялось в обязанность надзирать за обоими волшебниками, дабы те не смошенничали.

Обычно язвительный Райан на сей раз отнесся к возложенному на него долгу со всей серьезностью, но не смог удержаться от мелких подначек. По его мнению, в декокт следовало класть не два листика мандрагоры, а четыре и стебелек, волчий коготь здесь совершенно излишен, а экстракт мозгов летучей мыши должен быть высушенным, а не вываренным. В остальном все правильно — Райан был готов поклясться на любой святыне, начиная от хвоста Сета и заканчивая посохом Митры.

Дальше начались чудеса. Когда прихваченные с собой Тотлантом вещи принца Ольтена окунулись в декокт и были поднесены к бывшему хозяину, ничего не произошло. Жидкость осталась мутно-белесой, дым не появился, а стигиец лишь

развел руками. То же произошло и с Аррасом. В случае с немедийским магом можно бы заподозрить, что Аррас получил от дворцового управителя не те вещи, но Тотлант стоял на своем: подвергнутые проверке медальон и платочек действительно когда-то находились в руках у Ольтена.

— Опротестовано! — Долиана Эрде немедленно вскочила и метнула в сторону волшебников уничтожающий взгляд. — Предметы могли принадлежать кому угодно. Здесь явная ошибка!

— Как же так? — озадачилась Чабела, внимательно наблюдавшая за происходящим. — Вот посмотрите, на предметах, представленных месьюром Аррасом, стоит вензель, «ОНЭ». На вещах, принадлежащих Тотланту, вообще нет никаких пометок. Выводов два: либо принц Ольтен никогда не пользовался этими вещами, либо перед нами не принц Ольтен.

— Какая пронидательность, — зевнул Конан. — А я вам и без всякой магии скажу, что это Ольтен, и мы с ним знакомы. Пусть волшебники проверят меня Заклятием Ключа, которое докажет, что я не лгу.

— Ваше величество может не лгать, но заблуждаться, — справедливо заметила Чабела. — В своем искреннем заблуждении ты полагаешь, что человек, проходящий испытание, есть немедийский принц. Хорошо, мое решение таково. Сейчас все три мага, Аррас, Тотлант и Райан выйдут вперед. Принц Тараск, тебя я также прошу подойти.

Тараск набычился, но послушался. Встал, быстро прошагал к возвышению, где стоял трон Чабелы, и остановился, гордо скрестив руки на груди.

— Ваше королевское высочество,— обратилась к нему правительница Зингары,— является ли человек, сидящий за противоположным столом, сыном короля Нимеда Первого, Ольтеном Эльсдорфом?

— Нет, не является,— надменно сказал Тараск.— Погибший во время мятежа принц Ольтен и его супруга Кариола похоронены в династической усыпальнице королевской семьи. Это засвидетельствовано высшим дворянством Немедии и митрианскими жрецами, проводившими последний обряд. Я не знаю, кто этот человек.

Чабела перевела вопросительный взгляд на волшебников.

— Принц говорит правду,— бросил Аррас.

— Или думает, что говорит правду,— совершенно убитым голосом добавил Тотлант и покосился на ксальтотуна, вольно развалившегося в своем кресле. Менхотел, маг высшего посвящения, строил постную физиономию, но по глазам было видно: процедура опознания его развлекала.

— Райан? — приподняла бровь Чабела.— Твое мнение?

— Тараск Эльсдорф врет,— непринужденно ответил маг из Танасула.— И я не могу проверить истинность слов месьоров Арраса и Тотланта, потому что они установили магическую за-

щиту против заклятья Ключа. Я, конечно, могу ее разломать, но, боюсь, тогда стрясется очередной магический поединок, во время которого вновь кто-нибудь невинно пострадает.

— Так,— королева Побережья откинулась на спинку кресла, сведя тонкие брови почти в одну линию.— Любопытно. Меня всегда уверяли, что магия лгать не может. Значит, лгут либо Тотлант и Аррас, либо Райан из Танасула. Тараск, ты можешь сесть на свое место...

— Благодарю вас,— скривился в мерзкой ухмылочке Тараск. Еще бы, ведь дело шло к его победе!

— Чаша магических весов,— громко заявила Чабела,— склонилась в пользу принца Тараска. Однако нельзя пренебрегать и мнением живых людей, а не бездушного волшебства. Король Конан Аквилонский сказал свое слово. Может ли он подтвердить его, присягнув на золотом солнце Митры?

— Чабела, ты же меня знаешь! Я слов на ветер не бросаю,— веско прогудел Конан.— И мне странно, что ошибся Тотлант. Могу ли я попросить почтенное собрание об одном одолжении?

Зингарская королева кивнула, соглашаясь.

Киммериец встал, обвел взглядом пышных дворян, которые с горящими глазами наблюдали за Высоким Судом, и преспокойно сказал:

— Пусть каждый, кто когда-либо знал близко или просто встречался с принцем Ольтеном, поднимется и ответит: кто перед вами, настоящий наследник или самозванец?

Встало больше половины зала, в основном немедийцы. Даже Тараск с компанией.

— А теперь,— продолжал варвар,— те, кто не признает Ольтена принцем крови, могут снова сесть на место.

В зале пошуршало. Конан победоносно покосился на Чабелу. Обратного уселась лишь свита Тараска.

Большинство, не менее двух третей, остались стоять. Однако в большинстве своем стоящие оказались мятежниками, поднявшие Рокод.

— Конан, что ты этим доказал? — пожала плечами Чабела.— Вполне закономерно, что сторонники Ольтена признают его настоящим королем.

— Опротестовано! — явно подражая недавнему возгласу Даны, рывкнул Тараск, и подался вперед.— Король Конан Аквилонский явно пристрастен в своем мнении.

— На что ты намекаешь? — нахмурился варвар.

— Человек, открыто покровительствующий одной из сторон, не может входить в Совет Семи королей, и иметь в нем право голоса! — немедленно ответил Тараск.— Я не хочу сказать ничего плохого о решении вопроса о престолонаследии после смерти Нумедидеса, но мне кажется, что Конан Канах имел весьма призрачные права на корону. И с тех пор у Его величества осталась совершенно неприемлемая для короля привычка поддерживать всяких проходимцев просто из принципа.

Конан набрал побольше воздуха, явно собираясь ответить Тараску долгой и малоприличной отповедью.

Его опередила Чабела:

— Принц, немедленно извинитесь перед королем Аквилонии! — зингарка даже повысила голос.— Подобные намеки недопустимы! Если аквилонский народ и высшая знать признают Конана Канах своим королем, то не нам рассуждать о правоте этого решения.

— А коли немедийский народ и знать Немедии признают Тараска Эльсдорфа королем, то какое отношение к данному вопросу имеет Зингара? — лениво протянул ксальтотун, вмешиваясь в спор.— Ваше величество, государыня, примите же наконец решение! Если перед нами самозванец, то разговор окончен. Если перед нами подлинный принц Ольтен, то мы готовы продолжить переговоры.

Чабела замолчала и машинально вытерла губы кружевным платочком. При всей своей хитрости и изворотливости она явно терпела поражение.

Надо срочно искать решение, которое устроит обе стороны.

— Конан, Ариостро, Тарамис, Эрхард...— Чабела обратилась к каждому из королей по имени,— Коссус и Ясмела! И ты тоже, Оливерро! И ты, Альбиорикс! Немедленно подойдите ко мне!

— Раскомандовалась,— неслышно шепнул себе под нос Конан.— Нет монстра страшнее женщины, захватившей власть.

— Я знаю такого монстра,— прошипела в ответ сидевшая рядом Тарамис.— Это варвар у власти.

— Спасибо,— усмехнулся киммериец.— Ты всегда меня любила.

Семь королей, принцев и правителей, представлявших королевства Заката и офирская графиня Клелия Кассиана собрались в тесную кучку возле трона Чабелы. О чем переговаривался Высокий суд, в зале невозможно было разобрать. Доносились лишь отдельные реплики:

— Я вам точно говорю — он настоящий!

— Но признав его самозванцем...

— Тогда война.

— Нам война не нужна. Из Немедии огонь перехлестнет через рубежи...

— Почему волшебники разделились во мнениях?

— Тарамис, не пихайся локтем!

— А по-моему, прав Альбиорикс...

— Так что же нам делать?

— Ты заварила — ты и расхлебывай...

Чабела отправила королей и королев на свои места, встала, сжала в правой руке Скипетр Морских Королей и внятно провозгласила:

— Суд Королей Заката, призванный решить дело о наследовании Трона Дракона, в настоящее время не выносит никакого решения о человеке, называющем себя Ольтеном Эльсдорфом или в действительности таковым являющимся. До принятия окончательного решения суд рассматривает названного человека подлинным прин-

цем Ольтеном, строжайше приказывает принцу Тараску вступить в переговоры с дворянами, поднявшими Рокод, и прийти к взаимовыгодному решению о перемирии на время, пока суд Семи королей не найдет должного способа доказать или опровергнуть претензии Ольтена на корону.

Рейенир едва не нарушил затверженное с детства правило: даже в случае очень большого удивления гулю не следует раскрывать рот, дабы не напугать сторонних людей видом клыков. Осторожная Чабела сделала ход. Она доселе сомневалась. Следуя логике ее рассуждений, на краткое время возможного самозванца (а, возможно, и настоящего принца) надо считать Ольтеном. Так сказать, наименовали куропатку рыбой. Если будут собраны доказательства истинной принадлежности Ольтена к роду Эльсдорфов, то дело решится само собой, а если наоборот... Что ж, тогда Тараск получит права истинного короля.

— Нас не устраивает подобное решение! — немедленно взвился Тараск, и его тотчас поддержал ксальтотун:

— Ваше величество, сей вердикт противоречит любому законодательству, будь оно немедийское, зингарское или даже киммерийское!

«Эллар, где ты? — тоскливо воззвал в пустоту Рейе.— Они сейчас непременно перессорятся между собой, и добьются только одного — войны!»

Ксальтотун поднялся и тяжеловесно оперся ладонями о столешницу:

— Смею напомнить Чабеле Зингарской, что невозможно быть немножко беременной и чуточку мертвой! Или — или! Мы не имеем права бросаться королевским званием, давая его во временное пользование! Государыня, вы всегда стояли за закон и соблюдение традиций! Если уж на то пошло, давайте возьмем с улицы любого нищего, наимуем его немедийским принцем на седмицу-полторы, а потом выставим обратно за дверь — пусть копается в помойных ямах! Сколько времени займет сбор пресловутых «доказательств»? День? Год? Век? Что произойдет за это время с одним из величайших государств Заката? Оно так и будет пребывать без короля, единого правителя, долженствующего блюсти закон и древнее право? Или — или, Ваше величество!

От подобного аргументированного напора Чабела временно растерялась, но затем снова ожила и подозвала к себе остальных монархов. По мнению Рейе, это начинало выглядеть немного смешно. Ксальтотун не преминул громогласно заметить:

— Почтеннейшие государи, куда пропало ваше собственное мнение? Почему ваши мысли оглашает королева Зингары, а не вы сами?

На этот раз совещание было очень коротким, но очень бурным.

Теперь уже часть Великого Совета начала всерьез сомневаться, но, похоже, Чабела уломала противников. Что-то быстро сказала Конану и Тарамис, и буквально подтолкнула королеву

Хаурана вперед. Тарамис несколько раз глубоко выдохнула и изрекла:

— Если слуги Тараска Эльсдорфа сомневаются в праве Чабелы Зингарской говорить от имени Суда королей Заката, то я вынуждена указать им на ошибку — все, что произносит Чабела, дочь Фердруго, нами одобрено. С этого момента и до окончания расследования, которое мы обещаем закончить в ближайшие семь дней, Немедией станет управлять Совет Семи королей во главе с королевой Чабелой из Зингары. На названный срок она становится правящим регентом Немедии. Решение окончательно, возражения не принимаются. Любая сторона, противодействующая сему решению, вступает в войну с королевствами Заката. Всем понятно?

Рейе с отчаянием понял одно: Чабела и ее дружки из-за недостатка времени и накаленной остановки совершили тяжелейшую ошибку.

Они умудрились обидеть обе враждующие стороны — и Тараска, и Ольтена. Совет не дал прямого ответа. Не хватило такта или мудрости.

Зал шумел и возмущался, а гуль мельком отметил предусмотрительность Чабелы. Еще немного — и люди схватились бы за оружие. Мирный способ разрешения вопросов их не устраивает. Им подавай драку!

— Мы прерываем суд до третьего полуденного колокола! — выкрикнула Чабела. — Любой, нарушивший перемирие, будет предан смерти немедленно и на месте. Повторюсь — *любой!* Вне зависимости от титула, положения или звания!

Рейенир еще раз обвел взглядом возбужденный зал и поежился, заметив на тонкогубом лице ксальтотуна победоносную ухмылку. С чего бы? Маг так уверен в своей правоте? Или снова затевает что-то недоброе?

* * *

Огласив известие о перерыве и бросив грозное предупреждение, Чабела поспешно устремилась к выходу. Попытка Эрхарда и Клелии Кассианы остановить зингарскую правительницу успехом не увенчалась: Чабела отмахнулась и почти выбежала в неприметную дверцу. Рейе не зря потратил время в ожидании начала переговоров — изучил прилежавшие к парадной зале коридоры, и теперь догадывался, где искать скрывшуюся зингарку. В общем гаме никто не обратил внимания на человека, выскользнувшего за двери. Впрочем, Рейе позаботился о том, чтобы гостям Демсварта не пришла в голову мысль посмотреть в его сторону.

Поворот направо. Крутая лестница с просевшими от частых хождений вверх-вниз ступеньками. Тесный коридорчик. Новый поворот, теперь налево. Низкая дверь, выводящая на слегка запыленную галерею, тянувшуюся поверх залы, отведенной для переговоров. Отсюда хорошо видно и слышно происходящее внизу, однако вряд ли кто догадается взглянуть наверх, на прилепившийся под самым потолком узкий резной балкончик.

Королева Зингары оказалась именно здесь. Стояла, привалившись к пузатой колонне, и размеренно рвала на части кружевной платок.

— Только не говори мне, что я все испортила! — сердито прошипела она, заведя Рейе. — Я знаю! Знаю! Но, скажи на милость, что я еще могла поделывать? Они взяли и свалили принятие решения на меня!

— Я в мыслях не имел обвинять в чем-либо Ваше величество, — спокойно проговорил гуль. — Просто мне показалось, что мое присутствие не будет лишним. Если я мешаю, достаточно одного слова, и я уйду.

— Нет, — махнула рукой Чабела. — Остайся. И необязательно кричать через всю галерею. Идите сюда, месьор Рейе. Скажи, ну как мне теперь выкручиваться? Я не думала, что у Тараска хватит решимости возражать, но с ксальтотуном за спиной он почувствовал себя куда храбрее. Меня уверяли, будто магия даст точный и неоспоримый ответ по поводу личности Ольтена, а теперь сам видишь, как все перепуталось! Кому верить? И эта девочка, маленькая Эрде... Когда Тотлант говорил, будто испугался ее, я подумала — он преувеличивает. Он сказал чистую правду. Я сама ее боюсь, особенно когда она смотрит исподлобья и молчит!

— Она просто девушка шестнадцати лет, — Рейе не слишком верил в то, что говорил, но негибаемая зингарская королева нуждалась в поддержке. — Своеобразная, не более того. Дело совсем не в Дане Эрде.

— Я понимаю. Собрание ждало точного, недвусмысленного ответа,— горько признала Чабела.— Еще немного, и я не смогу удерживать благородное общество в повиновении. Вдобавок у стен замка топчется двадцать с небольшим тысяч конного и пешего войска, желающего действовать. Они пришли сюда сражаться и намерены любой ценой получить свою войну.

— Седмица отсрочки не спасет положения,— Рейенир задумался, соображая и перебирая возможные ходы.— Твое регентство, по-моему, все-ррез не приняли. Обещанных доказательств у нас тоже нет и взяться им неоткуда. Лично я полагаю, что этот молодой человек — самый настоящий принц Ольтен, но Аррасу и Тотланту замечательно удалось посеять сомнения. Когда эти сомнения укоренятся в душах, ты ничего не сможешь поделать. Тебя просто перестанут слушать. Тараск Эльсдорф выигрывает.

— Но почему? — тоскливо спросила зингарка и, наклонившись через перила, посмотрела вниз, в гомонящий и спорящий зал. Общий шум то и дело перекрывался отдельными голосами, принадлежавшими ксальтотуну, Альбиориксу Бритунийскому и Эрхарду. Ругались.— Почему волшебник из Пограничья не помог нам?

— Может, из-за талисмана,— предположил гуль.

— При чем тут Камень?

— Все присутствующие маги хотят завладеть им,— пояснил свою мысль Рейенир.— Как бы это стремление не заглушило их голос совести.

— Неужели Тотлант мог пойти на подлог? — искренне возмутилась Чабела. Рассердившись, она становилась так хороша, что Рейе хотелось зажмуриться.— Я даже представить подобного не могу!

— Зато я могу,— долетело от входа на галерею. Кто-то переступил порог и легкой, почти танцующей походкой приблизился к Рейе и невольно сделавшей шаг назад королеве Зингары.— Этот камешек притягивает волшебников, как мед — пчел. Но я не собираюсь его отдавать.

Молодая герцогиня Долиана Эрде выглядела отчего-то чрезвычайно довольной собой, хотя ей полагалось бы серьезно тревожиться за исход переговоров.

Она же смотрела так, будто вокруг разворачивалось увлекательное представление уличного кукольника, и окружавшие ее люди были не более, чем тряпочными игрушками на веревочках.

— Я искала моего дядюшку,— безмятежно пояснила Дана, уделив зингарке снисходительный кивок.— Хотела узнать про того одноглазого типа, который вчера так славно на меня наорал. Я всю ночь думала и решила — кое в чем он прав. Где он? Почему не пришел? И как дела у Маэля?

— Эллар решил расстаться с нами,— поскольку Чабела отмалчивалась, говорить пришлось Рейе.— Маэль очень плох.

— Да? — девушка слегка огорчилась, яркий стальной блеск в ее зеленоватых глазах погас.— Можно мне будет его увидеть? Потом, после переговоров?

— Конечно,— вновь обрела дар речи королева Побережья.— Но неужели тебя не беспокоит, чем закончится это все? — И она сделала жест, охватывающий залу с толпящимися в ней представителями Совета Семи королей и немедийцами.

— Я знаю, что Ольтен — это Ольтен, что Тараск — узурпатор, и что королева Чабела совершенно напрасно пытается не обидеть и тех, и других,— отчеканила Дана.— Остальное меня не интересует. Это наносное, шелуха, пена на волнах, игра в интригу. Мне бы хотелось обойтись без применения силы, но если это невозможно, значит, мы будем воевать. Только и всего, Ваше величество. У Немедии должен быть свой король, а не чужеземная регентша, назначенная собранием королей. Извините, если мои речи вам не по нраву. Дядюшка, похоже, меня совсем не одобряет.

— Чабела, ты здесь? — дверной проем загородила чья-то крупная фигура.— Я же говорил, что они забрались сюда! Чабела, по-моему, тебе стоит поближе познакомиться с человеком, которого по нашей милости сегодня едва не лишили законного имени и права на престол! И, в конце концов, я хочу поглядеть на дочку Мораддина!

На галерее мигом стало тесно и шумно. Явился Конан, окруженный маленькой свитой в лице нарочито возмущающегося чем-то принца Ольтена Эльсдорфа, Халька Юсдаля, королевы Тарамис, чрезвычайно расстроенного Тотланта и утешавшей его Дженны Сольскель.

— Конан, что там происходит? — почти безнадежным голосом осведомилась Чабела.

— Званный вечер,— неудачно сострил киммериец.— Много криков, угроз, оскорблений, а как только они отсюда выйдут, не миновать десятка поединков прямо во дворе замка. Чабела, нужно срочно что-то предпринимать. Или обитатели этой ямы со скорпионами сначала сожрут нас, обвинив во всех бедствиях, а потом начнут поедать самих себя.

— Как поэтично, «яма со скорпионами»,— фыркнул Ольтен.— Конан, я во многом признателен Совету Семи королей — не будь вас, даже эта неудачная попытка к примирению не состоялась бы. Однако давай не будем забывать: вы — в гостях. Я знаю, ты и Чабела хотели, как лучше, но получилось плохо. И вовсе не потому, что вы дурные люди, желающие зла Немедии, а потому, что конному рыцарю нечего делать в пешем строю, а пеший щитник не сможет справиться со сложной метательной машиной.

— Короче, нечего золотарю заниматься делом бочара,— откликнулся Конан.— Понимаешь ли, Ольтен, будь это просто династическая свара, перерастающая в гражданскую войну, мы с Чабелой и остальными охотно отошли бы от дел и вернулись домой, предоставив тебе и Тараску право доказывать свою силу мечом. Сейчас это невозможно.

— Почему? — изумился Ольтен.— Если короли Заката распускают Совет, ни я, ни Тараск не станем возражать. Спасибо вам, конечно, за по-

пытку разобраться во всей этой дрянной истории, но...

— Камень, Ольтен, камень,— проворчал Конан.— Будь у тебя в руках Звезда Хоралы, Глаз Эрлика или любой другой камушек, созданный человеческими руками, я бы плюнул на Немедию с Башни Висельников и вернулся в Тарантию. Но, во-первых, у меня гайс — отомстить убийцам Мораддина. Во-вторых, Дана держит в руках настоящего монстра, имеющего вид огромного рубина. Дана, милая, ты никогда не задумывалась, что этот артефакт мог сделать сам Рота-Всадник?

— А я не думаю, я знаю,— кратко ответила Дана.— Руки Ночного Всадника касались Красного Камня. И он же вложил в него Силу. И что с того?

Пауза. Все собравшиеся оказались слегка шокированы этим заявлением. Только Рейе остался спокоен, как маленькая осадная башня. Он-то отлично знал, откуда взялся Каримэнон, кто его сделал и зачем...

В наступившей тишине никто не заметил, как в галерею заглянул ксальтотун. Зашел, постоял у входа, пожевал губами, с ухмылкой взглянул на Конана и вышел обратно. Рейе успел заметить, как колыхнулся алый балахон, но не придал этому никакого значения.

— Может быть, поступить проще? — нарушила общее молчание Чабела.— Я живу у моря, а Океан умеет хранить свои секреты. Дана, можно договориться так. Я, Конан и все Семь королей

негласно поддержим Рокод деньгами, а может, и военной силой, а ты взамен выбросишь Талисман в воду. И как можно дальше от берега.

— Благодарю,— сухо ответила Дана.— Когда мы одержим победу, Каримэнон останется символом Немедии и магической поддержкой королевской власти. Дабы никто и никогда не позволил себе того, что сделал Тараск.

— Пожалуй, это верное решение,— согласился Ольтен. Надо полагать, теперь он всегда соглашался с Даной. С любым ее решением.

— Вы сумасшедшие! — внезапно разъярившись, рыкнул Конан.— Ольтен, я всегда считал тебя умным человеком! И еще думал, что Ринга воспитает отнюдь не чокнутую дуру, помешавшуюся на власти и магии, а... Неважно! Вас бы обоих в один мешок и утопить в Нумалии, чтобы людям головы не морочили!

— У Вашего величества всегда была весьма своеобразная манера объясняться,— попытался обратить все в шутку Ольтен, но Конан будто с цепи сорвался:

— Какой ты, в задницу, принц?! Даже задохлик Оливерро больше тебя понимает! (Чабела поморщилась). Мы люди, а людям магия чужда! Пойми ты это своей дурной головой!

И так далее. Побагровев, Конан орал на слегка опешившего Ольтена в полный голос, оттолкнул Халька и Тарамис, попытавшихся его утихомирить, а финале своей грозной и донельзя оскорбительной речи сделал то, чего никто из присутствующих не ожидал и не мог ожидать. Резко

нагнулся, выхватил из сапога прямой горский кинжал и...

Потом все свидетели этой сцены в один голос утверждали, что Ольтену спасло жизнь чудо. Чудо воплотилось в облик высокой темноволосой девицы в дорогом охотничьем костюме — Дженна, от которой никто не ожидал такой прыти, рванулась к варвару. В один прыжок миновав расстояние в четыре локтя, Дженна подскочила к Конану слева, левой рукой попыталась отбить ладонь киммерийца, а локтем правой весьма неаккуратно съездила ему под подбородок, одновременно заваливая Конана на спину. Чабела охнула, Тарамис завизжала, Хальк выругался так, что сам не понял произнесенного, а кинжал, улетев вверх, воткнулся острием в темно-коричневую потолочную балку.

— Боги! — прокричал Ольтен и посмотрел себе на грудь. По темно-малиновой ткани колета расплывалось еще более темное пятно. — Он меня поранил!

Дженна в это время увлеченно пыталась удержать извивающегося Конана и прижать его к полу, но варвар был сильнее. Только когда на помощь пришли Хальк, Рейе и Тотлант, варвара удалось скрутить.

Конана подняли на ноги, и выглядел король Аквилонии озадаченно. Будто не верил, что мог такое сделать. Чабела с непритворным ужасом возвела очи горе. Тот, кто нарушил перемирие, невзирая на титул, должен быть предан смерти. Положение — лучше не придумаешь!

— Ольтен, я... — выдавил Конан, но его опередили. Сравнительно невысокая Дана подошла к киммерийцу, которого по-прежнему держали за руки, громко сплюнула ему на сапог, а потом вlepила затрещину, прозвучавшую, как удар хлыстом.

— С нас довольно! — прошипела дочь герцогов Эрде. — Больше никаких переговоров! К вечеру Тараск получит ультиматум. Если не согласится, быть большой беде. С этого момента мы считаем решения Семи королей недействительными. Сами разберемся!

— Что здесь случилось? — спросил прибежавший на крики Тарамис Эрхард. Из-за его спины выглядывали остальные оборотни, граф Крейн, хозяин замка Демсварт и незнакомые немедийские дворяне. — Почему тут драка? И кто виновник?

— Похоже, виновник я, — безнадежно сказал Конан. — Сам не понимаю, почему сорвался.

— Принц ранен? — слегка побледнел Эдмар Крейн, видя, как Ольтен прижимает руку к порезанной груди.

— Ничего страшного, — прохрипел Ольтен, поглядывая на Конана с откровенным недоумением. — Просто потрясли друг друга за грудки и я поцарапался иглой от фибулы. Повторяю, ничего страшного.

Тут принц закатил глаза и свалился без чувств.

— Мы уходим, — резко бросила Дана. — Крейн, быстро лекаря и паланкин для принца. Быстро,

я сказала! Прощайте, господа. Надеюсь, больше мы не встретимся.

Она развернулась, подобрала юбки, и, даже не посмотрев, как Крейн и его оруженосцы хлопчут вокруг бесчувственного Ольтена, направилась вниз, к выходу. Попутно Дана раскрыла магическую шкатулку Чабелы, отшвырнула ее в сторону и вновь надела на шею цепь с мерцающим Красным Камнем.

Никто не осмелился ее остановить. Только ксальтотун проводил молодую герцогиню хитровато-понимающим взглядом.

Глава одиннадцатая

Взгляд со стороны — II.
«Тень над Демсвартом»

*Окрестности замка
Демсварт, Немедия.*

26 день Второй весенней луны.

Конан Канах и Просперо Пуантенский

онан, проснись! Да вставай же, ленивый киммериец, демон тебя задерит! ...Спящего короля настойчиво и нахально трепали за плечо. Варвар продрал глаза, уселся и в темноте шатра различил фигуру Просперо.

— Опять что-то стряслось? — киммериец зевнул и потянулся к слабо мерцающей ночной лампе, чтобы подкрутить фитиль.

Ого! Что такое приключилось с Просперо? Его пуантенская светлость с самого раннего утра облачился в тяжелый вороненый доспех. Только шлем пока не нацепил. По черному нагруднику

кирасы гордо шествовала геральдическая тройка золотых леопардов Полуденного герцогства.

— Не может быть, — Конан внезапно догадался, чем вызвано столь раннее появление вице-канцлера. — Они значит, решили подраться, правда?

— Интересно, чего ты ждал после вчерашнего скандала? — с плохо скрываемой укоризной осведомился Просперо. — Что Тараск с Ольтеном и Долианой Эрде обнимутся, расцелуются и станут верными друзьями? Между прочим, в этом виноват не кто иной, как ты. Зачем было кидаться с ножом на Ольтена?

— Я не хотел! — возмутился Конан, нашаривая валявшиеся под складной походной постелью сапоги. — Ты отлично знаешь, что когда нужно, я всегда держу себя в руках! А тут будто волна какая-то нашла! Слепое бешенство, словно у берсерка из Нордейхма! Как заколдовали, честное слово!

Просперо помялся, покачал головой и, наконец, проворчал:

— Заколдовали, говоришь? Не исключаю и такой возможности. Слишком много враждующих магов околачивается вокруг, а волшебники частенько добиваются своих целей не самыми достойными способами.

— Целых шесть, — дополнил Конан. — Ксаль-тотун с прихлебателями, наш стигиец, Райан и вдобавок выставленный за дверь Хасты. Настоящий садок со змеями. Кстати, зачем тебе доспех? Мы ни с кем воевать не собираемся.

— Врожденная пуантенская осторожность, — мрачно ответил Просперо. — Давай одевайся... И кольчугу надень. Оруженосцев позвать?

— Сам, — поморщился Конан. — У нищих слуг нет. Рассказывай, что хорошего и плохого происходит.

— Хорошее только одно — наступает утро. Все остальное плохо. Чабела по-прежнему намерена командовать, но теперь не Тараском и Ольтеном, а нами.

— Я не против, — ответил киммериец, застегивая петли на кожаном подкольчужнике. — То, что она вчера наделала ошибок, ничего не значит. Чем она руководит прямо сейчас?

— Нашей обороной, — усмехнулся Просперо. — Причем небезуспешно. Очень просила тебя прийти, дабы возложить командование на твои привычные к военным тяготам плечи. Мы находимся между двумя армиями, хотя и чуть в стороне, на холмах. Мятежники и Тараск, похоже, намерены воевать всерьез. В обоих лагерях с самой темноты орут боевые трубы, Ольтен уже вывел на позицию перед замком пешее ополчение и подтягивает кавалерию. Легионы Тараска пока остаются в лагере. Ждут. Если нам не повезет, окажемся между молотом и наковальней. Времени сворачивать лагерь нет. Чабела решила прикрыть холмы вооруженными отрядами нашей гвардии. Приказала зингарцам вступать в бой, только если нападут.

— Не знаешь, сколько у нас народу? — поинтересовался Конан. — В общей сложности? Учи-

тивая аквилонских «Черных драконов», грандов Чабелы и охрану остальных королей?

— Боеспособных — не более тысячи, — мигом ответил Просперо. — Два мага, Тотлант и Райан. Кстати, о Райане. Очередная плохая новость.

— Что еще? — взвыл киммериец.

— Маэль Монброн умер, — нехотя сказал герцог Пуантена. — Сегодня ночью. Там уже все подготовлено к погребальной церемонии — костер, жрецы Митры из часовни в Алгизе. Если поспеешь, успеешь на сожжение.

— Не понял? — Конан от неожиданности сел обратно на лежанку. — Быть того не может! Как умер?

— Так, что взял да перестал дышать, — развел руками Просперо. — И теперь у палатки Райана сущее царство скорби. Даже Зенобия разрыдалась. Монброн-старший впал во мрачность и клянется, что непременно разыщет одноглазого мерзавца Хасты и убьет на месте. Такие дела.

— Еще что-нибудь? — совсем обреченно выдохнул король.

— Разумеется. Тараск, как ожидалось, отверг ультиматум Даны и Ольтена. Ольтен, похоже, намеренно подобрал такие требования, что принять его мог только совершенно не уважающий себя человек. Я присутствовал на оглашении.

— Надеюсь, я его не очень сильно поранил? — смущенно пробурчал король. — Спасибо Джене, успела отвести удар. По-моему, нож скользнул по ребру и груди. Немного больно, крови много, но ничуть не опасно.

Просперо помог варвару закрепить на кольчуге нагрудник с королевским львом и перепоясаться мечом (оборотни привезли из замка и вернули Конану его аметистовый клинок, выкованный гномами на Подземном Огне). Они быстро покинули шатер, хлюпая сапогами по жидкой грязи, миновали взбудораженный аквилонский лагерь и направились туда, где в серо-синих сумерках раннего утра возвышался голубой шатер Чабелы. С холма, занятого зингарской королевой, открывался гораздо лучший обзор.

В походной резиденции государыни Моря и Суши вовсю кипел небольшой военный совет, у входа, ожидая приказов, топтались аквилонские, зингарские и хауранские гвардейцы, а Конан отметил, что фургоны и повозки, принадлежащие свите Чабелы, уже выстроены у подножия холма в полевую крепость — они полностью окружали возвышенность, закрывая собой палатки. Похоже, Чабела всерьез опасалась нападения с той или иной стороны.

— Нечего бояться, — Конан сразу услышал твердый голос Эрхарда, возражавшего насупленной зингарке. — И Ольтен, и Тараск отлично знают, что мы сторона нейтральная. Просто наблюдатели.

— Они-то знают, но в бою может всякое случиться, — невысказавшаяся Чабела (на сей раз облаченная в легкий дамский доспех с сине-зеленой эмалью и золотой чеканкой) озадаченно взирала на план окрестностей замка Демсварт, разложенный на столе. — Да, ничего не скажу, моя

самая крупная политическая победа обернулась провальным поражением.

— Да брось ты! — отмахнулся Конан. — Настало время думать не о победах и поражениях, а о нашей общей безопасности. Ну как, глава Совета Семи королей, передашь мне командование?

— А ты в очередной раз не наделаешь глупостей? — ехидно осведомилась Чабела, явно припоминая вчерашний инцидент с Ольтеном. — Запомни, наша задача крайне проста. Стоять, смотреть, обороняться, если нападут. Никакой самодеятельности. Конан, пообещай, что никуда не двинешься с холма, даже если по вине Даны или ксальтотуна небо упадет на землю!

— А если до ветру понадобится? — усмехнулся Конан. — Здесь же дамы!

— Ничего, мы отвернемся, — поджала губы Чабела. — И чтоб ни ногой!

Некоторое время ушло на обсуждение диспозиции — походную крепость дополнили повозками аквилонского посольства, сразу за ними укрыли несколько десятков лучников, а всех конных разместили тремя большими отрядами по сторонам от вершины холма, так, чтобы прикрывать королевские палатки с Восхода, Заката и Полудня. Если кто-то попытается атаковать Совет Семи королей и его охрану, гвардия вступает в оборонительное сражение, а достойные монархи могут либо отступить (по просьбе Чабелы этой ночью со стороны ближайшего городка к стоянке пригнали десятивесельную торговую галеру), либо действовать по своему усмотрению.

Ясмела, Тарамис, графиня Клелия и те, кто совершенно не желал погибать из-за глупой случайности, предусмотрительно разместились на галере, готовой отплыть в любой момент. Альбиорикс Бритунийский, напротив, жаждал поучаствовать в драке и полностью вооружил полторы сотни своих охранников и дворян.

Ветер донес со стороны полей низкий гул, какой появляется при выступлении конницы, и смутный грохот барабанов. Конан, Чабела и все остальные мигом выскочили наружу, смотреть, что происходит.

— Понятно-понятно, — с жаром говорил варвар, указывая рукой на подтаивавшие, засыпанные серым снегом поля. — У Ольтена план грядущей битвы довольно прост, прямо как в трактатах по военному искусству. По флангам кавалерия, в центре пешие щитники, за которыми прячется еще один большой конный отряд. Мятежники захватили возвышенность, так что дорожке Тараску придется карабкаться вверх по склону.

— Знатоками такая атака не рекомендуется, — со знанием дела добавил Просперо. — Однако у Тараска больше людей, он привел регулярные легионы, дисциплинированные и вымуштрованные. Зато на стороне девочки Эрде — чужая магия. Вот и гадай теперь, чем кончится дело. Как полагаешь, Эрхард?

— Никто не победит, — рассудил старый король Пограничья. — Ни та, ни другая сторона не затевали участвовать в большой войне. Одно

сражение ничего не решает. Ежели, как ты правильно заметил, не вмешается колдовство.

Войско Тараска, также не пренебрегая старинными и проверенными в деле традициями, выстроилось клином, острие которого венчали тяжело вооруженные конные латники, прикрывавшие арбалетчиков и пехоту. Обе армии находились всего в полулиге друг от друга. Кто же начнет первым?

— Смотрите! — вскричала Чабела, вытягивая затянутую в темно-зеленую перчатку ладонь. — Мятажники выслали кого-то для переговоров!

— Дана! — ахнул остроглазый Конан. — Одна! Ну и смелая дочурка у моего приятеля Морадина!

Это действительно была Долиана Эрде. Причем, в отличие от Чабелы и некоторых воинственных дам из зингарской свиты, молодая герцогиня не надела доспеха или кольчуги. Выехала к противнику в небогатом, но красивом фиолетовом платье, правда, сидела на спине лошади не по-женски, боком, а по-мужски.

— Жаль, не слышно, о чем она говорит, — разочарованно протянула Чабела, наблюдая за маленькой фигуркой всадницы, бесстрашно остановившейся в половине лучного перестрела от армии Тараска. — Но я догадываюсь. Грозит страшными карами и требует немедленной сдачи.

— Угрозы ей несвойственны, — возразил Конан. — Похоже, она просто взывает к чувству долга и глаголет о справедливости. Мечтательница. Никакой справедливости от Тараска ей не

добиться. Принц рисковал всем, что имел, ради короны Немедии. Вот она, почти в руках, и отдавать венец короля Тараск не станет даже Сету, если вдруг Сет решит стать правителем Немедии. А это что?

Конан повернулся направо и воззрился на неожиданно вспыхнувший у подножия зингарского холма гигантский костер. Огонь разгорелся мгновенно, что доказывало — его создание явно не обошлось без магии.

— Последний обряд в честь несчастного графа Монброна, — вздохнула Чабела. — Какие мы все-таки бессердечные. Райан нас звал... И Тотлант.

— Ничего, выпьем за Маэля вечером, когда дело решится, — ответил киммериец, наблюдая за поднимающимся к небу столбом оранжевого пламени. — Жалко парня. Зря я втянул его в эту безумную карусель... Кром Великий! Только гляньте!

Чабела сдавленно ахнула, а Эрхард отпустил такое словечко, что Конан посмотрел на старого короля с уважением. Просперо воскликнул:

— Она решилась ударить первой! Магия Камня, не иначе!

Над головной частью войска принца Тараска сгустилось маленькое тугое облачко сплошной черноты, закрутилось ураганным вихрем, и из плотного извивающегося тумана прямоком по немедийцам шарахнула толстая розовая молния. Над полями прокатился густой мощный гром. Однако цели своей молния не достигла. В сотне

локтей над землей она распалась на тысячи красноватых искр, медленно гаснувших в воздухе.

Похоже, ксальтотун тоже не дремал и противопоставил свое искусство магии Камня.

Потерпев неудачу, Дана прищепила коня и, описав по полю большую дугу, галопом поскакала в сторону своей армии. За ней стелился длинный ярко-алый плащ, похожий на язык пламени.

Последняя попытка уговорить Тараска отступить с треском провалилась.

— Начинается, — низким, очень напряженным голосом проронил Конан. — Как и положено, Тараск пошел в бой — у него позиция атакующая, не обороняющаяся.

Над отрядами пришедшего из Бельверуса войска поднялись сигнальные вымпела, трубы прокотили общепринятый на Закате сигнал «Атака; аллюр быстрая рысь», и темный клин кавалерии вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее покотился к занятой мятежниками возвышенности.

Земля чуть заметно вздрогнула.

— Если не случится ничего особенного, — заинтересованно сказал Эрхард, — исход битвы выяснится уже к полудню. Не у тех, ни у других нет резервов, чтобы бросать их в бой.

— А вон там — кто? — сощурила глаза Чабела, всматриваясь в темную точку, появившуюся на краю бранного поля. — Какой-то одинокий всадник...

— Не различу, — покачал головой Конан. — Слишком далеко. Наверное, такой же любопытный, как и мы.

— Я знаю, кто это, — слышался сзади грустный голос подошедшего Тотланта. — Кстати, всем доброго дня, если этот день вообще можно назвать добрым. Я прочитал заклинание Орлиного Глаза и отлично рассмотрел этого самого «любопытного». Эллар, маг из Рабилов. Он никуда не поехал. Он вернулся, а теперь стоит и ждет чего-то.

— Дождется, что его сметет немедийский клин, — проворчал Конан, глядя, как конница Тараска все ближе и ближе подходила к пешему строю мятежников. — Вот оно, сцепились! Ну, сейчас кому-то не поздоровится!

Острые кавалерийского копья вошло в ряды щитников, как нож в масло, а через несколько мгновений до праздных наблюдателей донеслись первые звуки начавшегося сражения. И оно обещало быть долгим и яростным.

Хальк Юсдаль

Барон Юсдаль не ночевал в своем законном маленьком владении, то есть в шатре на землях аквилонского лагеря. Он приткнулся в углу палатки Райана Монброна, решив смениться по очереди с Рейе, Меланталь и Цинтией Целлиг, бдевшими возле походной кровати, на которой

лежал Маэль Монброн. Маэль и в самом деле здорово смахивал на мертвеца. Требовалось беззвучно просидеть рядом с ним какое-то время, чтобы уловить еле заметное, прерывистое дыхание. Оно становилось все тише и тише, и, наконец, прекратилось. Сорок второй граф Монброн из Танасула, двадцати семи лет от роду, вдохнул последний раз, и на большее у него не хватило сил. Древняя магия забрала его жизнь, оставив только телесную оболочку.

Первой смерть Маэля обнаружила Цинтия. Истерические рыдания немедийки подняли посреди ночи на ноги всех остальных. Когда стало ясно, что графу Монброну не поможет ни лекарская наука, ни магия, Рейенир отправился седлать коня, намереваясь съездить в Алгиз и раздобыть все необходимое для похорон, а заодно договориться с тамошним жрецом Митры о прочтении необходимых молитв. Райан молча накрыл своего почившего родственника вытасненным из व्यюка новеньким бархатным плащом винно-алого цвета, постоял рядом и ушел из палатки.

Хальк высунулся следом, обнаружив, что маг из Танасула миновал с десятков шагов, сел на подвернувшийся валун и теперь бесстрастно созерцает хлопоты по устройству обороны лагеря Семи Королей. Посмотрев на выражение его лица, Хальк решил не торопиться с соболезнованиями. Райан Монброн походил на человека, собравшегося кого-то прикончить и тщательно обдумывающего, каким наиболее мучительным спо-

собом это проделать. Даже верная собака не отважилась приближаться к хозяину, и, тихо поскуливая, бродила вокруг палатки.

Цинтия продолжала рыдать, невнятно что-то выкрикивая. Попытки Меланталь успокоить ее закончились провалом, и девице-гулю пришлось прибегнуть к иному способу. Она бесцеремонно повернула залитое слезами и перекошенное лицо Цинтии к себе, заглянула в глаза, и спустя миг немедийская баронесса обмякла, погрузившись в глубокий сон. Цинтию осторожно перенесли в дальнюю часть палатки, завернули в плед и оставили в покое, ибо сейчас помочь ей все равно никто не мог. Должно пройти время, чтобы раны затянулись, а дурные воспоминания изгладились из памяти.

— Проспит до конца дня, — изрекла Меланталь. — Главное, не забыть бы о ней, если придется спешно удирать.

Вернувшийся Рейе привез из деревни возок с дровами и изрядно напуганного разворачивающимися вокруг событиями служителя Митры, преклонного годами, но вполне ясного разумом. Поленья вывалили на землю у подножия холма и принялись складывать из них невысокую усеченную пирамиду — основу для погребального костра. Тотланта, пришедшего узнать, не улучшилось ли состояние Маэля, отослали к шатру Чабелы — известить зингарскую королеву о готовящейся печальной церемонии. Стигийец принес известие, что лагерь зингарки охвачен военной лихорадкой, но правительница обещала по-

стараться придти, если ей удастся выкроить свободный миг.

— Не придет,— буркнул Райан, выслушав.— Какое ей дело до какого-то Монброна из Танасула, который не являлся ее подданным и которого она мельком видела пару раз?

— Но Конан-то будет обязательно,— убежденно заявил Хальк, и ошибся. Видимо, у аквилонского короля нашлась уйма более важных дел, чем похороны бывшего соратника по временам корсарства и неудачливого конфидента Латераны.

Посему в странствие без возврата Маэля провожал единственный родич, давно считавшийся мертвым, да люди, столкнувшиеся с Монброн-младшим за минувшую луну и успевшие к нему привязаться. Они стояли кругом возле топортившейся щепками поленицы — Райан Монброн, рабирийские гули, пришедшие отдать последний долг Дженна Сольскель и Веллан, Тотлант и неведомо откуда взявший Аластор Кайлиени, которого после неудачного посольства к мятежникам почти никто не видел.

— ...И да упокоится душа его с миром,— благочестиво завершил традиционную поминальную молитву митрианец и вопросительно покосился на слушавших его людей, ожидая, кто поднесет к костру факел. Это право обычно представлялось родственнику или близкому другу умершего, но сегодня все произошло иначе. Райан просто дотронулся до верхнего ряда поленьев раскрытой ладонью, и дерево мгновенно занялось.

Искристое пламя взлетело на высоту человеческого роста, вынудив собравшихся торопливо отступить назад.

— До свиданья! — выкрикнула Дженна.— Фарит хейтир!

Последние слова, означавшие «Прощай», она сказала на асирском наречии, и поняли их не все. Смысл, впрочем, не требовал перевода.

Почти одновременно с серого утреннего неба ударила ветвистая молния, рассыпавшаяся на рой алых светляков. Это поразительное явление заставило маленькую группку людей наконец-то обратить внимание на то, что военные действия уже начались.

— Мне надо бежать,— извиняющимся тоном проговорил Рейенир, и Хальк только сейчас заметил, что гуль раздобыл где-то легкую кольчугу и выглядит, как человек, намерившийся принять участие в сражении.

— Но ты не можешь пойти туда! — всполошилась Меланталь.— Это не наша битва!

— Зато Дана — моя племянница,— напомнил Рейенир.— Я не связан никакими обещаниями и клятвами, так что моя жизнь принадлежит только мне. Тотлант, можешь выполнить одну просьбу? Скажи Ее величеству Чабеле... А, впрочем, не надо ничего говорить! Встретимся после боя, если уцелеем.

Он убежал прежде, чем кто-то успел выговорить хоть слово и попытаться его остановить. Рабирийка кинулась было вслед, но ее перехватил Райан.

— Вот ты точно останешься здесь, — непрерываемо заявил он. — Вполне достаточно и одной безумной девицы, носящейся сейчас среди толпы таких же безумцев.

Меланталь запротестовала, но быстро умолкла, поняв, что возражать бесполезно.

— Пойдемте наверх, к шатру Чабелы, — предложил Веллан. — Отсюда мы ничего не разглядим, а там, кажется, развернулись всерьез. Уже молниями в друг друга швыряются.

Они взбежали наверх по холму, оставив лишь Райана скорбеть возле погребального костра. Магу, прожившему на свете более четырехсот лет и старавшемуся казаться бессердечным хлыщом, оказалось слишком больно потерять своего дальнего потомка.

Конечно, Райан пережил многих своих последующих родичей, но, похоже, к Маэлю он был особенно привязан, пускай этого и не показывал на людях. А самое главное, Маэль, как старший в семье, не оставил детей, и теперь его титул перейдет к младшему брату. Старшая линия семьи пресеклась.

Костер, воженный магией Райана, догорал, маг, не обращая внимания на разгоравшуюся в Демвартских полях битву, замер в траурной позе, преклонив одно колено, а вся прочая компания, начиная от Халька и заканчивая Велланом, сгрудилась тесной кучкой за спинами Чабелы, Конана и Эрхарда. Только Тотлант, имевший до крайности несчастный и огорченный вид, подошел к королю Аквилонии и заговорил с ним.

— Хальк! — взревел Конан и почтеннейший королевский библиотекарь мигом побежал к своему государю. — Просперо, тоже подойди! Вы двое остаетесь здесь за меня. Просперо — вице-король, Хальк — первый государственный советник при особе его светлости. Просперо, ты мое завещание знаешь. Если сложусь, натягивай аквилонскую корону. Канцлером оставишь Публио, Хальку дашь титул главы правительства. Ясно?

— Чего? — Просперо аж вздрогнул. — Где это ты собираешься складываться? Ты что задумал, медведь киммерийский? Чабела, иди сюда! Конан опять придумал нечто сумасбродное!

— Ты обещал! — взвилась зингарская королева, увидев, как варвар застегивает на шее крючки ворота кольчуги. — Ты обещал ни во что не вмешиваться! Я тебя!.. Я тебя прокляну!

— Чабела, детка, — варвар повернулся к государыне Моря и Суши, и впечатал в ее губы звонкий поцелуй, — я ни во что не вмешиваюсь. Мне надо спасти одного... или двух людей. Посмотри на поле!

Чабела послушно посмотрела. Мощный клин конницы Тараска рассек вдвое строй пехоты мятежников, и заходил в тыл принадлежащей Ольтену кавалерии. А поскольку стороны явно не договорились о истинно военном благородстве, ксальтотун использовал магию. Магию почти такую же, какой пыталась устрашить легионы Тараска Дана — колдун, охраняемый полусотней самых выученных латников, швырялся во вра-

гов огненными шарами и бил их молниями. Прикрываемые искусством ксальтотуна немедийцы обошли слева строй мятежников, и почти полностью окружили левый фланг. Если битва будет продолжаться по сценарию Тараска, уже в ближайшее время Дане и Ольтену не миновать поражения. Еще бы — на стороне самозваного принца, без всякого права носящего корону Немедии, стоит маг высшего посвящения, коему даже знаменитый Тот-Амон в подметки не годится!

И в средствах этот маг совершенно не стесняется...

— Я тебя никуда не пущу! — орала Чабела, ухватившись нежными розовыми пальчиками за мелкие кольца вороненой кольчуги варвара. — Это политика! Неужели ты не понимаешь?

— Нет, не понимаю, — твердо ответил Конан, попутно отстраняя налетевшего справа Халька, также пытавшегося образумить короля. — Я знаю, что это не наша война. И я не собираюсь в нее вмешиваться. Чабела, пойми одно — если я допущу гибель дочери моего лучшего друга на протяжении последних двадцати лет, я этого себе никогда не прощу! Пусть хоть Дана останется в память о Морадине! Смотри, смотри, они уже сокрушили центр войска мятежников! Еще немного — и доберутся до Даны и Ольтена! Видишь их штандарты?

— Делай, что хочешь, безумец! — совершенно не по-женски рывкнула Чабела. — Какой счастье, что я вышла замуж за Оливерро, а не за тебя!

Невозможно жить с человеком, который вечно напрашивается на самоубийство!

И уже гораздо громче королева выкрикнула:

— Зингарская гвардия короны! — десятичники и сотники прислушались, повернув головы. — Исполнять только мои приказы! Стоять на месте, в бой не ввязываться! Его аквилонское величество желает совершить подвиг?! Отлично! Так пусть совершает его в одиночестве!

Конный клин Тараска распался на три меньших отряда, постепенно охватывавших небольшую армию Ольтена и Даны. Последние стояли в глухой обороне. Поражение налицо.

— Кто со мной? — будто в ответ на слова Чабелы взревел Конан.

Альбиорикс Бритунийский немедленно схватил меч из ножен и поднял его к небу. Похоже, король Бритунии ждал этого мгновения с самого прибытия в Немедию. Эрхард равнодушно покачал головой, отказываясь, но Веллан и Эртель тоже взяли за клинки, поддерживая акилонского короля.

— Ты мой единственный родич, — хмуро сказал Эрхард племяннику и наследнику. — Но, если хочешь, иди. И помни о том, что за твоей спиной целая страна и наш народ. Не следует о них забывать. Иди, геройствуй.

— Я тоже, — слабым голосом вякнул Хальк. — Не могу упустить такого случая.

Конан посмотрел на библиотекаря грозно, Просперо несказанно удивился, а сам Хальк жестом руки подозвал оруженосца.

— Значит, первым государственным советником придется назначать кого-то другого,— скрипевшись, заметил пуантенский герцог.— Досадно. Хальк, из тебя бы вышел неплохой канцлер после смерти Публио.

— Не каркай! — отмахнулся король.— Кто еще?

— Я! И я! — в один голос крикнули Аластор и смущенный Тотлант.— Там магия, а вам будет необходимо оборониться от действия волшебства.

— К тому же я неплохо обращаюсь с клинком, сам знаешь,— усмехнулся Альс, глядя на Конана.— Пригожусь.

— Тогда на-конь! — приказал король Аквилонии.— Альс, езжай сразу за мной. Тотлант, действуй по своему усмотрению. Наша главная задача — вытащить из этой гнусной переделки Дану Эрде. Все поняли? Держаться тесным отрядом, не расходиться. В мелкие стычки не вступать. Прорываться как можно быстрее. Альбиорикс! Командуешь вторым платунгом, я — первым.

— Ясно,— запросто кивнул бритунийский монарх.— Сколько у нас всего людей?

— Твоих тридцать, и моих тридцать,— Конан ткнул пальцем в небольшой отряд лучших офицеров из гвардии Черных Драконов, уже собравшийся неподалеку.

— Итого почти семьдесят,— согласно наклонил голову Альбиорикс.— Прорвемся. Главное — идти в обход битвенного поля, иначе нас сомнут.

Конан взлетел в седло и неожиданно почувствовал, как чья-то рука дернула за стремя.

— Удачи тебе, варвар,— быстро и решительно сказала Чабела.— Ты безумец, но ты — умный безумец. Вытащи ее. Дану. И, если получится, Ольтена. А с политикой я как-нибудь разберусь сама. Вместе с Просперо.

— Пока, Ваше высочество! — варвар отмахнул приветствие герцогу Пуантена, поименовав его высоким титулом представителя королевской семьи. Просперо в который уже раз (как в отсутствие Конана, так и в его присутствии) становился единовластным правителем Аквилонского королевства. Ничего не поделаешь, у Конана нет законного сына, а значит, королем Трона Льва становится первейший из дворян.

— Подождите! — Хальк обернулся, услышав неожиданный крик.— Куда без меня?

На зингарской кобыле, до прошедшей ночи принадлежавшей Маэлю Монброну, отряд догоняла женщина. Вернее, девица. Дженна успела облачиться в кольчатый доспех и открытый шлем, одной рукой держалась за поводья лошади, вторую же утвердила на рукояти клинка.

— Зенобия? Ты что здесь делаешь? — возмутился Конан, когда Дженна догнала королевская жеребца и поехала вровень.— Не в женское дело вмешиваешься!

— Ты меня еще поучи,— огрызнулась Зенобия.— Как хочешь, а тебя, старого волка, я не брошу. Как раз женский погляд за тобой и нужен. Согласен?

— Вот дура! — прохрипел Конан, а Хальк, ехавший сразу за королем, только плечи вздернул.

Небольшой отряд, разбитый на две части, молнией сошел с «Зингарского холма», галопом рванул налево, в обход битвы, а затем правее — туда, где колыхались черно-бело-красные знамена с восьмиконечной звездой.

Чабела какое-то время наблюдала за тесной группой всадников, часть из которых носила золотистые бритунийские доспехи, а вторая часть — черно-белые плащи дворцовой тарантийской гвардии. Затем они исчезли из виду в общем водовороте сражения.

Тотлант Луксурский, придворный волшебник короля Пограничья

Тотлант очень не любил бешеные скачки.

Всякому волшебнику предписано быть чинным, степенным, может быть, даже благородным. Волшебник обычно ездит в богатой крытой повозке или на философски настроенном муле с драгоценной сбруей, одевается в добротные красивые одежды и уж точно никогда не летит в гущу битвы вместе с бывшим наемником, ставшим королем, и ордой бесшабашных вояк, для которых война — родное ремесло.

Тотлант сам не понимал, что именно он будет делать в задуманном Конаном предприятии. Ко-

нечно, оборонить двух королей — Конана и Альбиорикса — от злонамеренной магии ксальтотуна он сумеет. Может быть. Все-таки отец Тотланта, Менхотеп, получил высшее посвящение, какое только мыслимо для человека, занимающегося искусством волшебства. Недаром Менхотеп из Луксура ныне именуется ксальтотуном.

Единственное, чего Тотлант делать не хотел — это нападать на своего родителя.

В Стигии понятие «отец» почти приравнено к понятию «бог». Сын не может идти против отца, как и отец против сына. И сейчас Тотлант вновь делал выбор, что ему дороже: человек, давший ему жизнь, или друзья.

Недавно Тотлант выбрал сторону отца. Менхотеп очень попросил молодого стигийца на церемонии Высшего Суда Заката «не опознать» или «не подтвердить опознание» принца Ольтена.

Тотлант сжульничал. Нет смысла приводить здесь преднамеренные ошибки, совершенные Тотлантом во время изготовления магического деконта, которые не заметил вьедливый Райан — советы ксальтотуна пошли на пользу самому же ксальтотуну. Отвар оказался бездейственным, хотя сам Тотлант отлично знал, что Ольтен — это именно Ольтен, а ни кто иной.

Тотланту было очень стыдно. Он всегда, особенно после знакомства с незамысловатыми и предельно честными оборотнями из Пограничья, пытался сам быть честным. Тотлант никогда не обманывал. Никого. Даже впадших в старческое сумасшествие бабушек из деревень Пограничья,

приходивших к королевскому магу за советом. Тотлант полагал, что честность и истина — основа Равновесия, которому он служил по своему выбору. Ибо правда уравнивает Черное и Белое, порождая Красное.

Но однажды измена случается впервые. Тотлант изменил. Изменил, послушавшись отца. И надеясь однажды получить в руки Каримэнон — великий камень Равновесия, созданный Ротой.

«Почему бы мне, магу-равновеснику, не признающему силы Света и Тьмы, а полагающему, что надобно сохранять Алую середину меж двумя противоположными сущностями, не взять себе один из камней Радужной Цепи? — так думал стигиец. — Если он сам идет ко мне в руки? Я никогда не стоял ни на одной из сторон, балансировал на лезвии меча, пытаюсь ни свалиться в Черную пропасть, ни вознестись в Белую высь. Всегда оставался на земле. Хотел сделать только хорошее — не лучшее и замечательное, чаемое в мечтах, как этого хотят Белые маги, а просто хорошее. Так, чтобы никому не было плохо. Камень поможет осуществить эти замыслы. Надо только укрыть его от рук Черных и Белых. Обратить его силу в Алое!»

Так думал Тотлант, но убедить стигийца в его неправоте мог только один человек, Эллар, исконно знавший о самой сути принадлежности и истине Алого Камня. Жаль, что Эллар сейчас был слишком далеко. И одновременно близко.

Тотлант отринул любые мысли о Камне, и сосредоточился на магии защиты. Дважды по три

десятка всадников, возглавляемых двумя королями и наследником престола Пограничья, врезались в битву, будто клинок в мешок с просом, прошли первые ряды, отбиваясь как рукоятями, так и остриями клинков от людей, принявших незнакомцев за супостатов.

Конан настойчиво гнал отряд к высоте, над которой парили под ветром знамена со звездой Роты.

Туда прорваться было тяжелее всего.

Тяжелые конные рыцари принца Тараска, закованные в блистающие под унылым весенним солнцем начищенные металлические доспехи, окружили холм со всех сторон. И за ними шла специально обученная пехота — таких щитников в прежней, недавней Немедии именовали «Птенцами Вертрауэна». Сам герцог Морадин учредил в армии особые подразделения, предназначенные для захвата или уничтожения полководцев врага. Конница пробивает оборону, за ней идут...

Идут чудовища. Люди, навсегда потерявшие страх, любые понятия о чести и морали, о благородстве и достоинстве. Их задача — выполнить приказ и победить. Любым способом.

Именно на таких вот «особых пехотинцев», вскормленных Морадином и принятых в наследство от Вертрауэна Тараском, налетел отряд Конана. Они отлично обучены любым способам обороны и нападения. Думаете, что конный всегда превосходит пехотинца? Ничего подобного! Лошадь можно ранить, точным метким ударом меча перебить сухожилия на передних ногах,

метнуть звездочку в лошадиную шею, туда, где проходят крупные жилы, питающие мозг...

Авенадцать всадников вместе с лошадьми полегли. Это были бритунийцы. Не исключая шедшего в самом первом ряду богатыря Альбиорикса. Чтобы спасти своего короля, гвардия Пайрогии положила еще шесть человек.

Раненого Альбиорикса вынесли из-под ударов «Серой пехоты» — так назывались созданные Морадином десятки прирожденных убийц и самоубийц.

— Отходим, быстро! — заорал варвар, увидев, что его ближайшего союзника, Альбиорикса, оттаскивают прочь. — Здесь не прорвемся, пошли в обход холма! Тотлант, Альс, сделайте хоть что-нибудь!

Альс никогда не признавался в том, что он был магом, а тем более — богом. Бел-Аластор не покровительствовал воинам. Бел любит не мечников, копейщиков или лучников, а торговцев, шутов и мелких воров.

Но именно сейчас Тотлант почувствовал, как изнутри, из самой глубинной сущности существа, именующего себя Аластором, исходит Сила, неподвластная никому из смертных. И Тотлант испугался. Он понял, что ввязался в драку, где побеждают сильнее, а сильнее всегда — боги.

— Тотлант, дуболом, прикрой! — взвыл Альс, обрушивая на «Серую пехоту» слабенький, но действенный град ледяных стрел. — Не меня! Конана! Малыша!

Тотлант послушался. Кто он такой, чтобы противоречить воплощенному божеству? А то, что Аластор являет собой воплощенное божество, Тотлант уже знал. Видел.

Конан, Черные Драконы и остатки бритунийцев все-таки прорвались наверх. Тотлант использовал все свои знания в боевой магии и поразил ближайших атакующих волной огня. Подействовало плохо — мало кто обжегся, но люди испугались самого факта колдовства. Затем стигиец ударил заклинанием «Каменной руки», обездвигивающим человека, потом заклинанием Грозы, дающим возможность бросать молнии с пальцев рук... А потом Сила Тотланта иссякла, ибо даже хорошо обученный стигийский маг-равновесник (точнее, не маг, а волшебник) не может использовать дарованную ему свыше Силу вечно. Волшебнику, как и обычному человеку, нужно некоторое время для того, чтобы отдохнуть, а потом снова бросаться в бой.

Сейчас работал Конан и его верные Черные Драконы. Через Серую гвардию Немедии они прорвались, осталось лишь преодолеть барьер телохранителей Ольтена и Даны.

Каша, настоящая каша. Злобное варево, порожденное войной. Конан, восседающий на принадлежащем Просперо (и в том же время признающим Конана как хозяина) гнедом жеребце, привыкшем к битвам и защищенном «лошадиной броней», рубит направо и налево, не различая правых и виноватых — сиречь мятежников и приспешников Тараска. Меч варвара темно-крас-

ный, а вовсе не блестяще-металлический. Старинное произведение подгорных гномов, предназначенное для величайшего короля Аквилонии Сигиберта Завоевателя и доставшееся в наследство Конану, рубит и колет безошибочно. Меч великолепен — как великолепы и его создатели-гномы.

«Сколь бы ни был хорош меч, к нему нужен хороший хозяин,— мельком подумал Тотлант, отшвыривая от своей лошади очередного нападающего. Короткая, простенькое заклинание, которое обычно называется «Дуновение». — Конан прекрасен. Он будто создан для битвы. Сет, покровитель мой, Митра, Даритель Жизни, Иштар Драгоценная, как я устал!..»

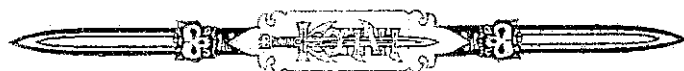
«Ты взывал к Иштар? — перед мысленным взором Тотланта неожиданно появилась женщина ослепительной красоты. Отнюдь не тощая, но и вовсе не толстушка. Ей не больше тридцати пяти лет. И эта женщина говорила: — Тотлант, я обороню тебя и тех, кого я люблю. Недаром же я считаюсь богиней не плотской любви, а любви истинной, исходящей из души. Вот тебе мой план, действуй! И помни — богиня с тобой!»

Тотлант едва не сверзился с седла. Явившаяся ему Иштар была умопомрачительно похожа на блестящую посланницу Офира — графиню Клелию Кассиану дия Лаурин.

А может быть, Иштар и графиня Клелия суть одно и то же?

Аватара?

Не слишком ли много тут богов?

Тотлант ударил снова, получив долгожданную Силу из неведомого источника. Да, Клелия помогала. И не только Тотланту, но и Аластуру-Белу. Последние ряды защитников холма, на котором обосновался Ольтен, поредели.

Но только перед отрядом Конана. Серая гвардия уже пробивалась наверх. Мятежники терпели крошечное поражение. Тотлант остро чувствовал присутствие отца, ксальтотуна.

Ксальтотун не сильнее Иштар и не хитрее. Но ксальтотун человек, а Иштар — богиня. И думают они по-разному.

Клелия Кассиана, где ты?

Клелия не отзывалась. Божественную мысль заглушало алое сияние, исходившее от шатра.

— За мной! — вопил Конан. А за ним было идти некому. И некуда. Гвардия Черных Драконов, возглавляемая внезапно озверившимся Хальком (заметим, всего лишь библиотекарем и летописцем... Однако не забывшим, как быть рыцарем) застряла в густой толпе Серой гвардии в десяти шагах позади. Даже Эртель и Веллан, неразлучные дружки, всегда дерущиеся бок о бок, куда-то сгинули.

Остались только Тотлант и Конан. И Зенобия. Куда пропал Аластор, никто не знал, да и не хотел знать, ибо время сейчас было слишком коротко.

— Коннэр! — выкликнула Дженна, употребив забытое для цивилизации, но известное любому варвару древнейшее произношение имени «Конан». — Конан! Давай за мной!

Конан, как ни странно, послушался женщину. Да, женщину. В кои-то веки варвар признал, что девица из захолустья, купеческая дочка (пусть даже из любимого Конаном Пограничья) способна прорваться через все опасности, отразить клинком любые удары и заместо его самого — Конана! — возглавить поход.

Аженна так и сделала. Она видела, как отряд Конана терпит поражение перед Серой гвардией Бельверуса, именно она первая рванулась вперед, исполняя волю аквилонского короля, именно она разрубила двумя взмахами клинка строй гвардии герцогини Даны, и именно Аженна первая ворвалась в шатер.

— Дана! — тяжело выдохнула Зенобия, увидев перед собой отнюдь не великую повелительницу, а напуганную девочку. — Дана, у тебя выбор. Либо ты веришь мне, либо умрешь.

— Лучше умру, — слабо проговорила Долиана Эрде. Дочь Мораддина. — Я верю тебе, но не смирюсь с поражением.

Мимо Зенобии промелькнула какая-то тень. Принц Ольтен.

Он с обнаженным мечом бросился к отряду своей гвардии, оборонявшей вершину холма. Если принимать смерть, то принимать ее так, как полагается сыну короля и королю!

Зенобию швырнуло прочь. Нет, не силой принадлежащей человеку, не взмахом руки или ударом клинка.

Магия. Колдовство. Волшба. Великая мощь, заключенная в Алом Камне.

Дана перед лицом поражения использовала свой единственный резерв. Камень.

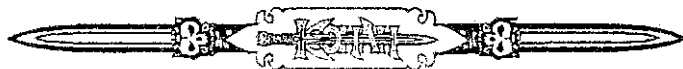
* * *

Тотлант сражался наравне со всеми. Преподаваемые Эртелем и Эрхардом уроки мечного боя, как конного, так и пешего, для волшебника оказались весьма полезны. Кто бы знал, что разбитные и веселые оборотни, полагавшие мечную науку забавой, однажды спасут жизнь стигийскому волшебнику.

Он думал, что сия забава — только лишь забава и ничего больше. Драка? Фу! Волшебник работает своим разумом и ничем больше. Тотлант считал уроки, обучающие его поединкам на клинках, ненужностью. И вот тебе, пригодилось! Любое умение всегда пригождается. Рано или поздно.

Они застряли буквально в нескольких шагах от большой палатки Даны Эрде и принца Ольтена. И не могли пробиться к ней. Черный Драконы гибли один за одним. Тотлант начал понимать, что через несколько мгновений он останется совсем один, и даже дарованная госпожой Клелией Сила не поможет.

«Боги величайшие, Сет, Митра, Иштар, Бел, как же глупо складываться за чужую идею и чужую мысль! — подумал Тотлант. — Но если моя смерть подстерегла меня именно здесь, я уйду к Нергалу со спокойной душой, и предстану перед Великим Судьей с чистой совестью. Да, я изме-

нил друзьям и изменил отцу, но две эти измены себя уравнивали...»

Тотлант не успел умереть. Наверное, потому, что не хотел.

Шатер Даны Эрде и Ольтена разорвало. В самом буквальном смысле данного слова. Обрывки ткани полетели по ветру.

Люди, дравшиеся против Черных Драконов и последних четверых гвардейцев Альбиорикса, внезапно опустили мечи.

Нет шатра. Вместо него — один огромный полуoval, светящийся багрово-черным цветом.

Врата. Врата в иной мир.

Именно в этот момент Тотлант и упал с седла. Лошадь, повинаясь природному зову, сторожащемуся любой чуждости, убежала.

И Врата раскрылись. Тотлант ясно чувствовал действие Алого Камня. Великий Камень Равновесия решил обратить свою силу во зло. Вернее, решил не сам Камень, а его Владелица. Дана при помощи Камня открыла портал в иной мир.

Долиана Эрде, дочь Мораддина и Ринги, стояла перед наливающимися темной краской Вратами. Она простерла руки в сторону противника, призывая не принадлежащие к Хайбории силы ударить по врагу.

Тотлант бессильно пал наземь. Эти силы были не по его Силе. Силы не принадлежали никому. Они принадлежали Вечности.

«Финал. Великая битва богов. Конец существу, — подумал Тотлант, лежа на грязной земле. — Дана выпустила из небытия Великое Чудовище.

Пусть боги нас спасают, если захотят. Или спасаются сами».

Чабела, наблюдавшая за битвой со стороны своего «Зингарского холма», видела лишь одно. Над возвышенностью, где укрепились мятежники, взлетели десять черных теней, возглавляемых чудовищным призраком на бесцветном туманном драконе.

Призраки начали поражать любого, кто оказался рядом. Неведомые монстры прошли кругом над битвенным полем, метая бледно-синие молнии, затем угнездились на холме мятежников и...

* * *

Тотлант, благодаря своей, приобретенной по наследству магической силе, сумел победить оцепенение и встать.

Возле него кружились десять чудовищных призраков. Призраков, не принадлежащих к миру Хайбории.

Бесспорно, они могли существовать в этой Вселенной раньше, до того, как в мир пришли люди.

Но сейчас эти призраки были... были чужими. Гораздо более чуждыми, чем Властелин Небесной Горы, Тицо, пришедший в Хайборию из внешних миров.

Призраки древности.

Тотлант понял, что с великой магией, коей обладают призраки, бороться невозможно.

Тотлант сдался.

Он снова повалился на мокрую землю и затих. Попробовал наблюдать. Наблюдать, ожидая смерти и конца мира.

* * *

Вслед за Зенобией в шатер ворвался Конан.

— Дженна, что здесь?..

— Быстрее, варвар!

— А давай-ка ты будешь еще быстрее, варварка!

Конан успел подхватить на плечо только принца Ольтена.

Зенобию ранили Серые гвардейцы. Она отбивалась сама. Зенобия не ждала помощи, рассчитывая только на себя.

Дженна и Конан сумели отступить.

Конан, прихватив себе тяжелого немедийского жеребца, перебросил через седло бесчувственного Ольтена, и, не дожидаясь Дженны, ринулся через строи немедийцев, не обращая внимания на извивавшихся сверху призраков.

Конан не верил в магию.

Дженна верила.

И знала, как от нее защищаться.

Именно поэтому Дженна была последней, кто прорвался через цепи Серой гвардии и почуввавших поражение мятежников.

За Конаном и Дженной шел очень малый отряд.

* * *

Тотлант почуял, что Силе Алого Камня начинает противостоять другая, еще более мощная Сила.

Вокруг — никаких друзей, только враги.

Черные Драконы ушли защищать своего короля. Наверху витают жуткие чудовища, вызванные Даной из ниоткуда и поражающие любого смертного, забирая у человека душу в Никуда, а не отправляя ее в царство успокоения, к Нергалу.

Из арки, созданной Даной, полезли монстры. Тотлант не понимал, что это такое: в мире человека ничего подобного не может быть — скользкие, обвешанные грязной шерстью, кровожадные зверюги, не способные понять, что такое мир человека, и не способные его принять.

Сила Алого Камня проявила себя во всей мощи. Равновесие обратилось во Тьму.

Тотлант, чувствуя, как болит сломанная правая рука, вновь был готов погрузиться в приятную бессознательность, за которой грядет смерть.

И вдруг...

Незримый всадник, находившийся на краю битвенного поля, перестал быть бесцветной точкой на карте великого сражения. Он изменялся, возвращаясь к своей прежней, давно позабытой личине.

Гигантская пепельная лошадь, растапывая своими копытами дерущихся — маленьких-маленьких человечков — рванулась к шатру Даны.

Кто сидел в ее седле? Чья тень смотрела на мир глазами, похожими на мерцающие в тумане звезды?

Кто носил корону, выкованную из черной стали — без украшений и драгоценных камней, с узором в виде драконьих голов? Рукоять чьего меча походила на серп новорожденной луны — ослепительно-сияющий и чистый?

Он велик. Он превосходит по мощи и Силе нынешних богов Хайбории. Он никогда не проявлял свою Силу, когда настало царство людей. Он велик...

Или «он был велик»?

Вот он, Рота-Всадник! Тот, кто рожден прежде Митры, Иштар, Сета и Бела, а также всех других богов.

«Эллар и есть Рота? — обреченно догадался Тотлант. — Теперь все понятно... И его стремление попасть в Десмварт, и желание не допустить сражения с участием Камня, и стремление сохранить жизнь Долиане Эрде... Эллар — Астэллар — Темная Звезда. Почему я раньше не сообразил? Почему? Но как? Откуда? Спустя восемь тысячелетий?»

Ответом пришла трепетная мысль Клелии Кассианы:

«Да, перед нами Рота. Это не конец времен, он не возвращается со славой в наш мир, он просто желает сохранить свое достоинство. Рота знает, что более не относится к нашему миру, хотя в чертогах богов нашлось бы место и для него. Полагаю, его нужно поддержать и защи-

тить его права. Права бога. Права древнейшего бога».

«Я согласен с тобой, Иштар, — мысленно пробормотал Тотлант. — Но как будем жить мы, люди?»

«Люди думают сами, — отозвалась Клелия Кассиана. Великая Иштар. — И мы, боги, не влияем на их рассуждения. Я, Иштар, говорю — ваша мысль подобна божественной. Ибо любой человек подобен богу. Если того захочет».

* * *

Вот оно, свершилось! Чудовищный всадник, скакавший над полем битвы, разивший только тех, кто пытался оказывать ему сопротивление — а люди не могли сопротивляться древнему божеству — выехал вперед и провозгласил со своего коня-монстра, пускавшего из ноздрей багровый огонь:

— Мир принадлежит не мне, но я здесь живу. Мир принадлежит Всесущему, и Всесущий — владелец огромной таверны. Да, я один из служек. Не первейший, но важный. И я говорю — прочь отсюда!

Засим призрак гигантского Всадника-Роты развернулся к выстроенному Даной portalу, повел рукой, и красно-багровое кольцо сомкнулось, провалившись внутрь себя и оставив на прощание всплеск алого пламени.

— Мир есть сущность, смешение Белого и Черного, — возвало создание, возвышавшееся над

обеими армиями, прекратившими сражение.—
Сохраните мир!

«Сохранить? От чего сохранить? — задался
сам себе вопросом Тотлант, теряя сознание.—
Кто ты?»

«Я — Рота. Былой король Огня и Войны. Я не
хочу властвовать над вами. Я — ушедший и за-
бытый. И меня это устраивает. Но уничтожить
этот мир с помощью моей ушедшей и забытой
силы я не позволю...»

* * *

Конан вместе с небольшой группой друзей
уходил от места, где витали призраки. Через
седло варвара был переброшен человек, именую-
щий себя принцем Ольтеном из Эльсдорфов,
младшим сыном короля Нимеда.

Тараск праздновал победу.

Серая гвардия полегла. Чудовища были унич-
тожены чужой Силой. Призрак Всадника-Роты
сгинул сам собой.

Мятежники рассеяны.

Тараск ощутил себя королем.

Он победил в битве. Его правоту подтвердил
Суд богов. Совет Семи королей будет вынужден
его признать.

Тараск — король Немедии?

Почему бы и нет?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛАНИК МРАКА

Олаф Бьорн Локнит

Сопроводительное слово к рукописям.....	5
Глава первая.....	8
Глава вторая.....	61
Глава третья.....	111
Глава четвертая.....	149
Глава пятая.....	187
Глава шестая.....	212
Глава седьмая.....	252
Глава восьмая.....	288
Глава девятая.....	330
Глава десятая.....	365
Глава одиннадцатая.....	403

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Локнит Олаф Бьорн

Конан и посланник мрака

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

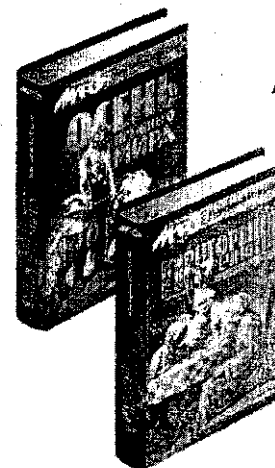
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
А. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастическую эпопею

Константина Бояндина

РАДИОЧ

читайте первые книги цикла:

Осень прежнего мира
Пригоршня вечности
Ветхая ткань бытия
Смутные тени судьбы

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

*Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семи Королевств».*

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.
Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.
Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.
Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.
Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.
2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге:
Невский проспект, д. 72, магазин № 49. Тел. 272-9031.

Оптовая торговля:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает каждому вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10.

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

**ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
КРЫМСКАЯ ВОЙНА
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
ФИНСКАЯ ВОЙНА**

и др.

Перед вами откроются загадки войн
и военных конфликтов,
о которых молчала
официальная история.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДА ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОАНИЙ 60	КОНАН И ТИТРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И САУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67			
КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71			

ISBN 5-17-009988-6

9 785170 099887